

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/018d0a82-33fb-7c8e-a802-2a0fdabc6dae>

Педагогический состав

Направленность: Гет

Автор: MBelinskaya (<https://ficbook.net/authors/1222308>)

Беты (редакторы): Anya Brodie (<https://ficbook.net/authors/3153859>)

Фэндом: Роулинг Джоан «Гарри Поттер», Гарри Поттер (кроссовер)

Пэйринг и персонажи: Теодор Нотт/Дафна Гринграсс, Джинни Уизли/Блейз Забини, Драко Малфой/Гермиона Грейнджер, Гарри Поттер/Пэнси Паркинсон, Линда Бронтэ, Курт Морган, Каспер Фоули, Эрик Розье, Венди Морган, Оливия Брэдли, Сабрина Слизнорт

Рейтинг: NC-17

Размер: 245 страниц

Количество частей: 24

Статус: завершён

Метки: Приключения, Серая мораль, Напарники, Романтика, Ангст, Юмор, Флафф, Психология, Повседневность, Стёб, Учебные заведения

Описание:

Когда Минерва Макгонагалл и другие профессора отказались вернуться в Хогвартс после войны, его хотели закрыть. Но Гарри Поттер не только убедил Министерство сохранить школу, но и встал в её главе. Он собрал бывших однокурсников, врагов и друзей воедино, создав новый педагогический состав. И вот во что это вылилось...

Примечания:

Метки будут добавляться по мере выхода глав.

Трейлер работы <https://youtu.be/DL2yMSr0KRY>

Посвящение:

Посвящаю эту работу дорогой Валерии Леоновне. Потому что именно благодаря её идеям и проекту несколько месяцев назад родилась идея педагогического состава. Люблю. Ценю. Обожаю.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора / переводчика

Оглавление

Оглавление	2
Глава 1 «Студенты с большой буквы»	4
Глава 2 «Трудные подростки»	17
Глава 3 «Неудавшиеся дуэлянты»	29
Примечание к части	39
Глава 4 «В поисках перемирия»	40
Примечание к части	52
Глава 5 «Корень конфликта»	53
Примечание к части	65
Глава 6 «Слизеринские договорённости»	66
Примечание к части	76
Глава 7 «Теория общего врага»	77
Примечание к части	86
Глава 8 «Командная игра»	87
Примечание к части	97
Глава 9 «Обмануть декана за две сцены»	98
Глава 10 «Способность переключаться»	109
Примечание к части	120
Глава 11 «План Драмиона»	121
Глава 12 «Мы победили»	131
Примечание к части	142
Глава 13 «Сорваться в бездну»	144
Примечание к части	154
Глава 14 «Рождество Грейнджер»	155
Примечание к части	164
Глава 15 «Проект «Solitudo»	165
Примечание к части	175
Глава 16 «Всё ещё трудные студенты»	176
Примечание к части	185
Глава 17 «Охота на правду»	186
Примечание к части	195
Глава 18 «Провокация»	196
Примечание к части	204
Глава 19 «Здесь и сейчас»	205
Примечание к части	214
Глава 20 «Новый адресат»	215
Примечание к части	226
Глава 21 «Я не убийца»	227
Примечание к части	236
Глава 22 «Ярмарка чудес»	237
Примечание к части	247
Глава 23 «Последний союзник»	248
Эпилог	258
Примечание к части	259

Глава 1 «Студенты с большой буквы»

1 сентября 2006 год, Хогвартс

На землю уже опустились сумерки, когда Хогвартс-Экспресс прибыл на станцию в Хогсמיד. Первокурсники медленно выходили из вагонов, мечтательно заглядываясь на звёзды, и иногда почёсывались от колючих мантий, к которым не успели привыкнуть. Профессор Уизли встречал их с большим фонарём в одной руке и недоеденным бубликом в другой, отчего заговорить смог не сразу.

— Все первокурсники сюда, — закричал Рон. — Можете не спешить.

С этими словами он опустил фонарь на землю и откусил сдобу, стараясь медленнее жевать. Другие студенты, давно привыкшие к неторопливости профессора, не обратили на это внимания и скорее поспешили к повозкам. Лишь одна из девушек, на вид курса с шестого, быстрыми шагами подошла к нему и поздоровалась.

— И тебе здравствуй, Оливия, — довольно кивнул Рон.

— Профессор, я всё лето не могла уложить в голове вашу последнюю лекцию...

От этих слов глаза Рона округлились. Он тут же выбросил бублик в рядом стоящую урну и закричал:

— Первокурсники, где вы ходите? Нам пора в Хогвартс! — опустив голову, он вновь посмотрел на Оливию. — Всё потом, такой день, столько работы, мне пора...

Оливия гневно прищурилась и скрестила руки на груди, улавливая желание профессора от неё сбежать. Она уже хотела возмутиться и пригрозить жалобой директору или, что было для Рона гораздо опаснее, своему декану.

— Лив, вот ты где! — слышался голос позади неё. — Не трогай профессора Уизли, нас ждёт повозка.

Юноша взял её за запястье, другой рукой подхватил девичий чемодан и скорее потянул к выходу с платформы.

— Курт, но мне...

— Пойдём, Лив, потом всё узнаешь, — Курт подтолкнул её вперёд.

Перед тем как скрыться, Курт последний раз обернулся и подмигнул профессору. Отчего Рон довольно улыбнулся, удовлетворительно кивнув и сделав в голове пометку зависить ему балл на следующем занятии.

Остальные же студенты, ещё не восплаившие любовью к знаниям, медленно двигались по направлению к школе. Издалека слышались волнительные рассказы о проведённом лете, планы на грядущий учебный год и сожаления о закончившемся отдыхе. Но, несмотря на это, все были рады вернуться в Хогвартс.

А пока все добирались до замка и своих спален, во внутреннем дворе уже стоял один из деканов.

Он скептически оглядывал окрестности школы и иногда ругался на пролетающих мимо привидений, мешавших его одиночеству. Сами же призраки предпочитали не отвечать на его нападки, делая вид, будто ничего не слышали. Но хватало их ненадолго, и, оказавших метрах в пяти от молодого профессора, они сразу принимались обсуждать его поведение.

— Можно быть и повежливее, Малфой, — хмыкнула подошедшая Гермиона. — Они такие же обитатели замка, как и ты.

— С разницей, что я здесь проживаю официально, — ответил Драко, а после взглянул на циферблат магловских часов. — И ты опоздала. *Опять.*

— Или ты пришёл рано, чтобы грозно на меня посмотреть. *Снова,* — улыбнувшись, сказала Гермиона.

На этот выпад Драко промолчал и повернул голову в противоположную сторону, скрывая приподнятые уголки губ. Гермиона же пожала плечами и опустила глаза, продолжая хитро поглядывать на его расслабленную спину.

Это была своего рода традиция. Обычай, который не нарушался из года в год, становясь тёплой отдушиной в начале учёбы. Деканы Слизерина и Гриффиндора, воинствующих факультетов даже после перестройки школы, встречались у главного входа, чтобы поприветствовать первокурсников. Драко всегда приходил раньше, Гермиона к назначенному времени, они обменивались колкими замечаниями, а после ждали студентов в тишине.

Вот уже пять лет.

И никогда их негласные правила не нарушались. Всё проходило штатно по уже отработанному и повторенному не раз сценарию. Кроме сегодняшнего дня. Этим вечером, помимо детей, прибывал важный, но никем в Хогвартсе не уважаемый гость. Однако чувствовали напряжение от этого уже не деканы, а руководство школы — директор и его заместитель.

Они быстрыми шагами приближались к главному входу, а их диалог был слышен за пару десятков метров.

— Еда?

— Готова.

— Кабинеты?

— Вычищены.

— Шляпа?

— Ворчит меньше обычного.

Как только они подошли к Драко и Гермионе, те оглянулись и слегка

улыбнулись, видя беспокойство и взбурдаженность на лицах руководителей.

— Поттер, хватит тебе, — усмехнулся Драко. — Если что, ты всегда можешь исчезнуть, как Дамблдор.

Гарри прищурился, гневно осматривая Драко с ног до головы, пока заместитель поправляла директорскую мантию.

— Ещё слово, — грозно указав на Драко пальцем, произнесла Пэнси, — и ты будешь водить её по школе вместо нас.

— Ладно-ладно, — выставив руки перед собой, рассмеялся Драко. — Но правда, вы видели Бронте? Она чувствует страх. Будьте спокойнее.

Гарри и Пэнси нервно переглянулись и вобрали в лёгкие побольше воздуха. Переживание на их лицах едва не читалось, отчего Гермиона поджала губы и погладила Гарри по плечу, пытаясь успокоить. Но это не помогало, Гарри хоть и улыбнулся, но в десятый раз за минуту поправил свою одежду.

Вдруг раздался свист ветра, и на внутренний двор школы приземлилась небольшая карета. Гарри, Пэнси, Драко и Гермиона тут же выпрямились и завели руки за спины, ровно смотря перед собой в ожидании гостя.

Казалось, что напряжение здесь можно было потрогать.

Дверь кареты открылась, и оттуда вышла худощавая рыжеволосая женщина в чёрном строгом костюме и на высоких каблуках. В руке она держала небольшую сумку с документами, а во второй крепко сжимала палочку, взмахом которой и закрыла свой транспорт.

— Добрый вечер, мисс Бронте, — очаровательно улыбнувшись, произнесла Пэнси.

— Не утруждайтесь, мисс Паркинсон, — хмыкнула Линда, замирая перед ней и Гарри. — А лучше уступите дорогу, у меня нет времени на любезности.

Гарри и Пэнси тут же отошли в сторону, пропуская её. Линда быстрыми шагами двинулась по коридору, попутно задавая провокационные вопросы о всех целях, которые они ставили на этот учебный год. Оба поспешили за ней, скорее нагоняя и отчитываясь по каждому требуемому пункту.

Лишь когда их голоса утихли, Драко и Гермиона переглянулись, явно недовольные ситуацией.

— Какая же она стерва, — сквозь зубы произнесла Гермиона.

— Впервые с тобой согласен, — ответил Драко. — Характер невыносимее твоего.

Гермиона посмотрела на умиротворённого Драко и наконец вспомнила, почему он так раздражал её. За лето это успело стереться из памяти и оставить лишь хорошие моменты совместной работы.

— Где вообще Уизли? — хмыкнул Драко, а после взглянул на Гермиону. — Он

ведь в курсе, что, утопив пару студентов, не сократит количество общих занятий?

— Малфой, какой же ты...

— Первый курс, мы не гуляем около Гремучей Ивы, а идём во внутренний двор, вещи потом у неё отберёте, — голос Рона слышался издали.

Гермионе пришлось замолчать и натянуть доброжелательную улыбку, за чем Драко с удовольствием наблюдал, радуясь короткой победе.

Двое слизеринцев, прибывших в школу ненамного раньше остальных, украдкой пробирались к Большому залу, стараясь быть незаметными. Получалось у них это гораздо хуже, чем унижение маглорождённых, и абсолютно отвратительно по сравнению с высокомерными речами.

Перешёптываниями и тихой руганью оба привлекали внимание портретов, которые громко цокали и возмущались началу учёбы. Но юношей это не сильно волновало — за годы жизни в старинных поместьях они привыкли к подобному. Поэтому, гонимые своей гадкой целью, они мечтали скорее закончить планируемую. Чтобы после, как ни в чём не бывало, войти и сесть за стол.

— Каспер, ты можешь не озирааться каждую секунду?! — гневно процедил один из студентов.

— А если нас увидят? Отец обещал отобрать метлу, — ответил ему Каспер.

— Я отберу у тебя что-нибудь похуже, если из-за твоей паранойи нас поймут.

— Эрик! — грозно прорычал Каспер и поспешил нагнать друга.

Ещё несколько минут они двигались вперёд, пока не дошли до Большого зала. К их счастью, кроме Распределяющей шляпы, никого не было. Поэтому они быстрыми шагами прошли внутрь, разливая под столами приготовленное зелье. Аккуратно, тщательно, едва не ползая по полу, они старались не упустить даже маленький кусочек.

И лишь когда закончили, довольно улыбнулись и подошли к трибуне, откуда обычно вещал директор. Направив палочки в воздух, так, чтобы с этого места было видно абсолютно всё, они произнесли нужную фразу и скорее поспешили к выходу.

Веселясь, они быстро покинули Большой зал и уже спокойно шли по коридору, нахваливая собственную изобретательность. В их представлении, сделанное должно было стать главным событием и лучшим началом учебного года. Это покажет всем и каждому, кому и где место.

Что Эрик, что Каспер искренне считали, что именно этого недоставало их поколению, — напоминания о том, что такое чистота крови, зачем она нужна и как должны себя вести им неудобные. А остальное?.. Это уже детали.

Эрику и Касперу было плевать на чувства, гуманизм, правильное или неправильное в отношении школы, директора и преподавателей. Чистокровные подростки никогда не отличались эмпатией, состраданием и желанием изменить собственный склад ума. Несмотря на попытки современного образования и пропаганду Министерства магии подтолкнуть их к этому.

Да, существовали добродушные дети, воспитанные в правилах нацистского порядка. Но они были скорее исключением, чем правилом. Потому что, несмотря на окружающий мир, изменения двигались слишком медленно, а жестокость пылала в юных умах уже сейчас.

Поэтому в представлении Эрика и Каспера, двух друзей с самого первого курса, не было ничего правильнее и лучше сегодняшней идеи.

— А что это вы здесь забыли так рано? — голос преподавателя заставил обоих замереть.

Натянув самые очаровательные улыбки, на которые они были способны, оба развернулись, увидев перед собой профессора Уизли.

— Мистер Розье, — Джинни посмотрела на Эрика, — мистер Фоули, — она перевела взгляд на Каспера. — Не рановато для прогулок по коридорам школы?

Оба несколько секунд молчали, не находя, как лучше выйти из ситуации. Лишь спустя пару мгновений Эрик ответил:

— Хотели начистить метлы, — он знал, как порадовать преподавателя по полётам. — Завтра же начинается квиддич, — Эрик повернул шею то в одну, то в другую сторону. — Нужно размяться, чтобы всех победить.

Джинни скрестила руки на груди, сжала губы и прищурилась, внимательно смотря на студентов в поисках подвоха. Но те профессионально умели лгать и создавать вид, будто не имеют ни к чему отношения. Даже в самых сложных ситуациях у них получалось выйти сухими из воды, и сегодня они намеревались сделать то же самое.

— Профессор Малфой сообщил, что сегодня в школе важный гость? — уточнила она, получая в ответ кивки. — И если произойдёт нечто непоправимое, виновные будут найдены и очень строго наказаны.

Эрик тяжело выдохнул и слегка опустил голову, смотря на Джинни.

— Как вы могли такое о нас подумать? — разочарованно покачал головой Эрик. — Честь школы, имя директора, декана и вас, как любимого профессора, нам ужасно важны. Мы не посмеём их запятнать.

Джинни последний раз хмуро осмотрела их, а после кивнула.

— Вам же лучше, если это окажется правдой, — сказала она, прежде чем двинуться в сторону Большого зала.

Оба провожали её взглядом, широко улыбаясь и надеясь, что она не догадается, чьих рук ближайшая проделка в этой школе. Как только Джинни

скрылась за поворотом, они шумно выдохнули и тихо засмеялись.

— Но какая же она... — Каспер поджал губы, мечтательно смотря в сторону, куда ушла Джинни. — Я понимаю, почему Забини с ней спит.

— Говори громче, — ухмыльнулся Эрик. — Чтобы он точно услышал, а твои занятия по истории магии превратились в собрание троллей.

Каспер слегка толкнул Эрика в грудь.

— Достал, — слыша смех друга, бросил Каспер и двинулся вдоль коридора.

Линда медленно прошла вдоль большого окна в квиддичной раздевалке, проводя по краю подоконника рукой. Взглянув на кожу, она прищурилась и потерла подушечки пальцев друг о друга, делая заметку в своём журнале. Начиная злиться Пэнси посмотрела на Гарри, пытавшегося сохранять ледяное спокойствие.

Получалось у него это отвратительно.

Сделав пометку, Линда выпрямилась и подняла голову к потолку, после она коснулась палочкой папки и достала оттуда солнцезащитные очки. Надев их, Линда прошла дальше по раздевалке, всё время смотря вверх, из-за чего дважды чуть не врезалась в шкафчики, любезно перемещаемые Пэнси.

— Слишком темно, — хмыкнула Линда. — Если здесь не нужно писать, это не руководство к экономии на освещении, директор Поттер.

Линда убрала очки и тяжело выдохнула.

— Вероятно, финансирование школы слишком хорошее, если вы позволяете себе...

— Вероятно, вы считаете, что нам вовсе не должны выделять средства? — не выдержав, спросила Пэнси. — Я, как заместитель директора, могу предоставить вам абсолютно все сметы. Каждый галлеон пошёл на самое необходимое.

Линда недовольно поджала губы и прищурилась, с ног до головы оглядывая злившуюся Пэнси. Беспокойство, лившееся из неё ещё час назад, будто испарилось, сменяясь строгостью с оттенком пассивной-агрессии.

— А вам, как заместителю директора, — Линда ухмыльнулась ровно на секунду, — я рекомендую поработать над гардеробом. Потому что вашей должности он не соответствует.

С этими словами Линда указала на выход из раздевалки и потребовала, чтобы только директор показывал ей школу. Гарри положил руку на плечо Пэнси и едва заметно кивнул, нежно его поглаживая. Она в ответ едва коснулась его ладони, слегка царапнула её ногтями, а после взглядом указала на дверь. Перед тем как уйти, Гарри добродушно ей улыбнулся, получая блеск в глазах взамен.

Как только дверь закрылась, Пэнси скептически осмотрела себя в зеркале. Чёрное платье чуть выше колен с закрытым декольте подчёркивало её талию, грудь и длинные бледные ноги. Мантия поверх него практически ничего не скрывала и выглядела скорее как плащ для удобного хранения палочки, чем повседневная одежда.

Вероятно, именно это раздражало Линду. Пэнси была уверена, что в её представлении преподаватель должен быть не симпатичнее стеллажа с учебниками. И Пэнси, на свою радость, этому не соответствовала, а даже напротив...

Ухмыльнувшись мысли о зависти, Пэнси хмыкнула и тут же вышла в коридор, где едва не врезалась в проходящих профессоров.

— Да сдам я отчёт завтра, — выставил руки перед собой Тео. — Чего с кулаками-то?

Пэнси выпрямилась и недовольно прищурилась.

— Если бы насущные проблемы решил твой отчёт, — она закатила глаза и глубоко вдохнула, переводя взгляд на Блейза. — Бронте дрянь.

Блейз тихо рассмеялся и кивнул.

— Говорил с ней всего один раз. Ощущение не из приятных, — сказал Блейз и осмотрелся по сторонам. — Скоро вообще уедет? Не хочу пересечься.

— Если бы, — выдохнула Пэнси. — Хочет послушать речь Гарри. Уже вижу список её корректировок к каждому слову.

Блейз громко фыркнул, а Тео хитро улыбнулся. Заметив это, Пэнси прищурилась, а уже через секунду её глаза округлились, и она отрицательно покачала головой.

— Ты не будешь с ней говорить, — тут же запротестовала она.

— Почему? — невинно улыбнувшись, спросил Тео. — Я люблю делать комплименты дамам, вы так светитесь каждый раз.

Пэнси уже была готова схватить его за руку, чтобы остановить, когда между ними оказался довольный Блейз.

— Ладно тебе, — встал он на защиту друга. — Пара двусмысленных комплиментов, и летит ваша Бронте отсюда на сломанной метле. Тео же у нас душа.

— И я отлично нахожу общий язык с дамами всех возрастов и характеров, — выглянув из-за спины Блейза, добавил Тео.

Пэнси несколько секунд бегала глазами от одного хитрого слизеринца, которого звала другом, к другому. Постепенно их решение становилось для неё вполне логичным.

Даже если вытравить Линду отсюда не получится, Пэнси хотя бы вдоволь

насмеётся над её реакцией на Тео.

— Ладно, — сказала Пэнси и перевела взгляд на Тео. — А что касается отчёта...

— Где там ваша Бронте? — тут же спохватился он и направился вдоль коридора.

— Каждый день задержки карается бутылкой огневиски, — крикнула она ему вслед.

— Ты не выпьешь столько, — пропел Тео, улыбаясь.

Ускорив шаг, он уже в следующую минуту скрылся за поворотом и надеялся не вернуться, когда услышал:

— Зато битое стекло отлично подходит для украшения класса Астрономии, — довольно добавила Пэнси.

Тео тут же выглянул из-за угла и прищурился, не веря сказанному.

— Ты не посмеешь, — прошептал он.

— Вот и узнаем, — улыбнулась Пэнси ему в ответ.

Студентов в школе становилось всё больше с каждой минутой. А при отсутствии домовиков, которые разбирали вещи, складывалась незабываемая атмосфера предвкушения. Многие из них уже успели разместиться в спальнях, показать друг другу новые вещи и рассказать о последних событиях лета. Другие же рыскали по школе в поисках нужных им преподавателей или уже сидели в Большом зале, общаясь с остальными.

Хогвартс наполнялся голосами, звуками, радостью и смехом. Словно оживая на глазах своих постоянных жителей.

Гарри же шёл по коридору за Линдой, которая шаг за шагом критиковала всё, что в школе находилось и чего здесь вовсе не было. Казалось, даже существенные поводы ей были не нужны. Она сама их отлично выдумывала по мере ухудшения собственного настроения, причиной которому был Гарри.

И его это, несмотря на многие факты, всё ещё удивляло. Гарри знал, что Линда не является сторонницей возвращения Хогвартса. Это было ясно ещё восемь лет назад, когда он только предложил идею. Но такой ненависти к этому Гарри не ожидал и не встречал даже у Амбридж.

Ту не устраивала система управления и сам Дамблдор. А Линду будто раздражало существование школы.

— И по преподавательскому составу, — она замерла у входа в Большой зал, открывая папку. — Вы действительно считаете Пожирателей смерти хорошими профессорами?

Очередной вопрос, на который Гарри следовало бы спокойно ответить, натянув улыбку. Но нет, это стало последней каплей его стремительно заканчивающегося терпения.

С этим высказыванием Гарри не был готов мириться. Потому что собрать этот преподавательский состав ему стоило слишком многого, и он ценил абсолютно каждого. Гарри верил, что лучшие представители своего времени успешно работали под его руководством вот уже шесть лет.

— Безумно, — строго ответил Гарри, заставив Линду нахмуриться от резкой смены тона. — И они доказали это за годы работы. Скольких учеников Кингсли с гордостью отправил в другие школы по обмену?

Линда на секунду замолчала.

— Тридцать четыре, — сквозь зубы произнесла она.

Брови Гарри на секунду взмыли вверх, спрашивая это, он и не надеялся, что она знает точную цифру.

— Именно, — делая вид, будто ситуация его не сильно удивила, ответил Гарри. — Из них тринадцать — студенты Слизерина, деканом которого является Драко Малфой, трое признаны лучшими в нумерологии, преподаваемой Дафной Гринграсс, пятеро выиграла стажировку в Министерстве после идеальной сдачи истории магии, и это заслуга...

— Блейза Забини, — хмыкнула Линда. — Я в курсе, какие предметы они ведут. Вопрос не в этом, а в том, уверены ли вы, что однажды эти профессора не повернут против вас студентов?

— Уверен, — в такт ей ответил Гарри. — У меня всё под контролем.

Линда замолчала и опустила взгляд в папку. Казалось, будто в ней было ещё много вопросов, которые заставят Гарри ненавидеть Линду, но внезапно появившийся Тео отвлек её внимание. Подойдя к ним, он очаровательно улыбнулся, отчего она тут же поёжилась и вытянула ладонь вперёд, желая пожать ему руку.

— Позвольте представиться, — произнёс Тео. — Теодор Нотт. *Младший*.

Он едва коснулся пальцами её кожи и слегка наклонился, целуя тыльную сторону ладони. Глаза Линды заметно округлились, подобным образом её не встречали ещё ни в одном учреждении магической Британии.

— А вы, полагаю, очаровательная мисс Бронте? — уточнил он. — Уважаемый представитель Министерства магии, который почтил Хогвартс своим присутствием.

— Да, — слегка растерявшись, ответила Линда.

— Позвольте проводить вас к столу? Вот-вот начнётся церемония распределения. Захватывающее зрелище, каждый год люблюсь, — он взял её под руку и подтолкнул к Большому залу.

Ошарашенный Гарри, который наблюдал за этой картиной, пару минут стоял в немом шоке, пока Пэнси и Блейз не подошли к нему со спины, довольно улыбаясь.

— Ваших рук дело? — Гарри кивнул на уходящего Тео.

— Всё ради Хогвартса, — пожал плечами Блейз. — А теперь пойдём, пока не пришёл Малfoy и не занял моё любимое место.

Большой зал наполнился детьми настолько же стремительно, как Линда отсела подальше от Тео и устроилась рядом с директором. Вопросов она уже не задавала, но его нежелание находиться рядом с ней виделось за версту. Поэтому старшие курсы с легким сожалением смотрели на Гарри.

Среди учеников он успел заработать репутацию не просто человека, который сумел отвоевать Хогвартс не только у Тёмного Лорда, но и у Министерства магии, а того, кто всегда способен напомнить, как важно стремиться к своим целям.

Своим примером Гарри не раз доказывал, насколько тяжёл и тернист путь, даже если ты Избранный. И многих это вдохновляло, включая не только гриффиндорцев, но и некоторых слизеринцев. Отчего студенты умудрились расположиться к новоиспечённому директору безумно быстро. Из-за этого в школе было намного спокойнее и комфортнее всем, включая персонал, преподавателей и, конечно же, детей.

Церемония распределения проходила монотонно. В этом году объявлял студентов декан Гриффиндора, а именно Гермiona Грейнджер, преподаватель трансфигурации. Она с улыбкой на лице зачитывала имена и иногда делала шляпе замечания, чтобы та меньше ворчала и ругала детей за вспотевшие лбы.

Как только последний студент был объявлен, к трибуне подошёл директор. Гермiona же с улыбкой вернулась к преподавательскому столу. Она слегка поёжилась, обнаружив, что единственное свободное место, как и каждый год, осталось рядом с Драко.

Порой это казалось продуманным планом.

— Гриффиндорцев в этом году на одного больше, — произнесла Гермiona, делая глоток сока.

— Значит, башен у школы к концу года станет на одну меньше, — пропел Драко, передавая ей тарелку с холодными закусками.

Она хмыкнула, осторожно переложила несколько кусочков нарезки к себе и благодарно кивнула Драко. Наблюдающая за этим Джинни улыбнулась.

— Вы как пожилая ворчливая пара, — произнесла та. — Ругаетесь, но привычки друг друга уважаете.

На этих словах Гермиона закатила глаза, а Драко тяжело выдохнул, прикрывая лицо рукой и не желая слушать о подобном.

— Джинни, пора завязывать с любовными романами, — ответила ей Гермиона, едва наклоняясь над столом. — Тебе везде видятся отношения. Даже там, где их и в помине быть не может.

— Поэтому ты сейчас накладываешь в тарелку Малфоя яблоки в карамели? — подперев подбородок кулаком, спросила Джинни.

В эту секунду их половина стола замолчала, и все коллективно посмотрели на Гермиону с блюдом в руках. Драко выгнул бровь, нахально улыбаясь, и Гермиона тут же с силой передала еду ему.

— Всего лишь вежливость, — хмыкнула Гермиона.

— Я польщён, Грейнджер, — сказал Драко и поставил сладость перед собой.

В этот самый момент Гарри уже начал ежегодную речь о планах на текущий год. Студенты с упоением слушали его, некоторые даже делали пометки, на какие занятия обязательно запишутся, как только начнётся учёба. Лишь Эрик и Каспер, сидевшие посередине слизеринского стола, едва сдерживали улыбки, предвкушая собственную проделку.

— Вы подозрительно довольные, — медленно протянула сидящая рядом светловолосая девушка.

— А должны плакать? — хмыкнул Эрик. — Представь, Слизнорт, не одна ты радуешься новому учебному году.

На этих словах Каспер толкнул Эрика в плечо и пригнулся над столом.

— Прости, Брига, его в поездке укачало, вот и ворчит, — с улыбкой произнёс Каспер. — Как твоё лето прошло? Всё в порядке?

— Более чем, — сухо ответила она и отвернулась, продолжая слушать речь Гарри.

Спустя пару минут, убедившись, что её внимание полностью занято директором, Эрик слегка ударил Каспера. Тот закатил глаза, всё ещё мечтательно поглядывая в сторону Сабрины, не обращающей на это внимания.

— У маглов это зовётся мазохизмом, — хмыкнул Эрик.

— Что именно? — тяжело выдохнул Каспер, переводя взгляд на друга.

— Сохнуть по девушкам, которые регулярно тебя отшивают, — улыбнувшись, ответил Эрик.

Каспер закатил глаза и потянулся к соку. Сделав несколько жадных глотков, он бросил в рот виноградину и ухмыльнулся.

— Выходит, у нас общество мазохистов? — спросил Каспер.

— Почему это? — недоумённо уточнил Эрик.

— Ты тоже безрезультатно надеешься, что Малфой одобрит наш поступок.

Эрик не ответил, а лишь отвернулся и устремил взгляд на самого Драко. Тот посматривал на директора и иногда перекидывался фразами с другими преподавателями.

Холодный, требовательный, но в то же время понимающий и слегка эмпатичный, когда речь шла о важных для него вещах, — так Эрик мог описать Драко, когда его спрашивали о лучшем профессоре.

Драко с первого курса импонировал Эрику, как декан, преподаватель и человек. Ему всегда казалось, что Драко идеальный слизеринец — чистокровный, умный, изобретательный, изворотливый, остроумный и, что самое главное, расчётливый. Последнее, потому что все те качества и поступки, которыми Эрик не совсем был доволен, он называл «игрой».

Например, Эрику казалось, что общение Драко с грязнокровками — это притворство, одобренное Министерством магии. Его слова о толерантности и принятии — речи директора, которые Драко заставляли говорить. А поучения и требования вести себя соответственно ему — лучший способ не оказаться в Азкабана за собственное мнение.

Эрик верил: Драко Малфой не мог быть тем, кем его видели остальные, это было притворство.

— Одобрит, не скажет об этом, но я уверен, что одобрит, — пробормотал Эрик. — Приготовься.

И в этот момент взгляд Блейза обратился к двум слизеринцам. Единственным, кто не слушал речь директора, — они перешёптывались и держали в руках палочки.

— Мне кажется или Розье с Фоули затевают неладное? — спросил Блейз, смотря на Драко и Тео.

— Я их предупреждал, — хмуро добавил Драко. — Они бы не стали.

— Думаешь? — усмехнулся Блейз, выгнув бровь.

Зерно сомнения коснулось сознания Драко, и он уже сам не мог оторвать взгляд от двух слизеринцев, вызывающих подозрения.

— Делаем ставки, — развёл руками Тео. — Что победит в подростках: авторитет Малфоя или жажда неприятностей?

В этот момент Драко встал, уже собираясь подойти к ним и предотвратить план. Но ровно в эту же самую секунду стаканы с томатным соком взмыли в воздух и полетели, остановившись на нескольких точках в зале. Включая ту, что была над преподавательским столом.

Осознав происходящее, Драко попытался остановить заклинание, но в этот же момент все стаканы перевернулись, и томатный сок вылился на студентов и

одного из преподавателей.

Настолько выборочно, что всеми пострадавшими оказались маглорождённые...

Послышался звук фейерверка, и прямо перед трибуной директора из ярких красок появилась надпись:

«Нет грязнокровкам».

Большой зал замер в молчании, никто не смел проронить даже слова, все лишь шокированно осматривались по сторонам. Линда довольно ухмыльнулась, поднялась со своего места и, подойдя к Гарри, спросила:

— Всё под контролем, директор Поттер?

Глава 2 «Трудные подростки»

Кабинет директора Хогвартса ещё никогда не выглядел настолько удручающе. Букля, до этого летавшая под потолком, с осторожностью смотрела из угла на происходящее. Распределяющая шляпа, лежавшая на верхней полке, прикрыла «глаза» и старалась абстрагироваться от реального мира. Даже Дамблдор с портрета, обычно раздающий Гарри советы со стабильностью в десять минут, молча сидел и делал вид, будто не здесь.

Гарри расположился в своём кресле, виновато опустив взгляд и слушая лекцию Кингсли о том, насколько случившееся подорвало все их старания. От разнообразия слов и красоты афоризмов у Гарри даже складывалось впечатление, будто речь была подготовлена заранее. И вычитана тремя, а может быть, пятью редакторами — настолько это было тяжело, било в самую точку и раскрывало главные опасения самого Гарри.

Открывать Хогвартс сразу после того, как Макгонагалл и все преподаватели отказались возвращаться, было рискованно, невыносимо сложно и практически нереально. Но он и все люди, живущие здесь, смогли это сделать. Они наплевали на свои предрассудки, страхи, опасения и приходили сюда почти каждый день. Восстанавливали школу и процессы, создавали новое и без сомнений лучшее. Они являлись детьми, которые хотели вернуть одно из немногих мест, где были счастливы и которое опорочили войной.

Бессонные ночи, бесконечные склоки, ссоры и разное видение практически всех идей превращали жизнь в нескончаемый ад, а желание отказаться — в единственное спасение. Но они не сдавались, шли напролом, переступали через себя и наконец смогли возродить и создать важное для себя.

Гарри был счастлив, но... проблемы будто только начинались.

— Возможно, нам пора признать, Гарри... — Кингсли заговорил тише и опустил на стул. — У тебя не получилось.

— Вы считаете разумным судить по нескольким случаям? — голос Гарри был холоднее привычного, отчего Кингсли поёжился.

— Не когда они происходят регулярно, Гарри, — выдохнул Кингсли. — Если ты переживаешь о работе, я готов предложить тебе...

— Мне не нужно другое место, — громче добавил Гарри. — Как вы не понимаете? Хогвартс — это больше, чем просто школа.

Гарри поднялся и обошёл стол, вставая перед Кингсли и разводя руками. Он был готов выслушивать замечания, отвечать на глупые и предвзятые вопросы, терпеть дыхание ненавидящей всё женщины в спину. Это было ради школы, и позволить закрыть её он не мог. Не после того, что она дала этой стране, миру, окружающим и дорогим ему людям.

— Поступив сюда, я обрёл друзей и семью, почувствовал радости больше, чем за все годы до...

— Все не ты, Гарри.

— Но все находят здесь дом, Кингсли, — продолжил Гарри.

Перед его глазами рисовались первые школьные годы, когда из одиноких и непонятых детей вырастали удивительные волшебники, способные на выдающиеся вещи. Маглорождённые находили здесь отдушину, полукровки определялись, что им ближе, и даже чистокровные — те, кто жил в этом мире годами, — обретали друзей.

Хогвартсу не важна кровь, мировоззрение и предрасположенность. Здесь всегда появлялись единомышленники, не важно, маглорождённая это девочка, впервые видящая магию, или Тёмный Лорд, ищущий союзников. Именно в этом замке принимали всех и каждого — кого-то меньше, кого-то больше, но без исключения.

И Гарри должен был это отвоевать.

— Мы не можем рисковать Третьей магической, чтобы дать всем детям чувство дома, понимаешь? — строже сказал Кингсли. — Линда хочет закрыть школу не потому, что...

— Ах да, Линда, — приснул Гарри.

Кингсли тяжело выдохнул, но продолжил:

— Не потому, что мы все желаем зла, а потому, что здесь сталкиваются взгляды и именно тут зарождаются истоки сопротивления. Том Реддл собрал первое поколение Пожирателей смерти в этих стенах, — Кингсли обвёл пальцем комнату.

Гарри поражало, как легко и изворотливо Кингсли обходил всё хорошее, что произошло здесь. Вспоминая войну, он забывал о выдающихся магах, Ордене Феникса, Отряде Дамблдора, сотнях авроров, сотрудников Министерства и тех, кто умер за это место и страну. Все они учились в Хогвартсе, их взгляды, вера и сила зарождались также в стенах этого замка. Но люди привыкли видеть только плохое...

— Я тоже сформировался здесь, — последняя попытка. — И я победил Тёмного Лорда, восстановил эту школу и готов дать слово, что...

— Верю, Гарри, я тебе верю, — указывая на себя пальцем, сказал Кингсли. — Но на меня давят. Постоянно происходит нечто подобное. Это никому не нравится. Министерство, Визенгамот, Аврорат — все как один хотят закрыть школу.

Гарри поджал губы и тяжело выдохнул.

— У меня заканчиваются аргументы в защиту этого места, — разочарованно завершил Кингсли.

— Давайте я отправлюсь на переговоры, — подался вперёд Гарри. — Я смогу убедить их дать хотя бы ещё один год.

— Это могу сделать и я, — выдохнул Кингсли. — Но если за это время распри

между чистокровными и маглорождёнными...

— Не останутся, — твёрдо сказал Гарри, смотря на Кингсли. — В июне вы удивитесь, насколько они могут быть дружны.

Кингсли недоверчиво прищурился, встал со стула и подошёл к Гарри, протягивая руку.

— Твои б слова да Мерлину...

Гарри тихо рассмеялся и кивнул, провожая Кингсли к камину. Как только он исчез, Гарри последовал к выходу из своего кабинета.

На душе постепенно теплело от понимания, что появился ещё один шанс и ему вновь удалось спасти Хогвартс. Да, на несколько месяцев, но это больше, чем ничего. Это осознание придавало сил и селило в душе надежду на лучшее, пока он с улыбкой двигался по школе в направлении собственной спальни.

Но очень быстро на смену мыслям о хорошем приходили вопросы, идеи, замыслы. Всё то, что могло бы помочь ему закончить безрезультатные притеснения между маглорождёнными и чистокровными. Потому что он понимал — на сегодняшнем происшествии всё не закончится.

Кингсли знал о самых громких случаях, но Гарри помнил и остальные. А главное, что Гриффиндор не оставит произошедшее без ответа, даже если другие промолчат. И сейчас остаётся лишь ждать, насколько ущербным для школьного равновесия станет поступок маглорождённых студентов.

Но, на радость Гарри, Гриффиндор не сильно умел мстить...

Дойдя до своей спальни, он произнёс пароль и медленно двинулся внутрь. Повесив мантию на стул, Гарри подошёл к креслу и опустился в него, устало вздыхая. Тело слегка ломило, в голове всё чаще мелькали неудачные идеи, и это утомляло.

Спустя пару секунд Гарри ощутил, как прохладные женские руки опустились на его плечи, с силой сжимая их и вкрадчиво массируя. Гарри мечтательно прикрыл глаза, жадно вдыхая воздух и ненадолго отдаваясь вожделенному моменту.

Аромат её духов приятно оседал в комнате, подушечки пальцев нежно касались тела. А ногти больно впивались, отчего дрожь бежала по сознанию, возвращая Гарри к осязаемой реальности.

Положив свою ладонь поверх её, Гарри пригнулся и оставил на коже Пэнси короткий поцелуй. Послышался смешок, она присела за его спиной, её дыхание прошлось по шее, а шёпот раздался над ухом.

— Расслабляемся, Поттер, — тихо сказала Пэнси. — Мы не носим рабочие проблемы в комнату, помнишь?

— Помню, — тихо ответил Гарри, смотря на неё.

Она улыбнулась ему в ответ и выпрямилась, опускаясь в кресло напротив.

Мгновенно перед ними оказались два бокала, с вином и огневиски, а следом появилась небольшая тарелка с фруктами.

— Он дал нам год, — выдохнул Гарри. — И мы либо решаем проблему с тотальной неприязнью, либо закрываемся на радость Линды.

— Не дождётся, — хмыкнула Пэнси. — Тем более я уже всё придумала.

Улыбка на её лице была шире ворот Хогвартса, а блеск в глазах доказывал Гарри, что это точно будет введено.

— Говорила я тут на днях с Грейнджер, — воодушевлённо начала Пэнси, пока Гарри брал бокал с огневиски и делал жадный глоток. — Она рассказывала, что есть специальные магловские места для детей, которые плохо себя ведут.

Гарри прищурился, пытаясь понять, какую именно фразу Гермионы сейчас перевирали.

— Колонии для несовершеннолетних, — объявила Пэнси, отчего Гарри сразу подавился. — Всё в порядке?

— Да-да, конечно, — закивал Гарри, вставая с кресла и снимая запачканную рубашку. — Так как ты это видишь у нас?

Пэнси хмуро его осмотрела, но продолжила:

— Мы создадим что-то вроде клуба для трудных подростков, — сказала она. — Дадим им двух кураторов, которые и будут их учить уважать друг друга.

В завершении она довольно улыбнулась и сделала глоток вина. Гарри же свёл брови к переносице. В голове сразу возник вопрос, кому он может доверить такое, если не самому себе.

— Например, Грейнджер и Драко, — хлопнула в ладони Пэнси, завершив мысль. — Маглорождённая и чистокровный. Они идеально смогут управлять этими детьми.

Предложение Пэнси казалось идеальным решением. Он и сам в детстве часто видел ребят, ходивших в группы для трудных подростков. Большинству это действительно помогало, а школа несла меньше убытков и урона.

Возможно, это и правда лучшее предложение?

— Добавим туда Фоули, Розье, Майлза Эванса...

Последнее она сказала уже значительно тише.

— А он тут при чём? — удивился Гарри. — От этого парня проблем-то никогда не было, кроме как...

Гарри резко замолчал и с осуждением посмотрел на Пэнси. Будучи деканом Когтеврана, она не раз жаловалась на Майлза, часто дискредитирующего её среди однокурсников. Догадаться, откуда его имя в списке, было несложно...

— Мы не можем добавлять туда студентов только потому, что...

— Гарри, — выдохнула она, вставая с кресла и медленно подходя к нему.

Блеск её глаз, едва приоткрытые губы и лицо, подобное самой изысканной статуе, за несколько секунд подтолкнули его к решению согласиться.

— Впрочем, он всегда ходит одиночкой, заведёт там хотя бы друзей, — сказал Гарри и прочистил горло.

Пэнси улыбнулась и кивнула ему, после чего взяла со столика бокал с вином и сделала пару глотков.

Первый учебный день казался Гермионе очередным испытанием, которое важно пережить достойно. Не только ради собственного статуса, но и ради детей, которые вчера ощутили себя ещё более отчуждёнными от магического общества, чем были до этого. Если она сломается и понесётся в мечь, желая наказать виновных, то это же сделают и её подопечные. И начнётся анархия. Такого Гермиона позволить не могла.

Будучи преподавателем, она не имела права на проявление эмоций, обиды, злости, хотя безумно хотелось поставить на место всех причастных. Но ей, несмотря ни на что, нужно занимать позицию понимания и добродушия. Идти вперёд и вести уроки у слизеринцев, заставивших других рыдать вчерашним вечером. И всё это ради сохранения хрупкого равновесия, о котором из года в год твердил Гарри.

Он часто просил Гермиону быть сдержанней при студентах и помнить, что все они всего лишь дети. Но, видя довольные физиономии Фоули и Розье вчера, она все меньше хотела вставать на их сторону. А вот наказать, поставить пару сотен отработок, а в идеале и вовсе отчислить — вполне, но и это у неё не получится. Потому что с той же рьяностью, с которой она встанет на защиту гриффиндорцев, слизеринцев спасёт Малфой. И в очередной раз получит для них прощение.

Иногда ей даже казалось, будто Гарри учился не с ней на Гриффиндоре, раз так часто отдаёт предпочтение совсем другим. Хотя тот же Дамблдор всегда...

Гермиона мотнула головой, прогоняя все эгоистичные мысли и любовь Дамблдора к обесцениванию чужих заслуг. Она, конечно, почитала Гриффиндор, но не до такой степени. Раздавать баллы за улыбки и нарушение правил, когда другие зарабатывали их на протяжении года, Гермиона считала кощунством. Шляпа распределяла на факультеты, а не на победителей и проигравших.

Прикрыв веки, Гермиона глубоко вдохнула. Мысли о том, что преподаватель должен быть беспристрастен, не иметь эмоций, любимцев и оценивать всех исключительно по их стараниям, заструились по сознанию. Та самая принципиальность, к которой она стремилась.

Не всегда удачно.

Взяв со стола ежедневник и палочку, Гермиона в последний раз взглянула в зеркало, убеждаясь, что достойно выглядит, и вышла из своей спальни. Быстрыми шагами она спустилась из преподавательского крыла вниз и направилась в сторону учительской, где близился педагогический совет.

На пути ей встречалось множество студентов. Одни здоровались и желали ей отличного дня, другие виновато опускали глаза, то ли из-за прошедших событий, то ли из-за несданных заданий, а третьи пристально смотрели. К последним, в своём большинстве, относились старшие слизеринцы, всё ещё отказывающиеся принимать её в школе как достойного преподавателя.

Грязнокровка не может учить наших детей, — звучали в голове фразы чистокровных родителей, не собиравшихся отправлять отпрысков в школу. Возможно, пойдя они дальше, она бы уже здесь не преподавала, но благо мнение Гарри Поттера, министра магии и Визенгамота всё ещё весило больше чистокровного.

Поэтому дети продолжали приезжать в Хогвартс, да, с заученными цитатами родителей на подкорке мозга, но продолжали. С одной стороны, это вдохновляло Гермиону, потому что у неё был шанс изменить их взгляды, а с другой — казалось невозможным.

Завернув за угол, Гермиона замерла. На скамейке, чуть поодаль от неё, украдкой расположилась малышка с Гриффиндора. Девочка сидела в одиночестве и читала книгу, постоянно вытирая нос платком. Нахмурившись, Гермиона быстро подошла ближе и узнала в ученице Венди Морган, маглорождённую студентку второго курса.

— Венди, у тебя всё хорошо? — осторожно спросила Гермиона и присела рядом.

— Да, профессор, конечно, — негромко ответила Венди и вытерла глаза от слёз. — Волнуюсь перед занятиями по заклинаниям.

— Профессор Нотт такой страшный? — усмехнулась Гермиона и пригнулась, вглядываясь в алое детское личико.

Венди тихо засмеялась и покачала головой.

— Нет, конечно, — она закрыла книгу и посмотрела на Гермиону. — Он замечательный. Очень весело объясняет.

Гермиона добродушно улыбнулась и положила руку на плечо Венди, успокаивающе поглаживая его.

— Профессор, можно вопрос? — осторожно спросила Венди.

— Разумеется.

— Почему... — Венди запнулась и опустила взгляд на свои пальцы, царапая ладонь. — Почему они так с нами? Мы же не сделали ничего плохого.

Гермиона нервно поджала губы. Разумеется, она могла рассказать Венди очень много собственных мыслей, но ни одна из них не успокоила бы девочку.

Напротив, вероятно, та бы ещё больше забила в себе и опустила руки, посчитав, что всё равно навсегда останется грязнокровкой для чистокровных.

В голову Гермионы не раз приходили такие мысли, у неё хватало сил их переступить, но она не была уверена, что и у Венди получится.

— Они выросли немного в другом мире, — медленно произнесла Гермиона. — Их учили ненавидеть таких, как мы, и они привыкли к этому.

— И что же? — разочарованно выдохнула Венди. — Это никогда не изменится?

Глаза Гермионы расширились, и она тут же покачала головой, взяв руки Венди в свои.

— Мы на пути к этому, Венди, — улыбнувшись, заверила её Гермиона. — Скоро всё будет совершенно иначе. Я тебе обещаю.

Венди повеселела. Глаза её заблестели, а краснота стала спадать с кожи, сменяясь смуглым оттенком. Подавшись вперёд, Венди обняла Гермиону и произнесла очень тихо, но невероятно чётко:

— Спасибо, профессор.

Тепло медленно полилось в душе Гермионы, напоминая, ради чего нужно терпеть лишения и бороться, идя вперёд. Дети не должны жить в ненависти, не из-за того, что их притесняют, не из-за того, что их так учат.

Издали слышались крики студентов, пробиравшихся на квиддичное поле, чтобы потренироваться, чуть ближе — сплетни, обсуждаемые старшекурсниками под одним из больших деревьев. А совсем рядом — разговор двух пуффендуйцев, пытающихся разобраться с функционалом самокрутки. Последние вызывали в голове Тео больше смеха, особенно когда он вспоминал многочисленные речи Долгопупса о святости своего факультета.

Усмехнувшись, Тео спиной оперся на каменную стену, взял сигарету и коснулся её кончика палочкой. С жадностью вдохнув дым, он блаженно прикрыл веки, чувствуя, как сознание медленно расслаблялось и каждая клетка тела успокаивалась. Он считал, что курение должно быть обязательным этапом перед собранием с любым руководством. По крайней мере, все инновации, предложения и увеличения рабочих часов принимались проще после одной-двух магловских сигарет.

Иногда Тео казалось, что они стабилизировали его мысли и помогали любить жизнь, несмотря на все её тяготы. Впрочем, курил он с пятнадцати лет, вероятно, этот талант уже давно не зависел от количества никотина. Но ему всё равно нравилась эта привычка.

Сделав последнюю затяжку, Тео потушил сигарету и поправил рубашку, прежде чем выйти из-за угла. Глаза курящих пуффендуйцев тут же округлились, и ребята постарались спрятать самокрутки за спины, отчего картина выглядела

ещё более комичной.

— Доброе утро, профессор, — в один голос сказали они и тут же закашлялись.

— Доброе, — спокойно ответил Тео. — Готовитесь к травологии?

— Да, — нервно улыбнулся один из студентов. — Поливали только выведенные виды растений.

Тео оценивающе осмотрел их с ног до головы, прежде чем кивнуть и пройти вперёд, делая вид, будто не замечает дым из-за их спин. Как только студенты выдохнули и вытащили сигареты, делая новые затяжки, Тео вернулся, предварительно окликнув их.

— Позовите меня как-нибудь на ваши занятия, уж очень интересно, — попросил он.

— Конечно, профессор.

— Мы всегда безумно рады вам.

Тео усмехнулся.

— Не сомневаюсь.

Быстрыми шагами он направился ко входу, кивая приветствующим его ученикам. Они то и дело сновали по Хогвартсу, пытаясь разобраться в коридорах и понять, куда и кому сегодня необходимо. После лета, как правило, даже самые старшие студенты терялись в потоке младших курсов. Это забавляло и возвращало в прошлое, когда Тео и сам бродил здесь, ища кабинет зелий в первый раз.

Преодолев несколько поворотов и пару лестниц, Тео быстро оказался перед большим портретом, который с осуждением его осматривал. Произнеся пароль, Тео вошёл внутрь, где уже собрались все преподаватели и сам директор, перебирающий расписания.

— Всем привет, кого не видел, — бросил Тео. — И ещё столько же бы не видел.

Он сел рядом с Дафной и оставил на её щеке лёгкий поцелуй. Сама Гринграсс даже не отреагировала, будучи поглощённой собственным количеством уроков в этом году. Заглянув в её ведомость, Тео усмехнулся и взял со стола свою, открывая и тяжело вздыхая.

— Позже добавятся дополнительные занятия, — улыбнувшись, сказала Пэнси. — Ещё больше кружков...

— Вы детям вообще свободного времени решили не оставлять? — простонал Томас.

— А это такая тактика, — хмыкнул Голдстейн. — Чем меньше у них времени, тем больше шанс, что не случится чего-то из ряда вон...

В эту секунду все коллективно замолчали и осуждающе посмотрели в сторону Голдстейна, прикрывающегося учебником нумерологии.

— Кто-то должен был это сказать, — развёл руками он. — Без обид, Гермиона.

— Какие обиды? — добродушно улыбнулась Грейнджер и обвела взглядом класс. — Но я надеюсь, что есть предложения лучше нескончаемых дополнительных. Все ведь понимают, что нужно что-то делать?

Профессора закивали, и даже Малфой, предпочитающий не соглашаться даже с самыми очевидными предложениями, единожды мотнул головой. Поттер поджал губы, будто бы всё время и ждал, пока эту тему поднимут, а после встал со своего места, призывая остальных присесть.

— Об этом я хочу поговорить в первую очередь, — начал Поттер, проводя рукой по лбу. — Вчера, как вы все видели и слышали, приезжал Кингсли.

Лица некоторых заметно побледнели. Тео про себя согласился — не заметить это появление было достаточно сложно, учитывая, с какой громкостью Кингсли кричал о недопустимости происходящего.

— Он хочет закрыть Хогвартс.

И в эту секунду даже Лавгуд, рассматривающая собственные записи, встрепенулась и с удивлением уставилась на Поттера.

— Поттер, не тяни же, — недовольно попросил Малфой, приподнимаясь. — Что он решил?

— Он дал нам год, Малфой. И сядь, пожалуйста, — строже добавил Поттер.

Малфой недоверчиво прищурился, но всё-таки опустил обратно на свой стул, неотрывно смотря на Поттера.

— И за это время мы должны свести к минимуму все межфакультетные и кровные распри.

Слова Поттера звучали подобно шутке, но серьёзность голоса доказывала, что юмор — показатель их наивности.

Все заметно напряглись и стали переглядываться между собой, уже генерируя новые идеи, как можно решить существующую проблему. Но, судя по Пэнси и Поттеру, распоряжение уже было и, скорее всего, оно едва ли кого-то из них устроит.

— В связи с этим я принял решение о создании клуба для трудных детей, — пояснил Поттер. — Мы соберём всех студентов, причастных к происходящему. Назначим им двух кураторов — чистокровного и маглорождённого. И они на протяжении года будут вести с ребятами особую работу...

— Действительно, давайте соберём все очаги проблем в одном месте, — хмыкнул Голдстейн.

— Мы выслушаем и другие предложения, Энтони. Напомни, они у тебя есть?
— оборвала его Пэнси.

Под её взглядом Голдстейн за несколько секунд поник и выставил руки перед собой, начиная восхищаться задумкой. Тео и остальные слизеринцы усмехнулись, любуясь способностями Пэнси к убеждению.

— Предлагаю составить список студентов, — Поттер взял пергамент и окунул перо в чернильницу. — Кто должен войти в него?

— Эрик Розье и Каспер Фоули, — тут же строго произнесла Грейнджер, ловя скептический взгляд Малфоя. — У кого-то есть возражения?

Малфой показательно улыбнулся и приподнял руку, забирая слово.

— Курт Морган и Оливия Брэдли, — добавил он.

— Оливия и Курт ничего не сделали, — тут же вступилась Грейнджер, гневно сверля Малфоя взглядом.

— В прошлом году они обманом выкрали у Сабрины Амортенцию и опоили её...

— Не напоминай, — попросила Дафна, выставляя ладонь перед собой. — Согласна с Драко, если брать во внимание всех учеников, Брэдли и Морган должны состоять в этом клубе.

Грейнджер свела брови к переносице и серьёзно посмотрела на Поттера. Казалось, она пыталась найти в его взгляде помощь, но Поттер в ответ молчал, замерев перед пергаментом.

— Давайте дадим ребятам ещё шанс, — несколько секунд спустя сказал Поттер. — До первой оплошности в этом году.

— Разумеется, — хмыкнул Малфой, но всё же кивнул.

Предлагалось ещё много имён, но в основном они не записывались. Рядовые случаи и единичные проблемы, по мнению Поттера, не были поводом, чтобы окрестить ребёнка трудным. Однако имя Майлза Эванса он вписал без дополнительных разговоров и под чётким наблюдением Пэнси.

— Кого ещё вы бы отнесли к разряду трудных подростков? Луна? — уточнил Поттер, осматривая присутствующих.

Лавгуд подняла на него отрешённый взгляд. Складывалось ощущение, будто во время обсуждения она и вовсе здесь не находилась.

— Странно таким образом распределять детей, мы будто ставим на них клеймо, — пожала плечами она.

На этих словах Тео громко выдохнул и повернулся в её сторону.

— Лавгуд, просто назови студента, который даже в твоём полоумном мозгу

вызывает вопросы, — с улыбкой попросил Тео.

Лавгуд задумалась на несколько секунд, будто перебирая в голове соответствующие имена. А после ответила:

— Один из третьекурсников в прошлом году съел песок, по которому мы гадали, — буднично произнесла она.

Все присутствующие слегка удивились, но всё-таки отвергли эту кандидатуру. И в этот момент Джинни задала другой вопрос, определённо волнующий всех чистокровных преподавателей:

— А кто будет курировать их вместе с Гермионой?

— Малфой, — пожал плечами Поттер и сделал пометку на пергаменте.

Взгляды Малфоя и Грейнджер пересеклись, и они едва ли не вскипели от нахлынувшей новости о совместной работе. Оба уже были готовы высказываться на высоких тонах, но резкий стук по портрету учительской заставил всех оглянуться. Поттер бросил короткое «*Войдите*», но никто на пороге не появился.

Рвано вдохнув воздух, Сабрина резко развернулась и направилась в сторону дальнего коридора. По дороге она то и дело оглядывалась, убеждаясь, что никто не видел её попытки подслушать разговор. Очутившись достаточно далеко от учительской, она села на одну из скамеек и поправила волосы, делая вид, будто давно здесь отдыхает.

Однако то, что выдавало её, — это улыбка, расплывающаяся по лицу от грядущей новости. Она ещё не знала, что нужно будет сделать, чтобы попасть в список *трудных студентов*, и как это ударит по её репутации. Но уже предвкушала, насколько тепло на её душе станет, когда времени с профессором Малфоем она станет проводить гораздо больше, чем сейчас.

От этой мысли её глаза сверкали, сама она едва не парила над землёй, а сердце бешено колотилось. Настолько для неё было важно, что шанс, когда он обратит на неё внимание, как на девушку, увеличился.

— Как же он надоел своими историями о плохих маглорождённых, — уставший голос послышался рядом. — Брина, накажи Розье. Ты же староста.

Сабрина усмехнулась и отрицательно покачала головой.

— Я могу снять с него очки, но это лишь усугубит наше положение, — ответила Сабрина. — Не думаю, что профессору Малфою это понравится, Сандра.

— Ах точно, профессор Малфой.

Последнюю фразу Сандра произнесла особо мечтательно, намекая Сабрине на её же любовный интерес.

— Насмотрелась на него перед учительской? — Сандра подпёрла кулаком подбородок.

— Даже больше.

Сабрина хитро улыбнулась и внимательно огляделась вокруг, убеждаясь, что их никто не подслушивает. После она пригнулась и значительно тише сказала:

— Директор вводит в школе группу для трудных детей, с которыми профессор Малфой и профессор Грейнджер будут отдельно заниматься, чтобы наставить на правильный путь, — воодушевлённо произнесла Сабрина.

Рядом послышались шаги, и она резко замолчала, дожидаясь, пока пара гриффиндорцев пройдёт мимо. А после продолжила:

— Я обязательно туда попаду. Буду ещё больше времени проводить с профессором Малфоем, и он точно обратит на меня внимание.

Сандра скептически посмотрела на Сабрину и нервно улыбнулась, получив в ответ хмурый взгляд подруги.

— Ты ведь понимаешь, что в твоём гениальном плане есть небольшая загвоздка? — спросила Сандра.

— Какая же? — недовольно хмыкнула Сабрина.

Сандра тяжело выдохнула и выставила перед собой руку пятернёй вверх, начиная перечислять, загибая пальцы:

— Ты отличница. Лучшая практически по всем предметам. Помогает в больничном крыле. Состоишь в комитете по организации квиддичных матчей. И являешься старостой факультета, — завершила Сандра. — Не вяжется твоя репутация с исправительными занятиями.

Сабрина нервно поджала губы и быстро признала правоту Сандры. Она слишком старалась быть идеальной студенткой, чтобы профессор Малфой гордился ею. Теперь упасть с вершины, на которую она забралась, практически невозможно.

Но желание быть рядом с ним было гораздо сильнее не только невозможного, но и здравого смысла. Поэтому уже спустя пару минут в её голове зрел план далеко не лучшей направленности.

Глава 3 «Неудавшиеся дуэлянты»

— Ричардс, это метла, а не колдо интимного содержания! Хватит пялиться, живо в воздух, — голос профессора Уизли окончательно разбудил мужскую часть студентов.

Девушки, сидевшие чуть поодаль от них на траве, тихо засмеялись и с улыбками посмотрели на профессора Уизли. Та резко замолчала и смахнула копну рыжих волос на другую сторону, а после скрестила руки на груди.

— Всю форму за лето растеряли, — добавила она, быстрыми шагами проходя вдоль скамейки.

— Полёты определённо нужно ставить первыми, — усмехнулась Оливия. — Речи профессора Уизли всегда бодрят.

Подошедший к ней Курт свёл брови к переносице и махнул Оливии рукой, косо посматривая в сторону слизеринцев. Заметив это, Оливия машинально коснулась головы, вспоминая, как половину вечера вычищала остатки томатного сока из волос. Встав с травы, она быстро подошла к Курту и положила ладонь на его плечо, немного потрясывая.

— Почему им опять ничего не сделали? — фыркнул Курт и повернулся к Оливии. — Сегодня утром я застал рыдающую Венди на скамейке в коридоре.

Услышав о младшей сестре Курта, Оливия тяжело выдохнула. Ей всегда было жаль маглорождённых малышей, которые приезжали в Хогвартс. Да, магия это здорово, учиться здесь невероятно, а колдовать — неописуемо для простых смертных. Но отречение от привычного мира и постоянные унижения со стороны *некоторых* были ощутимой ложкой дёгтя.

А то, что они испортили такой важный и знаменательный день, ещё более отвратительно. Иногда Оливия думала, что хуже Розье и Фоули поступить не могли. Но они каждый раз её удивляли не только подначиваниями и всяческими попытками принизить, но и тем, что это сходило им с рук.

Ни одно наказание, выставленное директором или профессором Малфоем, не было в понимании Оливии достаточным, чтобы униженные почувствовали себя лучше. Поэтому она одобряла самосуд, когда гриффиндорцы уже своими способами мстили за сделанное. Это было, по общепринятым понятиям, плохо и неблагоразумно, но необходимо для выплеска скопившейся в них обиды.

Выходя из поезда в этом году, Оливия надеялась, что не придётся подрывать репутацию факультета и расстраивать декана хотя бы сейчас. Но судьба распорядилась иначе.

— Предлагаю унизить их так же, как они нас, — тихо сказала Оливия, вставая ближе к Курту.

Услышав это, он хитро улыбнулся и медленно повернулся к ней.

— Есть предложения?

— Вызовем их на дуэль, — ухмыльнулась Оливия и скрестила руки на груди. — Они же считают, что лучше, так пусть ударятся о суровую правду. Желательно лицом.

Заметив появление на поле профессора Грейнджер, Оливия толкнула Курта в плечо и кивнула на Уизли, которая быстрыми шагами шла к ней.

Перед гриффиндорцами вырисовывалась замечательная перспектива поговорить.

Убедившись, что преподаватели достаточно далеко, Оливия и Курт скорее подошли к слизеринцам. Те уже за несколько метров начали бросаться оскорблениями и отпускать недалёкие шутки.

— Брэдли, у меня аллергия на помидоры, не подходи слишком близко, — выставив руки перед собой, ухмыльнулся Розье.

— Морган, как сестричка? Видел, сегодня весь пиджачок Грейнджер залила, — добавил Фоули.

На этих словах Курт не выдержал и сразу подорвался, готовый ударить Фоули. Но был остановлен рукой Оливии, вовремя потянувшей его на себя. Выпущенное Розье оглушающее пролетело мимо.

— Держи своего питомца на поводке, — хмыкнул Розье, убирая палочку. — Понимаю, у вас, маглов, из оружия только кулаки. Но хотя бы здесь притворитесь волшебниками.

И в эту секунду её терпение, которое и без того не было крепким, расколосось. Следующая фраза вылетела, словно заученное проклятие:

— Просто все понимают, что с палочкой вы точно проиграете, — с ухмылкой произнесла она. — Решили начать с кулаков, чтобы шансы уравнять.

Услышав это, Розье нахмурился и встал со скамейки, преодолевая расстояние между ними в считанные секунды и едва не врезаясь в Оливию. Она же выпрямила спину, чтобы казаться выше, и в упор посмотрела на него.

— Следи за языком, грязнокровка, — процедил Розье. — Думаешь, вы, с палочкой без году неделя, нас победить сможете?

— Я не думаю, а говорю, — продолжая улыбаться, ответила Оливия.

Сидевшие слизеринцы переглянулись между собой. Гриффиндорцы, стоявшие немного дальше, также замолчали, на поле были слышны лишь птицы. Это нагнетало и даже подрывало веру Оливии в себя, но сдаваться было уже поздно. Желание стереть победную ухмылку с лица Розье было сильнее здравого смысла, чувства собственного сохранения и обещания посвятить себя учёбе.

— Дуэльный клуб. Сегодня. После четырёх, — сквозь зубы произнёс Розье.

— Идёт, — в такт ему ответила Оливия.

На секунду даже показалось, что они не собираются отходить друг от друга, лишь прожигать взглядом соперников и ждать, кто первый сделает шаг назад. Ситуацию решила подходящая профессор Уизли, которая сразу напомнила, в какой части поля они все должны быть.

Оливия и Розье сделали шаг назад вместе, и все тут же направились в сторону поля. Лишь Оливия замерла на несколько секунд, оборачиваясь на стоявшую профессора Грейнджер. Та смотрела внимательно, с долей понимания и заботы, но всё так же строго.

В груди Оливии неприятно кольнуло, но она лишь качнула головой и скорее направилась за остальными.

Гермиона плохо понимала, почему Гарри выбрал именно Малфоя на роль второго куратора. При их с Малфоем отношениях гораздо логичнее было бы предложить Джинни или Рона. На худой конец, Паркинсон, Нотта или Забини. Но Малфой? Человек, с которым она чудом избегает ежедневных скандалов и находится во взаимной стадии лёгкой неприязни?

Сначала Гермиона подумала, что Гарри принял их немое перемирие за зелёный свет, дружбу и товарищество до конца дней. Но его решение не изменилось и после получасовой ссоры в преподавательской, откуда другие профессора поспешили скорее уйти. Поэтому Гермиона так и не смогла услышать полный список аргументов в ответ на свой вопрос.

«Почему Малфой?»

Всё, что она теперь могла, это выжидаяще сидеть в своём кабинете и думать, в какую часть идеально выверенного расписания добавить занятия. Но и это очень быстро отошло на второй план, выводя вперёд тактику, по которой им с Малфоем придётся работать.

Удивительно... Едва они с Малфоем нашли идеальный процент взаимных столкновений, где обходились лишь колкостями, так теперь этот баланс был разрушен. И не самим Малфоем, волей Мерлина или, на худой конец, слизеринцами, а именно Гарри, её другом и соратником.

Когда он становился директором, эгоистичная часть Гермионы надеялась на большее.

Закрыв журнал с расписанием, она тяжело выдохнула и откинулась на спинку кресла, прикрывая лицо руками. Жизнь преподавателя учила искать плюсы, даже когда их нет, поэтому она стала перебирать в голове положительные аспекты своего положения. Ведь не может в этой ситуации всё быть исключительно плохо?

По крайней мере, ей не придётся искать способы воздействия на слизеринцев, потому что будет их декан. А дисциплина — это то, что он с редкими проблесками неудач, но умел держать в порядке. Причём не угрозами или страхом, а уважением студентов, истоки которого она так и не смогла найти.

К тому же Малфой не был глуп и обладал приличными способностями в планировании собственного времени. Это точно поможет Гермионе перестроить своё расписание с наименьшим уроном.

Картина постепенно казалась ей не настолько отрицательной. А если рассмотреть вариант, где они с Малфоем поочерёдно занимаются клубом, то ситуация была ещё более положительной. Они почти не будут с ним пересекаться, а это означало, что у них останется меньше поводов для конфликтов.

Их Гермиона не хотела. Её полностью устраивало текущее положение вещей. Малфой в маленьких дозах — это лучшее, что она могла себе позволить. Именно в таком соотношении он был достаточно мил, весел, красноречив и терпим. Но при этом менее прямолинеен, невыносим и непоколебим.

Подобное идеально, и потерять это было бы оплошностью.

Дверь кабинета с грохотом открылась. И Гермионе не требовалось даже взглянуть на вход, чтобы понять, кто там. Лишь несколько человек позволяли себе без стука приходить сюда, и все они, за исключением одного, были на занятиях.

Гермиона подняла веки и увидела перед собой Малфоя. Руками он опирался на крышку её стола. На его лице сквозь дерзкую ухмылку едва показывался дискомфорт. А в глазах читалось нежелание здесь находиться.

Видимо, Гермиона всё-таки совершит оплошность.

Встав с кресла, она также оперлась кулаками на стол и внимательно посмотрела на Малфоя.

— Раз нам придётся сотрудничать, — спокойно начала Гермиона, — запомни первое правило этого кабинета — *стучать, прежде чем войдёшь*.

Последнее было сказано слишком грубо даже для самой Гермионы. Малфой усмехнулся и взял с её стола один из свёрнутых пергаментов, с которыми она не успела ознакомиться.

— А ты осознай второе, — он развернул листок, где были написаны кабинет и время, — читай всё, что я тебе передаю.

Гермиона несколько секунд внимательно смотрела в его глаза, а после схватила со стола ежедневник и направилась к выходу.

— Один-один, пошли, — сказала она, прежде чем открыть дверь.

Пока они двигались к нужному им кабинету, в воздухе оседала скованность. Оба не хотели и не планировали находиться здесь ещё вчера. А общество друг друга, как казалось Гермионе, было для них комфортабельным только в малых количествах. Поэтому всё, что она планировала сделать, — это предоставить Малфоя список мероприятий, с помощью которых можно привить слизеринцам понимание магловской культуры.

Хотя в душе она считала, что для начала самому Малфою не помешает пройти курс магловедения, а уже потом становиться куратором. Как некогда ненавистник грязнокровок и первый в списке желающих избавиться от них может учить других такой лояльности? Гермиона сильно сомневалась, повернётся ли у него язык пропагандировать это.

Возможно, поэтому Гарри и поставил её? Всё-таки в его кабинете висит портрет Дамблдора, и неудивительно, если со временем Гарри стал использовать его трюки. Может быть, Гермионе нужно помочь не просто студентам Слизерина, но и самому Малфою? Это звучало куда более правдоподобно.

Как только они вошли в кабинет с большим круглым столом посередине и парой диванов по бокам, Гермиона сразу направилась вперёд и села. Перекинув ногу на ногу, она открыла ежедневник и начала записывать план мероприятий по исправлению ситуации. Малфой же осмотрел её, хмыкнул, медленно подошёл и расположился рядом.

— Розье, Фоули, — она на мгновение подняла на Малфоя взгляд и тут же опустила обратно в записи, — и тебе обязательно нужно пройти ускоренный курс магловедения. С Дином я сегодня договорюсь о дополнительных занятиях.

Прописав это, она улыбнулась, гордясь собственной идеей, а после продолжила:

— Также я напишу вам список мероприятий в Лондоне, которые стоит посетить для знакомства с магловской культурой, — отметила она и поджала губы.

В голове крутилось много задумок, куда им стоит сходить, но Гермиона решила отдать предпочтение классике.

— Обязательно нужно посетить Лондонскую национальную галерею, музей мадам Тюссо, кинотеатр, фильм я выберу...

— Грейнджер, один вопрос, — с натянутой улыбкой перебил её Малфой.

— Да? — увлекшаяся Гермиона успела вписать ещё три достопримечательности, прежде чем откликнуться.

— Кто умер и сделал тебя главной? — склонив голову набок, поинтересовался Малфой.

На секунду Гермиона даже опешила от вопроса, а после свела брови к переносице и скрестила руки на груди.

— Я предлагаю варианты перевоспитания твоих студентов, Малфой. Сомневаюсь, что у тебя есть хорошие идеи, — высокомерно произнесла она. — Потому что, будь они, ты бы их уже использовал.

— С головой окунуть их в незнакомый и непонятный им мир? — скептически протянул Малфой. — Потрясающая идея, Грейнджер. Уверен, любовь вспыхнет.

— Разумеется, мы можем медленно пытаться убедить их, что

маглорождённые — не коврик под ногами, — развела руками Гермиона, начиная злиться. — А они пока ещё пару десятков публично унизят.

Получать в ответ на свою помощь оскорбления и критику Гермиона не привыкла. Поэтому поведение Малфоя её лишь раззадорило. Складывалось ощущение, что это её студентов записали в список трудных и теперь ей, а не ему, необходимо исправлять ситуацию. Потому что вёл себя Малфой именно так, словно не он здесь потребляющая сторона, а она, будто не ему нужно пойти навстречу, а ей.

Хотя Гермиона была уверена, что, если бы она и её студенты оказались на месте Малфоя, она бы с гордостью и благодарностью приняла помощь. Даже от такого вечно недовольного, критикующего и не принимающего чужие слова человека, как Малфой...

Вдруг дверь в кабинет с грохотом распахнулась, и на пороге показался запыхавшийся Невилл. Он держался за ручку и тяжело дышал. Малфой и Гермиона переглянулись между собой, а после вопросительно посмотрели на самого Невилла.

— Там студенты, — он указал на коридор, — устроили дуэль.

Зрители всё прибывали, скорее рассаживаясь вокруг импровизированной сцены, где и должен был состояться поединок. Представители каждого факультета разбрелись по залу, отчего цвета смешались и складывалось чувство, будто они находятся в радужной комнате без окон и дверей. А разнообразие возрастов, от первого до седьмого курсов, нагружало на плечи ребят груз ответственности.

Оливия и Курт уже стояли рядом друг с другом, с силой удерживая палочки и повторяя собственную тактику, когда Розье и Фоули расслабленно поднимались, обсуждая новый квиддичный приём и делая вид, словно происходящее их совершенно не волнует. Это слегка выводило Оливию из равновесия, но пути назад у неё не было.

Не когда здесь собрался почти весь Хогвартс, чтобы увидеть, как Гриффиндор поставит Слизерин на колени.

По крайней мере, именно такую цель ставили для себя Оливия и Курт.

— Приступим? — уточнил Майлз Эванс, вставая перед двумя парами студентов.

Все единогласно кивнули, и Майлз сделал шаг назад, призывая их подойти друг к другу и напоминая правила дуэли.

— Нельзя использовать физическую силу...

— Слышал, Морган? Магловские приёмчики не помогут, — тут же прыснул Фоули, вызвав на лице Курта гримасу злости.

Майлз тяжело вздохнул и продолжил:

— Непростительные также запрещены...

— Слышал, Розье? — тут же вклинилась Оливия. — Родительские замашки оставь дома.

На этих словах Майлз закатил глаза, громко захлопнул справочник и без энтузиазма добавил:

— Поклонитесь и расходитесь, — махнул он рукой и, развернувшись, спрыгнул вниз.

Натянута улыбаясь, обе пары выставили перед собой палочки, а после резко опустили их вниз и пригнулись вперёд. Развернувшись, они сделали несколько шагов друг от друга и вновь взглянули на противников.

— Раз, — скучающе произнёс Майлз. — Два, — он зевнул и прикрыл рот ладонью. — Три.

— Риктусемпра, — сорвалось с губ Курта, и заклинание едва не угодило в Фоули.

— Остолбеней, — крикнул Розье, направляя палочку на Оливию.

Магия яркими вспышками летала от одной пары к другой, первые её отбивали, вторые уворачивались. Зрители постоянно крутили головами в разные части зала, наблюдая, в кого первым попадёт проклятие. Но более завораживающим был процесс: эмоциональность и чувственность слов, резкость и уверенность движений. Будто бы хорошо отыгранный спектакль, у которого нет финала, потому что он должен увлечь действиями.

Но в момент одно из заклятий выбило палочку из рук Фоули, и та отлетела прямо к зрителям, а он рухнул на пол. Увидевший это Розье заслонил собой друга и тут же выставил древко, бросая оглушающее, но и от него Курт с Оливией смогли увернуться. Казалось, что это был проигрыш, когда Оливия подняла древко, произнося проклятие и уже направляя его на лежавшего Фоули, но тут дверь открылась.

— Всем опустить палочки, — строгий голос Малфоя заставил оглянуться и застыть на месте.

Оливия повернула голову и увидела, как следом зашла профессор Грейнджер, а после и Долгопупс. Некоторые студенты, сидевшие ближе к двери, медленно поплелись в сторону выхода, стараясь уйти незамеченными. А остальные, включая дуэлянтов, так и стояли, замерев на месте.

— Розье, Фоули, Брэдли и Морган, в кабинет директора, живо, — строго произнесла Грейнджер, равняясь с Малфоем.

— Я не буду говорить, насколько безрассуден подобный поступок, — тяжело

выдохнул Гарри, глядя на студентов.

Все четверо стояли в линию перед директором и внимательно смотрели на него, ожидая наказания. Их деканы сидели немного дальше на небольшом диване, пока Невилл опустошал третий графин с водой.

— И дело даже не в самоуправстве и подпольной дуэли, — стараясь быть спокойным, продолжил Гарри, — а в том, что вы могли пострадать.

Внутри него эмоции были запредельны, Гарри понимал, что подобная оплошность — лишь новый шаг навстречу к закрытию Хогвартса. Но вместе с этим он осознавал, что даже в самые тяжёлые времена должен оставаться заботливым директором. Поэтому старался сгладить и без того острую ситуацию.

— Дуэли — это отличная тренировка, когда проводятся с преподавателем, — добавил Гарри, — а не способ выяснения отношений и тем более, — он бросил взгляд на Оливию и Курта, — мести.

— Но, директор, почему мы...

— Курт, — голос Гермионы заставил того замолчать.

Гарри благодарно кивнул ей, а после тяжело выдохнул, складывая руки перед собой в замок.

— С завтрашнего дня вы четверо станете посещать особые занятия, — сказал Гарри и тут же ощутил на себе взгляд Гермионы.

Он знал, что ей не понравится направление её студентов в ряды трудных подростков, но понимал, что им это необходимо не меньше, чем слизеринцам. Распри были взаимны, и одной виновной стороны он здесь не видел, поэтому считал своё решение честным, а главное — справедливым. По крайней мере, в отношении Хогвартса в целом, а не определённых факультетов.

— На них вас научат взаимопониманию, — он бросил взгляд на Гермиону и Малфоя. — И я очень надеюсь, на своём примере покажут, насколько важно находиться в мире.

С этими словами Гарри встал и обошёл свой стол, его глаза на секунду метнулись к портрету Дамблдора, а после вернулись к студентам.

— Здоровое соперничество это здорово, — произнёс Гарри. — Но не кровная вражда. С неё начинаются войны, которых мы с вами не хотим.

Студенты молчали. Возможно, им нечего было сказать, может быть, они прониклись его речью настолько, что потеряли способность говорить. Но, вероятней всего, все просто желали скорее закончить беседу и разойтись.

— Можете быть свободны, все инструкции вам передадут завтра, — выдохнул Гарри и вернулся за свой стол.

Деканы покинули его кабинет так же быстро, как и ученики, оставляя директора в гордом одиночестве со своими мыслями. Сам же Гарри повернулся в

сторону портрета Дамблдора и получил одобрительный кивок.

— Ты всё сделал правильно, — сказал он. — Рыба гниёт с головы.

Сначала Гарри не понял значения этой фразы, но уже через несколько секунд нахмурился и развёл руками, смотря на бывшего директора.

— Хотите сказать, причина во мне? — удивлённо спросил Гарри.

— Я хочу сказать только то, что уже сказал, — пожал плечами Дамблдор и тут же замер на портрете.

Гарри махнул на него рукой, понимая, что к ещё одной загадке сегодня он не планирует искать ответ.

На Хогвартс уже опустилась поздняя ночь. Большинство студентов спали, а те, что бодрствовали, разгуливали по гостиным своих факультетов. Лишь несколько учеников, включая дежурившую старосту, бродили по коридорам в поисках нарушителей режима. Одним из таких и оказался Курт Морган, который шёл в башню после неудачного взлома гостиной Слизерина.

Он быстрыми шагами двигался вперёд, постоянно ругая себя и вспоминая иные варианты, как можно попасть в подземелье. Стоявшая на его пути Сабрина лишь довольно улыбнулась и опустилась на лавочку, ожидая, пока он наконец дойдёт до неё.

— Один из эльфов здорово бы мне помог, — причитал Морган.

Но как только он завернул за угол, то подскочил на месте и схватился за стену. Улыбающаяся Сабрина склонила голову набок.

— Слизнорт, обязательно так пугать? — выругался он.

— А разве на Гриффиндоре учатся не самые смелые? — кокетливо поинтересовалась она.

Морган прищурился, чувствуя неладное в комплименте. Хоть они с Сабриной никогда и не были врагами, но такое проявление вежливости вызывало в нём недоверие.

— Что ты от меня хочешь? — спросил он.

— А ещё и самые сообразительные, — довольно улыбнулась Сабрина и встала с лавочки, подходя ближе к нему. — Мне нужна твоя помощь.

Он удивлённо вскинул брови и скрестил руки на груди, внимательно смотря в большие зелёные глаза.

— И что же тебе может быть нужно от меня?

— Слышала, вы с Брэдли попали в особую группу студентов, — медленно

начала Сабрина. — Я тоже хочу туда.

Морган тихо рассмеялся и отрицательно покачал головой.

— Извини, акции «приведи друга» там не было, — ответил он. — Да и зачем тебе это? Нас там явно не по аттракционам водить будут.

Услышав незнакомое слово, Сабрина нахмурилась, пытаясь осознать, что имел в виду Морган. Но, не найдя для себя понимания, вернулась к изначальному плану, тем более её слуха уже коснулись тяжёлые шаги.

— То есть не поможешь? — прищурившись, спросила она.

— Нет, не помогу, — тяжело выдохнул Морган и уже собирался уйти.

Но совсем рядом с ними послышались голоса профессора Нотта и профессора Забини, заставившие Моргана широко раскрыть глаза. Хитро улыбнувшись, Сабрина сделала шаг вперёд и схватила Моргана за воротник рубашки.

— Значит, план «Б», — выдохнула она ему в губы и в эту же секунду поцеловала.

Морган опешил и развёл руками, не зная, что делать, пока Сабрина прижималась к нему, боковым зрением выжидая появления профессоров. И как только они показались, она отпрянула от Курта и невинно захлопала ресницами, смотря на ошеломлённых преподавателей.

— Морган, а Брэдли в курсе, чем ты тут занимаешься? — прищурившись, поинтересовался профессор Нотт.

Но Морган ничего не ответил, он всё ещё пребывал в немом шоке от произошедшего, поэтому в разговор тут же вклинилась Сабрина.

— Это всё я, — тяжело выдохнула она.

— Ваше увлечение гриффиндорцами уже к студентам перешло, — тихо шепнул Нотт Забини.

— Я в последнее время вообще не контролирую себя, — едва не плача, сказала Сабрина. — Это словно наваждение, голос в голове, который говорит, что сейчас нужно сделать.

Слушая её, Забини скептически осматривал студентку, явно не веря в её слова. Но та, едва не заливаясь слезами, опустилась на скамейку, рассказывая о том, как её привычная жизнь рушится из-за неконтролируемого поведения.

Откровенно говоря, Сабрина сама не верила в то, что делала и твердила. Но ей искренне казалось, что большое количество слёз должно было убедить их несмотря ни на что.

— Профессор Нотт, профессор Забини, мне кажется, что я нуждаюсь в особой работе, — добавила Сабрина. — Курт как раз сказал, что собирают группу студентов, чтобы помочь им стать лучше и исправиться...

Поняв, к чему она ведёт, Нотт усмехнулся и продолжил вслушиваться в её слова, пока стоящий рядом Морган постепенно приходил в себя и осознавал происходящее.

— Я уверена, что меня нужно записать туда в назидание за подобный поступок, — указав на Курта, сказал она.

— Сабрина, — выставив руки перед собой, произнёс Забини, — пожалуйста, не плачь. Давай мы сейчас пойдём к профессору Паркинсон и вместе всё обсудим. Уверен, что такое наказание...

— Я заслуживаю наказания, профессор! — грубее настаивала Сабрина. — Пожалуйста, определите меня в эту особую группу, чтобы там мне помогли.

Нотт и Забини переглянулись между собой. Для них это походило на плохо сыгранный спектакль одного актёра, но так как сильной эмпатией они не обладали, то были согласны.

— Хорошо, мы поговорим с профессором Малфоем, — успокоил её Забини, отчего Сабрина довольно улыбнулась.

— Спасибо вам большое, — благодарно закивала она. — Я обещаю, что больше такого не повторится.

Говоря это, она указала на Моргана, который только начал понимать, что его нагло использовали. Сабрина схватила его за руку и подтолкнула в сторону гостиной Гриффиндора.

— Мы сейчас же разойдёмся по гостиным, — сказала она и сама отправилась к подземелью.

Забини и Нотт провожали обоих взглядом, всё ещё осознавая ситуацию, которая только что произошла на их глазах.

— А они на магловедении проходят БДСМ? — озадаченно спросил Нотт. — А то эта страсть к наказаниям...

— Не проходят, — похлопал его по плечу Забини и кивнул в сторону учительских спален, куда они и направлялись ранее.

— Нужно передать Томасу, чтобы ввёл для старших курсов, — усмехнулся Нотт и скорее поспешил в комнату.

Примечание к части

Врываемся в новую историю с трёх глав) Эта работа всё ещё остаётся для меня достаточно необычной в плане подачи и из-за количества юмора) Поэтому чувствую себя немного странно. Но безумно жду ваших впечатлений)

Больше о будущих главах будет на моём канале <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 4 «В поисках перемирия»

— Профессор Малфой, я с вами не договорила, — женский голос заставил Драко остановиться у входа в кабинет.

Смотря на закрытую дверь класса зельеварения, он больше всего хотел стать невидимым, чтобы скрыться от громких возгласов Клариссы. Но, как ему казалось, даже это бы не смогло остановить её слишком надолго в порывах добиться своего. Настойчивости этой женщине было не занимать.

Выдохнув, Драко обернулся и взглянул на ещё сильнее покрасневшую Клариссу. Её чёрная бархатная мантия, отделанная серебряной вышивкой, заметно контрастировала с кожей.

— Я уже дал вам ответ на вопрос, миссис Фоули, — равнодушно ответил Драко и толкнул дверь своего кабинета.

Войдя внутрь, он понадеялся, что ей хватит воспитания не следовать за ним. Но, по всей видимости, хороший тон в этой семье использовался лишь на важных мероприятиях. Поэтому, когда Драко подошёл к своему столу, услышал за спиной хлопок, стук каблуков и скрип кожаных чёрных перчаток.

Кларисса встала рядом с ним у стола, скрестив руки на груди. Она не говорила, а просто смотрела на него, словно ждала, пока Драко сдастся. Но и здесь ей пришлось разочароваться. Будучи деканом Слизерина, он по несколько раз в месяц встречался с такими же *«целеустремлёнными родителями»*. Все они как один считали, что их чадо достойно лучшего. И совершенно не считались ни с порядками школы, ни с позицией Министерства и уж тем более ни с молодым деканом.

Сейчас она поймёт, что молчанием ничего не добьётся, и перейдёт к следующей стадии. Её он окрестил: «Драко, дорогой».

— Драко, дорогой, — медленно начала она, поджимая алые губы, — мы же знаем друг друга много лет. Я помню тебя ещё шестилетним мальчиком...

— И что это должно изменить? — всё так же равнодушно уточнил он, открывая новое издание учебника зельеварения.

Кларисса нервно закусила губу, поочерёдно сжимая длинные пальцы сквозь перчатки.

— Пойми же, моего мальчика ждёт большое будущее, — воодушевлённо сказала она, пытаясь игнорировать настроение Драко. — Я хочу, чтобы он тратил время на учёбу, дополнительные занятия и встречи с друзьями.

Понимая, к чему она ведёт, Драко уже вспоминал, какой фразой её можно будет выгнать из этого кабинета быстрее.

— А не на наказание за взгляды, которые он считает правильными, — последнее она произнесла значительно тише.

Её рука опустилась поверх ладони Драко, кожа отдала неприятным холодом, отчего он заметно напрягся.

— Которые *мы* с тобой считаем правильными, Драко, — эти слова были сказаны едва слышно.

Уже за эту фразу Драко мог вытолкнуть её за пределы кабинета, передать капсулу со своей памятью Кингсли или отвести её к Поттеру. Но Драко молчал, пытаясь не сорваться и не высказать этой женщине всё, что думает о подобной манере воспитания и людях, которые её пропагандируют.

Оттолкнув её руку, Драко повернулся лицом к Клариссе.

— Я и мои взгляды — это последнее, что должно вас касаться, — чётко и учтиво произнёс он. — Каспер будет наказан, как и остальные, а если вас это не устраивает — вы знаете, где находится кабинет директора.

Злость в её глазах вскипела так же быстро, как уже нагретая вода в котле. Казалось, на мгновение Драко увидел в них праведный огонь, который хотелось распалить.

— Только при посещении не забудьте упомянуть правильность взглядов Каспера, — добавил он, обошёл стол и сел за него.

Губы Клариссы вытянулись в тонкую линию, и она сжала руку в кулак, отчего кожа неприятно скрипнула. Неизвестно, что именно удерживало её от опрометчивых поступков. Но, возможно, почувствовать диалог она ещё не разучилась и понимала, что лучше уйти.

— Что они с тобой сделали? — горько спросила она, склонив голову набок.

Нет. Не понимала.

— Что случилось с тем светлоглазым мальчиком, который верил в наши убеждения?

Он вырос.

— Давай поговорим с тобой начистоту. Не как родитель и декан, а как два чистокровных волшебника, — попросила она.

И это стало её главной ошибкой. Потому что единственная причина, почему Драко всё ещё сдерживал каждый свой порыв и говорил с ней относительно вежливо, крылась именно в границах. Будучи воспитанником «возвышенного» общества, он видел их и соблюдал субординацию. Но раз ей хотелось услышать всё то же самое, но в более резкой форме, настроение Драко уже было под стать.

— Давай, — кивнул он, поднимая взгляд на неё. — Ты знаешь, что сделают с твоим сыном, если через пару лет он заявит в нынешнее Министерство со словом «грязнокровка»?

Она заметно побледнела, вероятно вспоминая, что сейчас может ждать за такие взгляды. Кингсли не очень жаловал подобное, и если законного наказания

за это не было, то общественное могло сломать.

— А предполагаешь, как отразится на его репутации отчисление из школы за год до её окончания?

Страх в глазах Клариссы загорался всё ярче с новой репликой Драко. Он был уверен, что она уже жалела об этом разговоре.

— Вы все, — он кивнул на дверь, — будто живёте в десятилетии назад и не понимаете, что время изменилось, взгляды и отношение к ним тоже.

Каждое слово эхом отскакивало от стен кабинета, нагнетая обстановку в мрачном классе.

— Я учу ваших детей пониманию, Кларисса. Они выходят отсюда без желания убивать маглорождённых и с осознанием, какой сейчас мир.

Голос Драко был то ли шёпотом, то ли криком, он и сам не понимал. Но факт, что это производило должное впечатление, отрицать не мог. Не выдержав напряжения, Кларисса уже опустилась на стул позади себя.

— А потом вы дома разрушаете всё, что я построил, чтобы *уберечь* их.

Она сглотнула ком, подступивший к горлу, и сняла одну из перчаток. Достав из мантии платок, она вытерла выступивший на лбу пот.

— Мне безразлично, что на самом деле думаете вы и ваши дети, — Драко сделал паузу, чтобы прочистить горло. — Но здесь, в этой школе, мы живём по законам текущего времени и помогаем их соблюдать другим.

Кларисса внимательно смотрела на него несколько секунд, будто пыталась переварить только что услышанное. Драко тяжело дышал, ощущая, как спокойствие вновь струится по венам и он возвращается в состояние умиротворения.

Он не любил такие речи, ненавидел общаться с родителями учеников в таком тоне, но был вынужден. К его великому сожалению, большинство чистокровных привыкли понимать язык грубости, а не дипломатии.

— Я тебя услышала, — тихо сказала Кларисса и встала, направляясь в сторону выхода.

Ноги её были будто ватными, шла она медленно, а сознание... Оно будто было сейчас не с ней. Заметив это, Драко покачал головой, он ожидал несколько другой и не настолько тяжёлой реакции.

— Я поговорю с директором о Каспере, — резко бросил Драко, заставив её обернуться. — Но в последний раз.

Кларисса горько улыбнулась и кивнула ему, прежде чем выйти прочь из кабинета зельеварения. Драко откинулся на кресле и тяжело выдохнул, разговор едва не вытаскил из него половину жизни. А ведь сегодня предстоит встреча с Грейнджер, которая сулила ещё меньше понимания и налаженного диалога, чем сейчас.

Но что его радовало, так это наличие в группе для трудных подростков гриффиндорцев. Причём именно тех, за кого Грейнджер стояла упрямее и настойчивее всего. Не просто потому, что они учились на её факультете, но и потому, что оба были из семей маглов. Возможно, она чувствовала с ними некое единение, неизвестно, но зато весь её энтузиазм теперь не достанется исключительно ему.

Наверное, это было одно из тех качеств Грейнджер, которое у него не получилось вывернуть для себя в положительное. За столько лет работы ему, мягко говоря, пришлось найти в ней то, что могло симпатизировать. Таким образом держалось хрупкое равновесие их вполне сносного общения. Драко даже осмелился бы сказать, что Грейнджер была приятной девушкой.

Умной, почему ему и удавалось находить с ней общие темы для разговоров, даже коротких. Весёлой, когда отпускала себя и не пыталась контролировать всё вокруг. Красивой, но совершенно к этому равнодушной. С этой Грейнджер ему нравилось проводить время, но при их встречах она существовала недолго.

Постепенно её личность будто бы раскрывалась, и проявлялись качества, которые Драко приходилось терпеть. Её мания величия и постоянное желание всё контролировать, искренняя вера, что лишь она знает, как лучше и правильнее, и командирские замашки. Драко даже был удивлён, как она ещё Поттера со стула директора не столкнула и не устроила всё так, как нужно именно ей.

Она была на это способна.

— Здравствуйте, профессор Малфой, — с улыбкой сказала зашедшая Сабрина.

Драко сразу выпрямился и сделал вид, будто всё идёт отлично и он совершенно ничем не обеспокоен.

— Здравствуй, Сабрина, — ответил он ей, делая заметки в учебнике.

Она осмотрела класс, а после быстрыми шагами подошла к Драко, широко улыбаясь. Драко поднял на неё вопросительный взгляд и заметил, как заблестели её глаза.

— Я хотела узнать, передали ли вам, что я тоже вхожу в особую группу, которую вы курируете? — осторожно спросила она.

Драко свёл брови к переносице и удивлённо посмотрел на неё. Он, конечно, знал, что могут добавиться ещё студенты. Но Сабрину, лучшую ученицу его факультета, в ответственности которой он был уверен на девяносто девять процентов, он не предполагал увидеть среди трудных детей.

— Кто распорядился? — строго поинтересовался он и встал с кресла.

— Профессор Нотт и профессор Забини должны были сообщить об этом директору, они застали меня вчера за неподобающим поведением, — тише добавила Сабрина. — Я считаю, что мне требуются дополнительные занятия по налаживанию взаимоотношений.

Зачем студентке, у которой не было конфликта ни с одним учеником Хогвартса на протяжении шести лет, в группу трудных подростков, он так и не понял. Да и выяснять, откровенно говоря, не хотел. Драко не знал, зачем ей это, но понимал, что попасть туда было исключительно её желанием. А для лучшей ученицы ему не жалко даже этого.

— Ладно, — с улыбкой ответил Драко и сел обратно. — Будешь следить, чтобы Розье хорошо себя вёл.

— Задание принято, профессор, — довольно сказала Сабрина и отправилась на своё место.

Класс постепенно начал наполняться студентами...

Вечером этого же дня Драко уже сидел в указанном кабинете и ждал Грейнджер. В голове витали мысли о том, как можно примирить двух врагов. И каждый раз Драко приходил к пониманию, что никак. Даже у них с Грейнджер это не получилось. Они просто заключили немое перемирие. Сошлись на золотой середине, где чем меньше контактировали друг с другом, тем лучше были их отношения.

И теперь именно это терпело крах, едва ли не разрываясь по швам. Потому что виделись они всё чаще, находились рядом слишком много, а обменивались косыми взглядами постоянно. Концентрация Грейнджер в его жизни ещё никогда не была настолько большой, и от этого он испытывал странное ощущение. Слегка будоражащее, чуть приятное и точно неконтролируемое.

Из-за неё.

Последние пару дней он стал значительно чаще высказываться, проявлять несдержанность и говорить всё то, что приходило в голову. Раньше, разумеется, в рамках немого перемирия, он старался заглушать это в себе. И пока она была далеко, подобное получалось изумительно, но чем чаще они находились вместе, тем хуже это ему давалось.

Будто Грейнджер по кирпичам разбирала его защиту, чтобы обрушить на себя стену вопросов, его эмоций и высказываний. Но Драко пытался, он не хотел, чтобы школу закрыли, поэтому приходилось сдерживаться, быть терпеливым и учтивым. И нравилось ему это всё меньше с каждым днём...

— Прямо светишься, Малфой, — высокомерно сказала Грейнджер, закрывая за собой дверь. — Рад вчерашним событиям?

Улыбка на лице Драко мелькнула сама собой. Неизвестно, из-за воспоминаний или от её саркастичного тона.

— Не поверишь, — отметил он, ведя её взглядом от входа до стула напротив. — Впервые доволен вашей хвалёной справедливостью.

— А справедливость это там, где Слизерин получает желаемое? — спросила

она, усаживаясь.

— Справедливость это там, где гриффиндорцам всё не сходит с рук, — добавил он и открыл ежедневник.

Увидев это, Грейнджер нахмурилась и вытянула шею, пытаясь углядеть его записи, отчего Драко тихо засмеялся. Он готовил ответ ей добрые десять минут и уже был готов огласить план мероприятий по перевоспитанию маглорождённых.

— Думаю, что Моргану и Брэдли не хватает знаний о чистокровных семьях и их вкладе в процветание магической Британии, — ухмыльнувшись, продолжил Драко.

Она тут же встала и подошла к нему. Грейнджер, опершись рукой на крышку стола, возвысилась над его ежедневником, внимательно вчитываясь. Её пушистые волосы, свисающие вперёд, едва касались его бледных пальцев, аромат духов окутывал сознание, а недовольно поджатые губы вновь будили неконтролируемое чувство.

— Предлагаешь детям изучать истории тех, кто пытался их истребить? — взбунтовалась она, глядя на него. — Или это ответ на мои предложения?

Она скрестила руки на груди и, выгнув бровь, посмотрела на Драко. Он поднялся со стула, возвышаясь над ней, отчего Грейнджер на несколько секунд показалась менее грозной.

— А тебе принципиально везде видеть оскорбления или берёшь выходные? — самодовольно спросил он, склонив голову набок.

— Ты же от своего характера особо не отдыхаешь, — ответила она и сделала шаг вперёд.

Грейнджер стояла почти вплотную, задрав подбородок, чтобы видеть его глаза из-за разницы в росте. Это не выглядело угрожающе, скорее слегка смешно, если не слышать всего, что она говорит. Но, увы, способностью не воспринимать слова Грейнджер он ещё не обладал, в отличие от Уизли.

Тяжело выдохнув, Драко на мгновение прикрыл веки, чувствуя, как рука сама по себе сжимается в кулак, и ответил:

— Предлагаю обменяться комплиментами после того, как решим, что делать со студентами.

Грейнджер смотрела на него несколько секунд. Глаза горели огнём, поджатые губы сигнализировали о недовольстве, а тяжёлое дыхание — об отказе от смирения. Но она всё-таки кивнула и опустилась обратно на своё место.

— Я думала провести небольшое собрание, — предложила она. — Там они смогут высказать друг другу взаимные претензии...

— Или устроить ещё одну дуэль, — продолжил Драко.

— Может, установим вето на неаргументированную критику? — бросила она, косо смотря на него.

— А тебе нужны аргументы? — выгнув бровь, спросил Драко.

Грейнджер повернулась к нему, скрестив руки на груди, и перекинула ногу на ногу, приготовившись слушать. Малфой усмехнулся и покачал головой.

— Никому не нравится, когда им говорят, что они неправы, — сказал Драко.

— Нужно уметь принимать ошибки и работать над собой, — развела руками Грейнджер и пригнулась, прищуриваясь. — Первый шаг к решению проблемы — это её признание.

— Скоро его пройдёшь? — вырвалось у Драко, и она тяжело вздохнула.

Ирония, что сама Грейнджер не умела ничего из вышеперечисленного. В её понимании, мнение, что важнее её, было разве что у Макгонагалл. И то, даже ту Грейнджер иногда осмеливалась критиковать.

— Если они и выскажутся, — продолжил Драко, — никто не будет исправляться просто потому, что другим это не нравится.

— Значит, нужно привить им заботу об окружающих, чтобы их волновало общественное мнение...

На этой фразе Драко удивлённо посмотрел на неё, словно не веря, что слышит такое именно от Грейнджер.

— Согласна, перебор, — выставив руки перед собой, сказала она. — Но всё же они должны понять, каково другим.

— Может быть, — пожал плечами Драко. — Только по-другому, Грейнджер. Твоё предложение закончится дракой.

— Не закончится, — противилась она. — Просто нужно немного изменить стратегию.

Драко недовольно закатил глаза и поджал губы, сдерживаясь из последних сил, чтобы не быть слишком грубым. Но получалось это всё труднее с каждой минутой, по крайней мере, в её присутствии.

— Хорошо, — резко сказал он и развёл руками. — Давай сами попробуем и узнаем, сможем ли стать хорошими друзьями.

Последнюю фразу он произнёс со сладкой улыбкой, от которой сводило зубы. Грейнджер, видимо не готовая к такому раскладу событий, скептически посмотрела на него. Но всё же выпрямилась и кивнула.

— Мне не нравится, что ты постоянно задираешь Рона, — пожалла плечами она.

Драко нахмурился. Он ждал многого, но точно не комментария о его отношениях с Уизли.

— Я высказываюсь, Грейнджер, — ответил ей он. — И после всех его оплошностей это меньшее, что можно делать.

Она попыталась его перебить, но Драко тут же выставил руку перед собой.

— Моя очередь, — сказал он, видя недовольство на её лице. — Мне не нравится, что ты не воспринимаешь чужое мнение.

— Если я не воспринимаю твоё, это не значит...

— Хорошо, — улыбнулся он. — Приведи хотя бы один пример за прошедший месяц, когда ты приняла чужую точку зрения?

Грейнджер задумалась. Несколько секунд она хлопала глазами, а её зрачки бегали от одной части кабинета к другой. Медленно она начинала понимать, что не находилось подходящего случая и не было чужой точки зрения, которую она бы принимала.

— Это просто совпадение, — ответила она.

Драко попытался ответить, но тут уже Грейнджер выставила ладонь перед собой.

— Мне не нравится твоя прямолинейность, — самодовольно сказала она и скрестила руки на груди. — Нельзя называть детей невыносимыми всезнайками, если они...

— Сначала научи Брэдли отвечать, когда её спрашивают, — парировал Драко. — Меня безумно раздражает недисциплинированность, причём не только твоих студентов, но и твоя.

Грейнджер уже подскочила на ноги, и он понял, что хорошего из этого разговора не получится.

— А меня раздражают твои подначивания с поводом и без, — громче добавила она, смотря в его глаза.

— Видишь, не работает твой способ, — грубее ответил Драко, возвышаясь над ней.

Вероятно, это была последняя капля её терпения, потому что Грейнджер схватила со стола свой ежедневник и стремительными шагами двинулась в сторону выхода.

— Грейнджер, ты не можешь уходить, когда тебе вздумается, — недовольно сказал Драко.

— Могу, для меня же не существует чужого мнения, — гаркнула она и громко хлопнула дверью.

Несколько секунд Драко внимательно смотрел на выход, а после с силой ударил по письменному столу, за которым они сидели. Он слышал, как его сердце бешено колотится, кожа зудит так, будто то облили зельем, а желание

высказаться едва ли не вырывается из горла громким возгласом.

Когда Драко пришёл в спальню Блейза, то на несколько секунд ощутил себя в спокойствии и мнимом умиротворении. Хотя бы потому, что здесь никогда ничего не менялось, будто один день копировался в следующий с редкими проблесками разнообразия. Или он приходил сюда лишь тогда, когда других занятий у Блейза и Тео не находилось... Поэтому заставлял их всегда вместе.

Неважно. Главное, что здесь ему было комфортно — именно в этом месте он ощущал себя хотя бы немного в прошлом.

Драко словно возвращался в счастливое школьное время. Когда они втроём жили в одной спальне и каждый вечер проводили в обществе друг друга с одиннадцати лет. Может быть, дело привычки, возможно, нет, но это приносило спокойствие и умиротворение. Сейчас Драко они были слишком нужны.

— Ты почему Мекисе «выше ожидаемого» поставил? — возмущённый голос Тео послышался со стороны дивана.

Драко медленно прошёл на середину комнаты и сел рядом с Тео, пока тот удивлённо смотрел на пергамент. Блейз, до этого проверяющий задания за столом, приблизился к ним и забрал проверочную работу.

— В третьем задании слишком короткий ответ, — пожал плечами Блейз и отправил лист к остальным.

— Но он же правильный, — развёл руками Тео.

Блейз закатил глаза и тяжело выдохнул.

— Но он слишком...

— Правильный! — продолжал Тео. — Ставь «превосходно». Не порть девочке настроение в начале года.

Блейз и Драко переглянулись между собой, а после тихо засмеялись. В эту минуту Тео уже сам схватил перо Блейза и попытался исправить оценку, пока тот не оттолкнул его от своего стола и не изменил её самостоятельно.

— Самая дисциплинированная на моих занятиях, — важно добавил Тео.

— Потому что в рот тебе смотрит, — толкнул его в плечо Драко.

— Это уважение, — сказал Тео, а после покосился на Драко. — А ты разве не с Грейнджер должен быть?

Блейз так же свёл брови к переносице и медленно повернулся к ним, кивнув. Драко откинул голову на спинку дивана и жадно вдохнул аромат огневиски, который витал в комнате.

— Мы не сошлись во мнениях, — пояснил Драко.

Тео тут же посмотрел на часы и с улыбкой перевел взгляд на Блейза. Тот недовольно прищурился, а после достал из кармана галлеон и бросил Тео.

— Вы ставили? — недовольно протянул Драко.

— Разумеется, ставили, — развёл руками Блейз. — А теперь рассказывай, что ты опять сделал неправильно?

И в этот момент Драко засомневался, чьи именно они друзья, его или всё-таки Грейнджер. Впрочем, даже не совсем в этот — такое мнение укреплялось в нем с каждым годом совместной работы всё сильнее. Казалось, словно Грейнджер была для них другом все школьные времена, а он этого просто не замечал.

Постоянно, когда она высказала идею, которая Драко виделась вполне сносной, Блейз и Тео её поддерживали. На всех общих праздниках всегда звали ближе и, будто специально, усаживали их рядом друг с другом. Часто положительно отзывались о ней, её нравах и позиции, которую она занимала.

Иногда Драко даже казалось, словно Нарцисса и Люциус, спрашивающие о свадьбе почти в каждом письме, просто перемещались в Блейза и Тео. Только родители толкали его к свадьбе, а друзья — к Грейнджер. И обе перспективы вызвали в Драко гораздо меньше положительных эмоций, чем приходилось ожидать.

— Теперь я понимаю, почему все девушки у тебя были со Слизерина, — закатив глаза, сказал Тео. — Другие просто не воспринимают оскорбления как комплименты.

— Да, разговор ты начал явно не с того, — кивнул Блейз, делая глоток огневиски.

— Я с ней работать, а не спать собираюсь, — сухо ответил Драко.

— Одно другому...

— Пойду к Поттеру, — выдохнул Драко и встал с дивана. — Или к Пэнси. Кого быстрее куплю за новый стол в кабинете.

Тео и Блейз переглянулись.

— Он уже объявил вас с Грейнджер, — бросил Блейз. — Видел у него пергамент на столе. Поэтому придётся тебе учиться искать компромиссы.

Звучало как шутка. Потому что найти перемирие с Грейнджер в текущих условиях практически невозможно. Это можно было сделать, пока они общались исключительно в случаях крайней необходимости, но не сейчас. Хотя он пытался, моментами даже сам хотел, но с ней слишком тяжело...

— Попробуй согласиться на её предложение, — сказал Блейз. — Не получится? Успокоишь её эго и сделаете так, как ты хочешь.

Тео кивнул и отложил от себя бутылку.

— Прекрати быть Малфоем, который хочет показать, как она неправа, — пояснил Тео. — Стань Драко, который ищет решение с ней. Вы же грёбаная команда теперь.

Драко несколько секунд смотрел на диванных философов, которых называл друзьями. Ему слабо представлялось, как можно реализовать их предложение, но другого пути действительно не было.

Возможно, если он сделает шаг навстречу, то и Грейнджер станет менее невыносимой? Они смогли добиться коротких перемирий, может быть, получится увеличить их?

Невозможно найти общий язык с невыносимым, заносчивым, саркастичным и высокомерным человеком. Особенно если он сам этого не хочет.

Именно с этой мыслью Гермиона ворвалась на квиддичное поле, где Джинни опробывала свою новую метлу — подарок Забини на последний день рождения. Причём настолько увлечённо, что даже не сразу заметила Гермиону. Лишь спустя несколько минут осознала, что на безлюдном поле есть зрители.

Подлетев к Гермионе, Джинни опустилась рядом и сразу начала спрашивать о происходящем, отчего Гермионе становилось ещё более неуютно.

Беседы с Джинни часто сводились к моментам, о которых Гермиона предпочитала не говорить в силу неприятных эмоций. Они рождались во время разговора и сопровождали Гермиону до самого его конца. Будто она шла по коридору из своих страхов и переживаний.

Успокаивал лишь финал, потому что после таких бесед Гермиона чувствовала себя значительно лучше и моментами смелее. Возможно, поэтому всегда была немного рада, несмотря на собственные ощущения.

Джинни будто вытягивала Гермиону из зоны комфорта, где та предпочитала находиться. Там ей было хорошо, она всегда знала, что произойдёт, чего ожидать и как себя вести. А в вещах, на которые её толкала Джинни, Гермиона не была даже уверена. Это было сравнимо с полётом на метле, когда земля уходила из-под ног и ты не представлял, что ждёт впереди.

Адреналин и неизвестность придавали жизни вкус, но вместе с этим опаска и неуверенность заставляли колени подгибаться на каждой будоражащей теме.

И одной из таких был Малфой, его наличие, существование и влияние. Причём на Джинни впечатление он производил исключительно положительное. Гермионе казалось, что виной всему её отношения с Забини. Но иногда складывалось ощущение, будто и сама Джинни рада общаться с Малфоем и хочет подтолкнуть к тому же Гермиону.

— Не обижайся, но в чём-то он прав, — сказала Джинни.

Гермиона тяжело выдохнула и покачала головой.

— Знаю, — выдохнула она. — Иногда я могу перегибать, но он же тоже не белый и пушистый...

Джинни тихо засмеялась. Гермиона сначала удивлённо на неё посмотрела, а после осознала, что пошутила.

— А вообще, мыслишь, как Оливия и Курт, — хмыкнула Джинни. — Они тоже всего лишь отвечали...

— Око за око, а в итоге весь мир ослепнет, — на выдохе сказала Гермиона.

— Не знаю, что там с миром и оком, но тебе нужно принять слова Малфоя во внимание и изменить стратегию, — отметила Джинни.

Гермиона скучающе отвела взгляд в сторону, привычно анализируя произошедшее и находя мысли Джинни правильными. Те оправдания, которые Гермиона себе пророчила, были равносильны тем, которыми себя убеждали другие гриффиндорцы. Они не делали ничего первыми, но всегда были готовы действовать в отместку, и именно в этом заключался один из корней общей проблемы.

Возможно, прежде чем требовать терпимости от других, ей стоило начать с себя? Тем более Малфой старался, обычно он вёл себя гораздо твёрже, а сегодня постарался быть с ней мягким. Неужели она не могла ответить ему тем же и хотя бы ненадолго наступить на собственную гордость? Ради школы, закрытия которой ей точно не хотелось...

Когда Драко подошёл к её спальне, то присел и протолкнул под дверь записку. Он не надеялся, что Грейнджер будет там, но в ту же секунду слышался скрип, а после они оба замерли, смотря друг на друга.

Жар окутал тело от вида полуобнажённой Грейнджер в лёгком бордовом халате, и он даже не сразу смог сказать ей нужное. Она же, заметив его взгляд, чуть поёжилась и натянула одежду ниже, словно пытаясь увеличить её длину.

— Я хотел...

— Извини, — перебила она его, закусив губу. — Это было глупо — убежать.

Улыбка сама по себе мелькнула на его лице, и Драко кивнул.

— Давай попробуем эти твои собрания с высказываниями претензий, — добавил он в ответ и заметил блеск в её глазах.

От этого сердце забилось чаще, и в душе будто нечто живое перевернулось. Драко захотелось согласиться ещё на сотни её предложений и реализовать тысячу идей, если за это он снова увидит радость в её взгляде. Настолько живую, искреннюю, казалось, он давно забыл, как она прекрасна, когда улыбается.

— Тогда завтра в пять на том же месте? Скажешь слизеринцам? — тихо спросила она, стараясь прикрыться дверью.

— Да, — кивнул Драко.

В воздухе повисла немая пауза. Оба смотрели друг на друга и будто не знали, что стоит или не стоит говорить. Это было несколько минут немого единения.

— Спокойной ночи? — спросил Драко, сделав шаг назад.

— Приятных снов, — кивнула она, слегка улыбнувшись.

Дверь медленно перед ним закрылась, и он резко выдохнул, поняв, что эти минуты практически не дышал...

Примечание к части

Думала выложить в четверг, чтоб по расписанию, но планы немного изменились)
Так что держите новую главу уже сейчас)

Как вам?

Больше о новых главах на моём канале <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 5 «Корень конфликта»

Первая неделя учёбы медленно подходила к концу, но, судя по лицам студентов и преподавателей, пробыли они здесь по меньшей мере лет пять. После летних каникул занятия всегда давались тяжело, в особенности из-за графика, который из года в год становился всё насыщеннее. Казалось, что Поттеру и Пэнси нравилось измерять скорость угасания студентов после всех дополнительных.

К какому месяцу в этот раз у всех останется только желание выжить? Драко предполагал, что к октябрю. Об этом свидетельствовало количество дополнительных кружков, планируемых Пэнси. Одним из таких были заклятия. Поттеру казалось, что студентам не мешает потренироваться вне школьной программы.

Эту идею оценили многие, за исключением разве что Тео, который и должен был их вести. Поэтому последние пару дней он пропускал утренние собрания и исчезал из своего кабинета так же быстро, как и появлялся в нём. В один момент он даже поклялся, что Поттеру не удастся забрать его драгоценное время в угоду детям.

Но Поттер поступал умнее. Он никогда не вёл переговоры со слизеринцами, если те уходили от разговора хотя бы два раза. К убеждениям подключалась Пэнси, а ей было всё равно на желание и наличие свободного времени. Так, собственно, она и стала заместителем директора. Ещё до того, как они с Поттером сошлись, игра в *«плохой-хороший аврор»* стала для них любимой тактикой.

— Ты только посмотри, — возмутился подходящий Тео, протягивая Драко записку.

Драко, который до этого скучающе изучал конспекты студентов, взял пергамент и пробежался по нему глазами. Улыбка сама по себе расплылась на лице, а тяжёлый вздох Тео заставил засмеяться.

— Она угрожает мне, — развёл руками Тео и сел рядом.

Достав пачку магловских сигарет, он сжал одну из них зубами и прикурил от палочки, жадно вдыхая дым. Увидевший это Драко едва ли не вскипел от злости и в ту же секунду отобрал и затушил её, выбросив в урну.

— Не в моём кабинете, — недовольно фыркнул Драко.

Тео закатил глаза, встал и быстро подошёл к окну, открывая его и высовываясь. Через несколько мгновений Драко вновь почувствовал табачный дым.

— Сегодня утром я едва ушёл из курилки незамеченным, она меня поджидала, — развёл руками Тео.

— Если ты куришь в одном и том же месте, это не значит, что там курилка, — заметил Драко. — Да и вычислить тебя несложно. Твой утренний маршрут не знает разве что Уизли и то потому, что пропадает в столовой.

Нотт обречённо застонал и выбросил окурок в окно. Развернувшись, он убрал руки в карманы брюк и внимательно посмотрел на Драко. Тот всё ещё пытался изучать студенческие конспекты, желая избавиться от мыслей о сегодняшнем собрании и Грейнджер. Последняя занимала его голову весь вчерашний вечер и с первых минут, когда он проснулся.

Драко не смог бы ответить, что волновало его больше: перспектива вновь не найти с ней общий язык, попытки восстановить хрупкий мир после или обречённость её идеи в отношении студентов. И непонятно, что было хуже: Грейнджер, которая считала, что всегда права, или Грейнджер, раздавленная собственным поражением.

Последнее он мог терпеть лишь тогда, когда сам одерживал над ней победу. Потому что знал: её это не тронет настолько сильно, чтобы сломать. А этот клуб, дети и проблемы, с которыми и они сами когда-то сталкивались...

Это было о другом, более сложном, менее обыденном и без сомнений тяжёлом.

На мгновение Драко остановил поток мыслей и едва заметно качнул головой от пришедшего осознания. Его волновали её чувства, сейчас особенно сильно.

Сколько бы Драко ни злился, ни пререкался с ней, в конечном итоге ему не было всё равно. И это пугало, выводя за рамки привычных им отношений. Последние годы Драко считал, что хоть шаг с уже протоптанной тропинки их общения — и они убьют друг друга.

Видимо, бояться нужно было совсем других чувств.

— Справитесь вы, — ободряюще сказал Тео и похлопал Драко по плечу, садясь рядом. — И ты, и твоя Грейнджер.

— Она не моя, — прищурившись, ответил Драко.

— Да ну? — Тео хитро улыбнулся. — Как вчерашний вечер закончился?

Драко несколько секунд молча смотрел на Тео, а после бросил короткое:

— Один-один.

Тео довольно ухмыльнулся и уже собрался заговорить вновь, когда дверь класса неожиданно открылась и на пороге появилась Пэнси. Он не успел сказать и слова, как она оказалась рядом с ними и с ударом о стол положила лист пергамента, в конце которого не хватало подписи. Тео грустно опустил глаза и попытался сделать вид, будто не понимает, что произошло, но серьёзный взгляд Пэнси не позволил.

— Я буду вести их с очень расстроенным лицом, — прищурившись, хмыкнул Тео.

Взяв перо, он поставил свою подпись внизу, а Пэнси сразу забрала пергамент, довольно улыбаясь.

— Студенты будут рады одному твоему присутствию, дорогой, — сказала Пэнси и потрепала его за щёку.

— Не в моём кабинете, — тут же возмутился Драко.

Послышался гул в коридоре, и несколько второкурсников вошли внутрь, тихо переговариваясь между собой. Пэнси и Тео переглянулись, а после скорее покинули класс, Драко проводил их взглядом и тут же зацепился за расстроенную Венди Морган. Она опустилась на одну из самых последних парт и спокойно раскладывала свои вещи, пока пара слизеринцев косо на неё смотрела.

Заметив это, Венди едва ли не усохла, сидя на месте. Она поглубже закуталась в мантию и постаралась вести себя тихо, насколько это было возможно. Её затравленный взгляд блуждал по классу, стараясь обходить слизеринцев, а сама она постоянно сжимала пальцами рукава. Будто зверь, которого загнали в угол и истязали, она сидела и озиралась по сторонам.

Сердце Драко кольнуло от увиденного, но он тут же потрянул головой.

Она не напоминала ему ни Грейнджер, ни Брэдли. Эти две студентки, несмотря на своё происхождение и унижения на первых курсах, никогда не сидели в одиночестве и не пытались слиться со стеной. Напротив, они рвались вперёд, доказывая и показывая, насколько они хороши и на что способны. А Венди... С первого дня учёбы она становилась всё бледнее и вызывала у Драко не желание осадить гриффиндорцев, а помочь...

— Эй, Морган, — послышался голос одного из слизеринцев. — Лови.

Мгновение, и из палочки студента полетело заклинание. Венди в тут же секунду рванула под стол, когда Драко отразил луч. Все присутствующие тут же посмотрели на него.

— Ещё раз подобное повторится, — твёрдо сказал Драко, глядя на слизеринца, чьи глаза в страхе бегали по кабинету, — и вы увидите дверь Хогвартса снаружи. Хоть там и написано *«Добро пожаловать»*.

Студенты быстро закивали и сразу же расселись по местам, готовясь к занятию. Взгляд Драко невольно скользнул на Венди, которая встала из-под парты и с благодарностью посмотрела на него.

Это был правильный выбор.

— А уже в тысяча семьсот седьмом году было учреждено известное нам Министерство магии, существующее и по сегодняшний день, — говорил профессор Забини, проходя по классу. — Первым министром магии стал Улик Гамп, который...

Его слова медленно рассеивались перед Куртом, оставаясь непримечательным гулом на краю сознания. Вопрос о предстоящем вечернем собрании волновал его куда больше министров и прошлого в целом, тем более

слушал он это уже во второй раз. Первым его наградила Оливия, готовящаяся к СОВ рядом с ним.

Она всегда заучивала материал вслух, и порой его это откровенно раздражало. Да, они были друзьями, и он по-своему любил её, но иногда в Курте селилось желание стереть из её памяти факт их дружбы. Особенно когда она так спокойно сидела и писала конспект, забыв, что уже через несколько часов они окажутся на плахе.

Убедившись, что профессор находится в другом конце кабинета, Курт медленно повернулся назад и посмотрел на Оливию.

— Слышала, что Фоули отстранили от нашего наказания? — шепнул он, ловя её тяжёлый взгляд.

— А Слизнорт, лучшую ученицу, наоборот, включили в список, — тихо ответила она, пригнувшись. — Что на этом Слизерине вообще происходит?

Курт пожал плечами, пытаясь не вспоминать вчерашнее. Подобный аспект биографии он предпочитал утаить.

— Я видела, как мать Фоули говорила с Малфоем, — добавила Оливия. — Святой Годрик, я думала, он в неё Авадой запустит. Ему явно не по душе такой порядок вещей, подрыв авторитета всё-таки.

— Думаешь, декан Слизерина встанет на нашу сторону? — усмехнулся Курт. — Всё это напускное. Как бы он ни злился, всегда будет за своих студентов.

Оливия тяжело выдохнула и закатила глаза.

— Мы тоже не одни там будем, у нас есть профессор Грейнджер, — аргументировала Оливия.

И это единственное, что успокаивало Курта. Наличие на их стороне настолько сильного преподавателя, который мог дать отпор слизеринцам, а также понимал гриффиндорцев целиком и полностью, помогало.

— Я думаю, нам нужно...

— Морган, — голос профессора послышался прямо за спиной.

Курт замер, а после медленно повернулся на стоящего над ним Забини. Тот склонил голову набок и выгнул бровь, внимательно смотря на него.

— Понимаю, разговор с Брэдли интереснее первого министра магии, — тяжело выдохнул профессор, — но хотя бы ради своего «удовлетворительно» закрой рот и сделай вид, что осознаёшь, о чём я.

— Да-да, конечно, — тут же буркнул Курт и уставился вперёд.

Забини скептически посмотрел на него, а после покачал головой и продолжил рассказ:

— В тысяча семьсот семнадцатом году...

Но слова профессора уже через несколько секунд вновь превратились в фоновый шум. Его не было слышно за мыслями о предстоящем собрании. Возможно, это внутреннее чутьё, которым всегда кичился отец. Может быть, прославленная дедукция, обошедшая его стороной, по мнению Оливии. Но Курт знал, что конец сегодняшнего дня будет настолько тяжёлый и местами угрожающий, что не хотел доживать до вечера.

В отличие от Курта и Малфоя, Гермиона верила в счастливый итог своего плана. Более того, она уже планировала речь в конце года, когда Гарри будет радоваться отличным результатам. Разумеется, в ней осталось несколько капель сомнения, что всё может выйти из-под контроля. Но Гермиона надеялась, что это так и останется домыслами и развивающейся паранойей.

Главное же вера в свой план и отличную его реализацию? Остальное приложится, да, со временем, путём множества усилий и работы, но в конечном итоге это случится. Путь к лучшему всегда тернист и сложен, она прекрасно это знала и понимала, но была готова его пройти. И отчего-то на душе было гораздо радостнее, что Малфой оказался вовсе не против.

Когда он вчера появился на пороге её спальни, подсовывая под дверь записку и говоря, что её план имеет место быть, первым Гермиона ощутила облегчение, что ей не пришлось делать этот шаг самой и бояться его реакции. Вторым же пришло небывалое вдохновение, оно будоражило сердце, заставляя кровь закипать, а желание всё реализовать kloкотать в груди приливом эмоций.

Да, с Малфоем не будет просто. С ним никогда не было легко, говоря откровенно. Но он сделал шаг навстречу, и это убеждало, что она не останется с этим одна.

Разумеется, в школе много достойных кандидатур, которым Гермиона была бы рада. Но Малфой — это другое, с ним подобное задание звучало по-особенному. Хотя бы потому, что они никогда не были друзьями. И именно они, показав, что способны ладить, смогут подтолкнуть к этому же детей.

В этом Гермиона уже успела себя убедить.

Она считала, что им просто не доставало практики, способности быть терпимее к поступкам друг друга. Но она верила, что накалённая до предела ситуация заставит их, хотя бы в присутствии студентов, ладить. Пусть она и Малфой переругаются после, главное — создать иллюзию для детей.

И Гермиона не знала актёра лучше, чем Малфой. Делать вид, когда ты считаешь совсем иначе, было одним из множества его талантов. И теперь это должно сыграть в её пользу, а не наоборот, как было раньше.

— У нас чаепитие или собрание? — скептически произнёс Малфой.

Гермиона оглянулась на него и недовольно прищурилась.

— Еда стимулирует к налаживанию контактов, — сказала она и скрестила

руки на груди.

— Так вот почему Уизли со мной так неприветлив, — ухмыльнулся Малфой и прошёл вперёд, усаживаясь на один из стульев. — Я его не покормил в нужный момент.

Гермиона закатила глаза, а после ещё раз оглядела стол. Несколько корзинок с конфетами, печеньем, сладостями из Хогсмида и яблоками в карамели занимали внушительную часть. На пару мгновений Гермионе показалось, что она перенеслась в детство, когда родители устраивали подобные праздники в честь её дня рождения.

Тогда всё проходило мирно, спокойно, умиротворённо, и Гермиона надеялась, что сегодня всё будет так же.

Посадить заклятых врагов за один стол через пару дней после публичной дуэли? По шкале от одного до десяти, идея была отвратительной на все одиннадцать. Но за неимением альтернативы, а точнее, времени на её формирование, приходилось довольствоваться существующим предложением.

— Давай договоримся... — начала Гермиона, глядя на Малфоя.

— Попробуй, — ответил он, ухмыльнувшись и посмотрев в её глаза.

Прилив тепла прошёлся по телу и на несколько секунд окутал сознание, отчего она едва заметно вздрогнула. Поняв, что Малфой это заметил и стал внимательно её разглядывать, Гермиона вздёрнула подбородок.

— Если я или мои решения тебя не устраивают — ты говоришь мне об этом после или до, — сказала она, руками опираясь на крышку стола. — Но не при детях, для них мы с тобой должны...

— Быть идеальным примером дружбы чистокровного, изменившего взгляды, и маглорождённой, — кивнул он, сняв фразу с её языка.

— Да, — смутилась Гермиона.

Карточки с подсказками, которые она до этого держала в руке, Гермиона выкинула в урну позади себя, чтобы Малфой их не увидел. Но его взгляд почти в ту же секунду, когда она о них подумала, метнулся к картонкам.

— Расслабься, Грейнджер, — выдохнул он. — Понимаю, тебе непривычно работать с умными людьми...

Очередная фраза уже должна была превратиться в будущую склоку, когда дверь открылась и один из студентов прошёл внутрь.

— Профессор Малфой, профессор Грейнджер, — кивнул Майлз, усаживаясь на стул. — К месту назначения прибыл.

Насмешка на его лице едва ли не читалась, отчего Гермиона ощутила важным объяснить причину его нахождения здесь. Майлз не являлся трудным студентом, от него в принципе никогда не было проблем. Но, скорее всего, с подачи Пэнси, в компетентности которой он усомнился в конце прошлого года,

Майлз оказался здесь.

Гермионе не сильно нравились его суждения, как и «наказание». Принимай решение она, он бы здесь не появился. Но она не была его деканом или директором школы, чтобы оспаривать указания. Для Майлза Гермиона оставалась исключительно одним из профессоров, чьё мнение учитывалось, но не было столь весомо.

— Майлз... — медленно начала Гермиона, присаживаясь рядом с ним.

— Нет-нет, — тут же покачал головой он. — Давайте без прелюдий, пожалуйста.

Майлз осмотрел двух профессоров.

— Я прекрасно понимаю, почему здесь оказался, — сказал Майлз. — Отбуду своё и пойду на волю, этого достаточно.

Гермиона виновато посмотрела на него в ту секунду, когда дверь вновь открылась и внутрь вошли Курт и Оливия, попутно обсуждающие домашнее задание. Они мирно огляделись, а после разместились рядом с Майлзом, удивлённо косясь на него, но не задавая вопросов.

Общее молчание начинало слегка нервировать, и Гермиона посчитала уместным разлить напитки, но последние студенты её отвлекли. Розье зашёл в класс прогулочным шагом, свысока оглядывая всех, за исключением Малфоя. И сел подальше от гриффиндорцев, стараясь оказаться ровно на противоположной от них стороне.

Следом за ним пришла Сабрина. В отличие ото всех, она двигалась по кабинету легко и непринуждённо, а на её лице играла улыбка. Словно явилась не на занятия для трудных подростков, а в книжный клуб, где обсуждали её любимое произведение. Села Сабрина практически рядом с Малфоем, предварительно поздоровавшись и похвалив его рубашку.

Как только все расположились на местах, Малфой замер около Гермионы, рассматривая учеников. Они все сидели мирно, *на первый взгляд*, но их лица и глаза выдавали суть. В частности негатив и напряжение, витавшие между Куртом с Оливией и Эриком Розье. Было заметно, они едва сдерживались, чтобы не полетели проклятия.

— Ребята, в первую очередь я хочу сказать, что мы здесь собрались по очень важному вопросу...

— И максимально безнадежному, — протянул Розье.

Гермиона ощутила лёгкую дрожь, которая пробежала по спине, но продолжила, стараясь оставаться деликатной:

— Та ситуация, которая сложилась в школе, не является нормальной, — проговорила Гермиона. — У нас нет цели изменить ваше мировоззрение, мнение и принципы, но мы хотим показать...

— Что они тоже чего-то стоят? — хмыкнул Эрик. — Профессор, я понимаю, вы

там...

— Розье, — строгий голос Малфоя громом раздался над Гермионой.

Подняв на него голову, она увидела ужасно бодрящий холод, едва не лившийся из его глаз. Настолько твёрдо он смотрел на Розье, плавившегося от стыда на месте. На секунду Гермионе стало жалко Эрика, но именно этот жест заставил его замолчать.

Натянув на лицо маску спокойствия, Гермиона вновь вернулась к ребятам.

— Мы хотим показать, что очень важно понимать друг друга и корень конфликта, прежде чем в него вступать, — рассудительно проговорила Гермиона.

Сделав шаг вперёд, она оказалась у стола, таким образом по правую её руку были гриффиндорцы, по левую — слизеринцы, а напротив сидел Майлз. Его ситуация ни капли не волновала, он лишь скучающе оглядывал присутствующих и вслушивался в слова Гермионы.

— Сегодня начнём с очень простого упражнения, — выдохнув, сказала Гермиона. — Вы по очереди будете высказываться, что вам не нравится. Так мы с вами обозначим причину происходящего, которую будем решать...

Смешок послышался со стороны Розье, на что Малфой косо на него взглянул, а после посмотрел на Оливию.

— Гриффиндор начинает.

Что Курт, что Оливия сначала растерялись, совершенно не понимая, что можно, а что нельзя говорить сейчас. Но спустя несколько секунд тишины и немых взглядов Оливия всё-таки ответила:

— Нас не устраивают притеснения из-за рождения, — сказала она. — Я считаю, что волшебника должны судить исключительно за его знания и навыки, а не по чистоте крови.

— А меня не устраивает, что вы пришли в наш мир и ведёте себя так, будто правда являетесь его частью, — развёл руками Розье.

— Эрик, но магия не принадлежит только... — попыталась вмешаться Гермиона.

— Чистокровные семьи годами выстраивали этот мир, — громче добавил он. — Когда такие же, как вы, маглы, — последнее он едва не выплюнул, — заставили нас уйти в подполье и скрывать, что мы превосходим вас...

Розье и сам не заметил, как встал и опёрся руками на крышку стола, целенаправленно крича на опешившую Оливию.

— А аргументы с неистёкшим сроком годности имеются? — ввязался Курт. — Потому что, как мне кажется, сотни убитых маглорождённых с того времени — хорошая плата за подрыв чистокровного эго.

— Но даже после этого вы продолжаете сюда возвращаться, — истерично ухмыльнулся Розье. — Когда вы уже поймёте — этот мир не ваш, он наш...

И в этот момент в разговор уже вмешался Малфой, который резким ударом о стол заставил всех замереть и замолчать в ту же секунду. Но последняя фраза, брошенная Розье, всё-таки дошла до всех присутствующих.

— Возвращайтесь в свой мир и не высовывайтесь. Или на одну Морган в этой школе станет меньше.

Смысл сказанного успел дойти до Гермионы в тот момент, когда Курт бросил в Розье проклятие, крикнув:

— Остолбеней.

Но заклинание сразу было отражено Малфоем. В кабинете повисла тишина, несколько секунд никто не мог проронить и слова, лишь смотреть друг на друга и пытаться осознать происходящее.

Первым в себя пришёл Курт, который развернулся и двинулся из кабинета прочь.

Гермиона замерла, не в состоянии понять, а уж тем более сдержаться, чтобы не сказать Розье всё, что сейчас крутилось в её голове. Заметив это, Малфой, осознающий всю степень ужаса в душе Гермионы, тут же осмотрел студентов.

— Все свободны, — скомандовал он. — Завтра встречаемся здесь же.

Оливия взяла вещи и поспешила уйти, следом за ней последовал Майлз. Сабрина ещё пыталась заговорить с Малфоем, но всё-таки покинула кабинет. Сам же Малфой поднял взгляд на Розье. Гермиона не видела его, но, судя по лицу самого Эрика, была уверена, что тот вселял ужас.

— С тобой я поговорю позже, — сказал Малфой. — Иди и постарайся молчать ближайший час.

Как только дверь закрылась, Гермиона, чьи колени и без того подрагивали, наконец опустилась на стул, смотря в одну точку и прогоняя в голове слова Розье. Она не могла поверить, что до сих пор в школе оставались те, кто способен желать смерти из-за чистоты крови. Да, они бились на дуэлях, да, издевались друг над другом, но убийство... Это то, что для неё оставалось на поле битвы, *на войне*. И она не хотела верить, что это могло вернуться.

Весь замысел, вся суть идеи об изменении взглядов, понимании, дружбе факультетов — всё это прямо сейчас разлеталось на осколки, не в состоянии собраться воедино. Не после услышанного только что и сделанного несколько минут назад. Впрочем, действия Курта она оправдывала, сама не знала, чтобы сделала бы, услышав подобное о своей младшей сестре. Но Розье...

Можно было понять ненависть Малфоя к ней или Эрика к Курту и Оливии. Они — те гриффиндорцы, которые готовы кричать, сражаться и драться за себя. Но Венди — другое, она маленькая девочка, которая всё ещё не понимала этого мира.

Она старалась не скатываться в агрессию, а просто жить.

Гермионе хотелось, чтобы неспособные бороться люди находились за пределами войн, зла и ненависти. В этом мире было слишком много плохого, чтобы уничтожать последнее хорошее, что в нём оставалось. Но именно так и случилось.

Волшебники, которых можно назвать светом, чаще всего избирали два пути: они либо оставались такими и жили в несчастье, не в состоянии понять окружающее их пространство, либо становились самым извращённым злом.

Иронично, но факт — самые страшные ужасы растут на месте вырванного с корнем благополучия. Только познав предел счастья, человек способен сделать всё, чтобы больше никто и никогда до него не добрался.

Гермиона не хотела этого ни для кого, но едва ли не на её глазах детей — маглорождённых гриффиндорцев, как она сама, — ставили в те условия, где всё хорошее в них медленно погибало.

— Грейнджер... — начал Малфой.

— Попытаешься оправдать? — горько спросила она, смотря в его глаза.

Там было осознание, понимание происходящего, и Гермионе хотелось, чтобы Драко на него опирался. Именно на то, что чувствует и во что верит, а не на то, чему его учили всю жизнь.

— Попрошу понять, — выдохнул он. — Твои слова, что каждый нуждается в этом...

— Хочется забрать их обратно, — поджав губы, сказала она, чувствуя, как глаза покалывает. — Он угрожал убить Венди, Малфой...

— Или у него вырвалось самое жестокое, что он может себе представить, — пояснил Малфой. — Ни то, ни другое не несёт в себе хорошего, но...

— Ты видел эту девочку? — спросила Гермиона.

Она чувствовала, как слёзы вот-вот покатятся по щекам и голос дрогнет, но сдерживалась, пытаясь не выпускать на волю клокочущие эмоции.

Малфой кивнул.

— Венди тихая, молчаливая. Даже когда её унижают и смеются, она просто уходит, — развела руками Гермиона, поднимаясь. — И он пожелал смерти ей. Человеку, который априори не мог задеть ни его самого, ни его поганое эго.

Она говорила громко, чётко, срывающимся на крик голосом и чувствовала, как одинокая слеза катится по щеке. Малфой, стоящий напротив неё, подавленно обвёл Гермиону взглядом.

— Забываешь, что через свою отстранённость она показывает страх. А нас, — его кадык дёрнулся, — учили показывать страх через злость. Убей, пока не убили тебя.

Его рука сама потянулась к лицу Гермионы. Медленно, спокойно, словно он боялся её спугнуть. На что Гермиона, в сердце которой загоралась злость к оправданию подобного, перехватила его запястье. Крепко, почти до боли сжимая.

— Если ты считаешь это правильным, Малфой, — сквозь зубы сказала Гермиона, — то говорить нам с тобой не о чем.

Казалось, она даже увидела, как подавленность в его глазах покрылась льдом, а эмоции словно стёрлись с лица. Если до этой секунды Малфой пытался идти ей на уступки, то сейчас передумал.

— А может, поговорим? — злостно спросил он. — Например, о том, почему твоего милосердия и понимания достойны лишь те, в ком ты видишь хорошее, Грейнджер?

Голос становился грубее с каждой секундой.

— Когда твои студенты вызывают на смертельные дуэли — это забитые дети, которых спровоцировали, да? — Гермиона слышала своё сердце. — А когда мои студенты совершают неверный шаг, они безоговорочное зло.

— Я этого не говорила! — возмутилась она.

— Ты показываешь это всем своим видом, — громче сказал Малфой. — И я буду обсуждать это с Поттером. Потому что не может такая взбалмошная, предвзятая и не контролирующая себя и своих студентов ведьма заниматься с трудными детьми.

Последнее оскорбление комом застряло в горле, а ненависть огнём вспыхнула в сердце. Отчего Гермиона замахнулась, чтобы дать Малфою пощёчину, но её запястье тут же было перехвачено.

Так они и замерли. Она держала его руку, которой он пытался её успокоить, а он её, которой она хотела его ударить. Они оба смотрели друг другу в глаза, где пылала ненависть.

Осенний ветер заставил Курта поёжиться и закутаться в мантию сильнее, чтобы согреться. Лишь после он сделал очередную затяжку и обвёл взглядом пустующие окрестности школы. Ночь давно опустилась на Хогвартс, и сейчас по коридорам бродили разве что припозднившиеся учителя.

Поэтому он был уверен, что пойман не будет, жалел лишь о том, что не смог попрощаться с Оливией. Она не была виновата в причинах его ухода, но без него ей будет одиноко, однако Курт надеялся, что она его поймёт, а в идеале — примет такое же решение.

— Ты уверен, что так будет лучше? — осторожно спросила Венди, смотря на него.

Курт сделал последнюю затяжку, а после выбросил сигарету. Он присел перед младшей сестрой и аккуратно завязал на её шее шарф.

— Да, уверен. Вернёмся домой и больше никогда сюда не придём, — улыбнувшись, сказал Курт.

Венди шмыгнула носом, но кивнула, смотря на стены школы.

— Я буду скучать по профессору Грейнджер и профессору Нотту, — пробормотала она. — Они всегда добрые, а профессор Нотт ещё и весёлый.

Курт усмехнулся.

— К сожалению, не все такие, как они, — он покачал головой, а после взял её за руку и потянул по направлению к Хогсмиду. — Пойдём?

— Да, — тяжело вздохнув, сказала Венди.

Они быстрыми шагами двинулись в сторону деревушки. Курт ещё не знал, как они доберутся до ближайшей магловской станции, но надеялся, что быстро найдёт дорогу.

Следующее утро в школе проходило суматошно. Пятница, последний день занятий, поэтому все студенты пытались закончить с заданиями до вечера, чтобы выходные посвятить исключительно встречам и небольшому отдыху перед тяжелой неделей.

Но в одном из классов, где в этот момент были Гермиона с Драко, стояла гробовая тишина, и лишь прерывистое дыхание взволнованной Оливии её прерывало.

— Что значит «сбежали»? — осторожно спросила Гермиона.

— Курт злился после вчерашнего. Вечером сказал, что им с Венди нужно поговорить и они пойдут прогуляться перед отбоем, — сказала Оливия, — но так и не вернулись.

Гермиона и Драко переглянулись, а после схватили со стола палочки и тут же вышли из кабинета, двигаясь по направлению к выходу из школы. Оливия, которой было сказано предупредить Нотта, Забини и Уизли о произошедшем, шла за ними настолько же быстро.

— Я могу помочь, — говорила она.

— Всё, что ты можешь сделать, это выполнить наше указание, — буркнул Драко.

Получив за это злобный взгляд Гермионы, он отвёл глаза и тут же увидел у самого входа в школу Гарри, говорившего с Линдой.

— А вот и наши преподаватели, — сообщил Гарри, как только Драко и

Гермиона оказались рядом с ними. — Они с радостью расскажут, как обстоят дела по работе с детьми.

Линда хмыкнула, а после склонила голову набок, в ожидании смотря на профессоров. Те же молчали, не понимая, как объяснить свой уход сейчас и пропажу студента. Любое из двух могло дать Линде лишний аргумент в пользу закрытия Хогвартса, но и достоверную ложь придумать было...

— Прекрасно, — тут же ворвалась в разговор Оливия. — Мы как раз идём за остальными ребятами, чтобы отправиться в поход в сторону холмов в эти выходные.

И пути назад теперь не было...

Примечание к части

Нет, ну, проблемы только начинаются, дамы и господа...

Что думаете о сцене Драко и Гермионы в кабинете после произошедшего? Как треснуло хвалёное перемирие...

Жду ваши впечатления здесь и обсуждение на моём канале

<https://t.me/friendmalfoy>

Глава 6 «Слизеринские договорённости»

Несмотря на недавно закончившееся лето, ранним утром в Хогсмиде было ещё прохладно. Отчего Венди всё быстрее неслась вперёд, не зная даже точной дороги, но намереваясь согреться от резких движений. Курт, едва поспевавший за ней, внимательно обводил взглядом округу, надеясь найти хотя бы намёк на портключи в Лондон.

В подобные моменты он ругал себя за импульсивность. Если бы рядом была Оливия, она бы уже раз пятнадцать сказала ему, что сбегать из школы — абсурд. Двенадцать, что брать с собой ребёнка безответственно. Десять, что отсутствие представления, как добраться домой, должно было остановить его ещё в Хогвартсе.

С ней было бы не скучно и стыдно, но она бы точно нашла выход из этой ситуации. Но Оливии здесь не было, а попытка связаться с ней могла обернуться возвращением в школу. И даже если последнее можно было бы рассмотреть, потому что холод и угнетённый взгляд сестры уничтожили всю его уверенность ещё пару часов назад, то количество отработок, нравоучений, а что ещё хуже — слов однокурсников, он бы не выдержал.

Поэтому пути назад не было, только вперёд, насколько бы тяжело это в итоге ни оказалось.

Однако Курт понимал, что им нужно согреться и хотя бы примерно понять, как добраться до Лондона. А единственный, кто здесь не пытался его обмануть и кому можно было доверять, это хозяин местного бара. Он назывался «Один веник» и являлся прямым конкурентом ностальгических «Трёх мётел». Но в последнем часто можно было встретить профессоров, а в «Одном венике» всё чаще собирались студенты.

— Сейчас налево, Венди, — крикнул он, когда они зашли в Хогсмид.

Оглянувшись, она кивнула ему и двинулась дальше. Волшебников настолько рано было ещё не так много, поэтому Курту удалось без лишних вопросов добраться до «Одного веника». Там находилось всего несколько сотрудников, которые опускали стулья и протирали бокалы. Поэтому Курт, взяв Венди за руку, медленно прошёл к одному из угловых столиков и быстро усадил сестру.

Венди, снимающая мантию и развязывающая шарф, с улыбкой рассматривала заведение, поражаясь всё новым и новым «чудесам». Она ещё никогда не посещала Хогсмид и тем более не заходила в подобные места. Ей приходилось лишь слушать рассказы Курта, не отличающиеся особой красочностью или многообразием слов. А теперь, когда всё это было перед ней, глаз оторвать Венди не могла.

— Друг мой, — удивлённый голос послышался от бара.

Полноватый седой мужчина в жёлтом брючном костюме, с алой бабочкой на шее и карманными часами наперевес улыбнулся. Курт быстрыми шагами подошёл к нему и приветливо кивнул, пожимая протянутую ладонь.

— Гораций, как ваши дела? — спросил Курт, локтём опираясь на стойку.

— Прибыльно, дорогой, — ответил Гораций и обвёл пальцем помещение. — Процветаем назло всем конкурентам.

— У вас всего один конкурент, — усмехнулся Курт и сделал заказ.

— «Трём мётлам» стоило взять меня управляющим, пока я предлагал, — отметил Гораций.

Бармен быстро подал напитки, и Курт похлопал по мантии в поисках денег, когда Гораций улыбнулся и махнул рукой.

— За счёт заведения в честь нового гостя, — склонил голову набок Гораций, указав на Венди. — Не знал, что мисс Грейнджер стала отпускать таких юных леди.

Курт нервно улыбнулся, пытаясь сделать вид, будто всё в порядке. А после взял напитки и кивнул Горацию в сторону столика, и тот с радостью прошёл за ним. Как только они приблизились, Гораций добродушно улыбнулся и склонил голову набок, выуживая из кармана шоколадную лягушку и отдавая её Венди.

— Для нашей юной гостьи, — сказал он и присел рядом.

— Гораций, на самом деле я пришёл к вам по очень важному делу, — шепнул Курт.

Он пододвинул какао сестре, а сам сделал жадный глоток сливочного пива, прежде чем продолжить.

— У нас важное и тайное поручение от директора, — выдохнул Курт, пригнувшись. — И он сказал, что вы можете помочь.

Вдруг послышался звон колокольчика, и в бар вошло ещё несколько людей. Курт резко замолчал, пока не убедился, что все они расселись за столы подальше от них. Посмотрев на заинтересованного Горация, Курт сглотнул ком, который подступил к горлу, а после продолжил:

— Нам нужен способ добраться до Лондона, — шепнул Курт. — Без Хогвартс-Экспресса.

Гораций удивился, выпрямился и свёл брови к переносице, внимательно осматривая детей с ног до головы. Подозрение в его взгляде звучало едва ли не криком, отчего Курт уже было приготовился уходить. Но Гораций в мгновение расплылся в добродушной улыбке и кивнул, вставая из-за стола.

— Конечно. У меня есть друг, здесь, в Хогсмиде, он сможет организовать портключ, сейчас отправлю ему сову, — сказал Гораций и поспешил скорее в сторону своего кабинета.

Как только он ушёл, Курт внимательно посмотрел на Венди, а после вновь на дверь закрывшегося помещения. Ощущение, будто Гораций не собирался ему помогать, было настолько сильное, что звучало в голове криком «*уходи*».

Насколько была правдива легенда? Что может предпринять бывший

профессор Хогвартса? Чем это будет чревато? Ответа Курт не знал, поэтому скорее встал и тихо подошёл к закрытой двери.

Оказавшись почти вплотную, он приложил ухо к дереву и попытался вслушаться в то, что происходит. И «чувство» вновь его не подвело, потому что на полу показалось ярко-голубое свечение. Голос Горация прозвучал, и Курт отчётливо разобрал в нём адресата послания. Это был не старый друг, известный волшебник или член Министерства. А не кто иная, как Гермiona Грейнджер — профессор, который примчится сюда слишком быстро, когда всё узнает.

Услышав шаги Горация, Курт ринулся обратно и сел рядом с Венди, наказав ей улыбаться и молчать, что он отходил. Она подозрительно посмотрела на него, но в ответ кивнула и сделала ещё один глоток тёплого какао.

— Где-то через час всё будет, дорогой, — сказал подошедший Гораций. — Если что-то понадобится — зовите, я буду у себя.

С этими словами Гораций ушёл, а Курт сразу засуетился, начав быстро собирать сестру. Вдруг он услышал, как за спиной скрипнула половица, и тут же оглянулся. Перед ним стоял волшебник, рост у того был небольшой, по лысой голове отражались парящие свечи, а множество украшений свидетельствовали о статности.

— Говорят, проход к Лондону ищешь, — улыбнулся неизвестный. — И вижу, помощь Слизнорта не особо тебе годится...

Курт бросил короткий взгляд на дверь кабинета, а после вновь на волшебника.

— Вы можете достать портключ? — спросил Курт.

— Я могу провести тебя до места, где он не понадобится, — улыбнулся незнакомец. — Но оплата вперёд.

С этими словами волшебник протянул вперёд ладонь и склонил голову набок. Курт осмотрелся вокруг, обеспокоенно взглянул на Венди, а после вновь в глаза мужчины.

— Без утечки информации, комиссий и процентов за милую, — добавил тот.

Курт достал из кармана все галлеоны, которые у него были, и всучил в руки проводнику. Тот в ответ довольно улыбнулся и сразу кивнул в сторону выхода. Накинув на сестру мантию и шарф, Курт тут же вышел из заведения и поспешил вперёд.

— Как вас зовут хоть? — спросил он, ускоряя шаг.

— Наземникус Флетчер, — бросил тот и рукой указал в сторону Запретного леса. — Давай быстрее, я знаю короткую дорогу. К вечеру будете в Лондоне.

Курт довольно улыбнулся и потянул сестру за собой, пока та подозрительно посматривала на их нового знакомого и с надеждой озиралась на пропадающий из виду Хогвартс...

Сегодня Драко планировал провести свои занятия, пропустить собрание с Грейнджер по причине «плохого самочувствия», а вечером с Тео и Блейзом обсудить последние квиддичные матчи. Но оказался на полпути в Хогсмид с командой из Грейнджер и четырёх подростков. И его задачей было не отвлечься от Грейнджер и происходящего, а найти двух студентов Гриффиндора.

А самое главное — всё это было нужно удержать в тайне, потому что по общей легенде все они находились в некоем «походе». Значение которого Драко так и не успел понять, но усвоил, что тяжёлый рюкзак, который нельзя левитировать, его неотъемлемая часть.

Драко предполагал, что вчерашние события, неудавшийся план Грейнджер и их с ней последующая ссора обязательно оставят свой отпечаток. Но не подозревал, что это произойдёт сегодня и именно таким раскладом. Единственное, что его успокаивало, — вовремя спохватившийся Слизнорт, который не верил в легенды гриффиндорцев уже добрых восемь лет.

Это упрощало поиски и оставляло в живых надежду, что скоро проблемы закончатся.

— Гораций сказал, что задержит их, но всё равно нужно поспешить, — выдохнула Грейнджер, нагоняя его.

Оглянувшись на едва плетущихся студентов, одного из которых ситуация так же не устраивала, Драко усмехнулся.

— Если бы не твои сборы, мы бы вышли раньше, — отметил Драко.

— Уж прости, что пытаюсь соответствовать нашей легенде при Бронте, — недовольно фыркнула она, скрестив руки на груди.

— Которой бы тоже не было, если бы не твои студенты, — добавил Драко.

Грейнджер показательно закатила глаза и крепко сжала зубы, отчего все мышцы её лица напряглись.

— Тебе нравится упрекать меня? — недовольно шепнула Грейнджер.

— Просто пользуюсь доступными благами, — ухмыльнулся Малфой, заведя впереди Хогсмид.

Грейнджер, не желавшая его слушать, ускорила шаг и двинулась вперёд, продолжая тихо ругаться. И, судя по её рукам и походке, Драко был уверен, что говорила она далеко не лучшие вещи.

Его это радовало. Да, нехорошо веселиться, если другой человек злится, но это было лучше её изничтоженного взгляда, как вчера. Поэтому он довольствовался её текущим состоянием. Тем более порой Грейнджер очень смешно раздражалась. В такие моменты её эмоции становились настолько искренними, живыми и настоящими, что он был готов смотреть на них вечно.

Она не пыталась быть преподавателем для коллег, честным гриффиндорцем или держать марку, а просто была собой...

Это было ценно.

Вдруг Драко ощутил, что его запястья коснулись холодные пальцы, и тут же опустил голову, видя взволнованную Сабрину.

— Профессор, мне так страшно. Можно взять вас за руку? — попросила она и крепко обхватила его ладонь.

Драко удивлённо посмотрел на неё, впервые замечая, чтобы Сабрина чего-либо боялась. Обычно в моменты, которые действительно казались пугающими, она первой шла вперёд.

Аккуратно выудив ладонь из её руки, Драко по-доброму улыбнулся.

— Ничего ужаснее обедающего профессора Уизли мы там не встретим, не переживай, — бросил он и замедлил шаг.

Дождавшись, пока все студенты пройдут вперёд, он двинулся вслед за ними, убеждаясь, что никто не отстаёт. Хотя, по мнению самого Драко, опасаться нужно было совершенно другого, потому что с их выхода из Хогвартса ещё никто не поругался.

А что он успел усвоить — в такой разношёрстной компании ссора была вопросом времени, причём не сильно длительного.

— Брэдли, почему я не удивлён, что по твоей милости мы здесь оказались? — недовольно протянул Розье.

— Просто понимаешь, что тебе извилин для подобной затеи не хватит, — пожал плечами та и улыбнулась.

— Или я обладаю чувством самосохранения, — съязвил он, скривившись.

— Как трусость ни назови, смысл не поменяется, — хмыкнула Брэдли и скорее нагнала Грейнджер.

Розье тихо выругался, на что получил насмешливый взгляд Сабрины. От этого он закатил глаза и посмотрел вперёд, вероятно надеясь скорее добраться до Хогсмита. Про себя Драко усмехнулся, ненадолго задумываясь, похожи ли их с Грейнджер перепалки на нечто подобное. От такой мысли он быстро качнул головой, уверяя себя, что это не так.

Хотя бы потому, что замечания у него были остроумнее, чем у Розье, а Грейнджер отвечала резче, чем Брэдли. Возможно, это взялось из-за её статуса или годами выкованного высокомерия, но Грейнджер в принципе не заботило практически ничьё мнение в тех вопросах, которые её волновали. А в тех, которые можно было назвать её слабым местом, Грейнджер предпочитала отмалчиваться или переводить тему.

Брэдли же этого не доставало, она пыталась казаться лучшей и знающей во всём, отчего часто получала замечания и от самого Драко.

Они дошли до Хогсмида быстро, но, когда появились на пороге «Одного венника», не увидели Морганов или даже Слизнорта. Лишь несколько постоянных гостей, чья любовь к алкоголю не была тайной ещё во времена, когда Драко учился. И как люди, ведя подобный образ жизни, ещё оставались в здравии и спокойствии? В принципе, Блейза коллекция огневиски тоже только красила, по крайней мере, пока что.

— Сядьте за тот стол, — Грейнджер кивнула в угол бара.

Студенты между собой переглянулись, но после неохотно поплелись в указанную сторону. Они быстро расселись по местам и начали осматривать заведение, которое видели по меньшей мере сотню раз. На секунду Драко подумал: а могли ли они подружиться из-за вынужденного общения? Но эта мысль быстро растворилась после первого удара от Брэдли в сторону Розье.

Должно случиться мерлиново чудо, чтобы они хотя бы несколько минут, находясь рядом, не пытались друг друга убить.

Убедившись, что дети отошли, Грейнджер стремительно направилась в сторону бара, откуда уже вышел довольный Слизнорт. Увидев её, он раскрыл свои объятия и крепко обнял, отчего Драко громко фыркнул, скрестив руки на груди.

— А вот и профессор Малфой, — усмехаясь от обращения, сказал Слизнорт. — Всё ещё проникаете на чужие мероприятия, друг мой?

— Всё ещё предпочитаете хорошую медовуху великим возможностям, Гораций? — улыбнувшись, спросил Драко.

Они со Слизнортом несколько секунд внимательно смотрели друг на друга, а после оба расплылись в улыбках и пожали руки.

— Однажды мой вопрос таки застанет вас врасплох, молодой человек, — сказал Слизнорт, едва задевая Драко тростью.

Грейнджер тихо засмеялась, переводя взгляд на Драко, а после вновь натянула серьёзное выражение лица и строго посмотрела на Слизнорта.

— Ребята у вас в кабинете? — спросила она.

И в эту секунду глаза Слизнорта метнулись к одному из столов, а через несколько мгновений он побледнел на пару оттенков и растерянно уставился на Грейнджер. Словив её тяжёлый вздох, Слизнорт тут же повернулся к бару и обратился к юноше за стойкой.

— Барни, а где дети? — развёл он руками.

Причём фраза эта была сказана настолько возмущённо, будто это Барни должен следить, чтобы они никуда не делись.

— Так ушли уже, — пожал плечами Барни. — К ним Наземникус подошёл, они о чём-то договорились там, и всё...

Глаза Грейнджер в эту же секунду едва не вспыхнули пламенем, и она обвела взглядом бар. Казалось, что злость, которая из неё исходила, была осязаема, в таком состоянии Драко видел её нечасто. Но, что более важно, сейчас всецело разделял, потому что веры Флетчеру не было, и что он мог сделать с наивными гриффиндорцами, знал лишь Мерлин.

— А вот и он, кстати, вернулся минут пять назад, — сказал Барни и указал за один из столов у стены.

Драко быстрыми шагами приблизился к Флетчеру, отчего тот сразу же подскочил, собираясь уйти. Но тяжёлая рука Драко, опустившая его вниз за плечо, помешала.

Флетчер с долей страха посмотрел на Драко, а после перевёл взгляд на стоявшую рядом Грейнджер. На удивление, она молчала и, кажется, не планировала что-либо предпринимать. Хотя её глаза говорили об обратном — огонь, горевший там, не потушило бы даже Чёрное озеро.

— Флетчер, — протянул Драко, мило улыбаясь, — у нас к тебе важный разговор.

— Спрашивай сколько угодно, Малфой, — нервно рассмеялся Флетчер. — Только ответы на твои вопросы должны звенеть галлеонами...

И в этот момент терпение Грейнджер рухнуло. В считанные секунды она схватила Флетчера за воротник рубашки, толкнула к стене, уперев колени в его живот и прижав палочку к горлу.

— Не паясничай, — твёрдо сказала она.

Холод и сталь, звучащие в голосе Грейнджер, заставили дрожь пробежать даже по спине Драко, который не был причастен к произошедшему. Настолько она была серьёзна, зла и решительна, такая Грейнджер нравилась ещё больше. Даже нет, она не нравилась, а вызывала уважение и немое восхищение.

— Либо ты сейчас же говоришь, где дети, — сквозь зубы произнесла Грейнджер, — либо тебе Азкабан курортом покажется.

На последней фразе конец её палочки глубже впился в его шею. Флетчер тут же выставил руки перед собой и отрицательно покачал головой.

— Дети? Да, были такие. Двое, парень и девчонка, оба с Гриффиндора, маглорождённые, любят магловские шутки, — протараторил он.

— Где они? — спросила Грейнджер, слегка ослабив хватку.

— Так это, — выдохнул он и тут же зашипел от колена, которое слабым ударом коснулось живота, — в Запретном лесу, я им короткую дорогу до Лондона показывал.

Грейнджер резко убрала от него руки и удивлённо посмотрела, поражаясь только что сказанному.

— Какая в Запретном лесу короткая дорога? — недовольно зашипела она.

Флетчер откашлялся и тут же заполз обратно за стол, стараясь пододвинуться ближе к Драко и подальше от Грейнджер.

— Так это, недавно портключ там потеряли. Нового вида. Прикоснутся и окажутся в Лондоне, — оправдался он, едва ли не прижимаясь к Драко.

— Не слышал, — пожал плечами Драко. — Когда это было?

— Ну так это, — пожал плечами Флетчер, — Месяца два назад. Могу карту нарисовать...

От сказанного Грейнджер уже была готова перегнуться через стол и вцепиться в Флетчера. Но рука Драко, которая показалась перед носом Флетчера, её остановила, и Грейнджер сделала шаг назад, мрачно смотря на них.

— Не нарисуешь, — покачал головой Драко. — А покажешь нам точно, где ты их бросил...

— Да у меня много дел...

— Либо так, либо методы Грейнджер, — пожал плечами Драко, отодвигаясь, чтобы дать ей пройти.

— Я согласен, — тут же выпалил Флетчер.

На лице Грейнджер появилась улыбка, и она тут же взглянула на довольного Драко. И этот немой диалог ни капли не понравился Флетчеру, который явно не планировал сегодня выбираться в Запретный лес. *Снова.*

Как только профессор Грейнджер и профессор Малфой скрылись за дверью «Одного веника», Сабрина тут же перевела взгляд на дедушку, который до этого с ними разговаривал. Тот же, с радостной улыбкой стуча тростью и готовясь рассказать очередную шутку из её детства, уже шёл к их столу.

И как бы она ни любила его, Сабрине ни капли не нравилась перспектива просидеть здесь весь день в ожидании профессоров. Ещё с детства она привыкла, что время нужно проводить с пользой, а именно — в пути к собственным целям. А раз её пока ещё самым ярким желанием было завоевать профессора Малфоя и заставить его увидеть в ней девушку, терять нельзя ни одну возможность.

— Слышал, за этим столом собрались самые неугомонные студенты Хогвартса, — сказал подошедший Гораций и мило улыбнулся. — Можно присесть?

Розье осмотрел Горация и усмехнулся, за что сразу получил толчок в плечо от сидящей рядом Сабрины. Поёжившись и косо взглянув на неё, Розье мило улыбнулся и повернул голову к Горацию, делая вид, будто ему действительно любопытно разговаривать.

— Как ваши дела, Гораций? — спросил Розье. — Способ пронести огневиски в школу уже продумали?

— Разумеется, дорогой друг, — улыбнулся Гораций. — Расскажу сразу же, как закончишь её. *Если закончишь.*

Произнеся последнюю фразу, Гораций подмигнул Сабрине. Розье обвёл их обоих взглядом и тяжело выдохнул. Вытянув шею, он начал внимательно осматривать зал, заметив брата Каспера, улыбнулся и поспешил выйти к нему.

Иногда Сабрине казалось, что Розье не хватает самого себя. Уж слишком часто он брал пример или искал расположение других чистокровных. Будто бы пытался создать идеального волшебника, с полезными, а главное, правильными чертами характера. Поэтому зачастую она видела его с самыми почитаемыми и уважаемыми.

Казалось, тогда он должен понять гораздо больше простых истин, которые ему пророчил Малфой и прочее общество, но нет.

В понимании Сабрины, Розье был либо слишком глуп, чтобы принять новые правила. Либо считал, что для красочности предложений слова «грязнокровка» и «превосходство» должны звучать вместе.

Впрочем, ни одно, ни другое не было поводом для гордости или уважения, но что Сабрина знала и помнила хорошо — у неё с Розье схожие рычаги воздействия. Они оба хотят впечатлить своего декана, а это значит, что под данным предлогом Розье можно уговорить на многое.

Интересно, в какой момент высокомерие вознеслось над слизеринской хитростью?

— А я читал планы ваших занятий, — довольно произнёс Эванс, улыбаясь. — Идея с розыгрышем Живой удачи...

— Студентам нужен стимул, — чувствуя восхищение в голосе Эванса, ответил Гораций. — Всегда считал, что хорошая плата — залог успеха.

— Поистине гениальный педагог, — продолжил Эванс.

И казалось, что когтевранец, чудом попавший в их ряды и находящийся здесь на позиции скорее нейтральной, заинтересовался.

Заметив увлечённость Горация и Эванса разговором, Сабрина мило улыбнулась и повернулась к Брэдли. Та нервно царапала рукав своей мантии и всё время смотрела в сторону выхода, надеясь, вероятно, что её ненаглядный Морган скоро придёт.

И где гриффиндорский талант ввязываться в неприятности?

Сабрина полагала, что Брэдли будет первой, кто предложит сбежать, но сегодня путь искusstителя достался не Гриффиндору.

— Оливия, — мило пропела Сабрина, — прогуляешься со мной до зеркала?

Брэдли свела брови к переносице и удивлённо посмотрела на Сабрину. Разговор был столь же внезапен, как и предложение.

— Или можешь остаться и увлечься беседой.

С этими словами Сабрина кивнула на Горация и Эванса, обсуждавших учебный план девяностых годов. Брэдли пригнулась, пытаясь вслушаться в разговор, но, поняв, что в нём больше причин заснуть, чем заинтересоваться, улыбнулась.

— Конечно, пойдём к зеркалу, — напыщенно сказала Брэдли и тут же поднялась из-за стола.

Как только они обе оказались далеко, Сабрина тут же достала палочку, нанося гламурные чары. Брэдли же тяжело выдохнула и скрестила руки на груди, наблюдая за этим и иногда вслушиваясь в попытки Розье вклиниться в беседу двух магов.

— У меня к тебе важный разговор, — улыбнулась Сабрина, поправляя короткие светлые волосы.

— Это не твой цвет, — посмотрев на губы, ответила Брэдли.

Сабрина замерла и прищурилась.

— Не об этом, — спокойно, но чётко ответила Сабрина и повернулась к Оливии, бедром уперевшись в столешницу. — Считаю, нам самим нужно отправиться в лес за профессорами. Одни они не справятся.

Брэдли удивлённо посмотрела на Сабрину, словно та сказала, что у русалок аллергия на воду.

— Они прошли войну, — пояснила Брэдли. — Думаю, Запретный лес им едва ли страшен.

— А если они не сразу найдут Морганов? — тут же добавила Сабрина. — Местность широкая, а у нас каждая минута на счету.

Выслушав, Брэдли прищурилась. Недоверие, пестрящее в её взгляде, слегка пугало Сабрину. Отчего та даже начала сомневаться в уже выстроенном и сложенном плане. Неужели ставка на Брэдли была ошибочной и той нет резона идти в Запретный лес?

— А тебе это зачем? — спросила Брэдли.

Сабрина едва сдержалась от довольной улыбки, мысленно отмечая пройденный шаг в своей стратегии.

— Я планирую поступать в магический университет, — сказала Сабрина. — В США.

Было заметно, как огонёк заинтересованности заиграл в Брэдли — той стала любопытнее учёба, чем друг.

— Мне нужны рекомендации двух деканов, — добавила Сабрина. — Паркинсон не выпишет её мне по личным причинам, а Долгопупс никак не простит, что я отказалась войти в его кружок травологии. Остаётся Грейнджер.

— И ты надеешься, что профессор выпишет её тебе за нарушение правил? — насмешливо бросила Брэдли.

— Надеюсь разбудить в ней ностальгические воспоминания, — добавила Сабрина. — Так что? Идём?

Брэдли нервно обернулась к Горацию, который уже и забыл о существовании других студентов. Отчего Сабрина лишь шире улыбнулась, вспоминая, как порекомендовала Эвансу нужные точки давления. Теперь отвлечь Горация мог только ещё более заинтересованный слушатель, а таковых она не находила вот уже пару лет.

— Вдвоём всё равно опасно, — отрицательно покачала головой Брэдли.

Сабрина тяжело выдохнула и тут же схватила за запястье идущего к уборной Розье. Тот закатил глаза.

— Идём в Запретный лес спасти Морганов, — сказала Сабрина.

Это не был вопрос, скорее факт, с которым Розье пришлось смириться и кивнуть. Удивлённая Брэдли тряхнула головой, будто всё ещё не веря в увиденное.

— У тебя весь Слизерин под каблуком? — спросила она.

— Разумеется, — пожала плечами Сабрина. — Я же староста.

После Сабрина достала палочку и призвала к себе мантии, сразу же надевая свою и подгоняя медленного Розье. Тот не был рад куда-либо идти, а уж тем более за Морганам, которых недолюбливал, но указания Сабрины обычно выполнял. Все они были одобрены Малфоем, и он считал, что это тоже.

Примечание к части

Я не знаю, что мне нравится больше, Слизнорт или Гермиона, пытающаяся убить Наземникуса ахахаха

Пишите что больше зашло вам, также напоминаю, что мы в тг канале <https://t.me/friendmalfoy> каждую неделю смотрим тизеры к будущим главам и ловим спойлеры)

P.S ребята, спасибо за ваши отзывы, я немного в любви и полуобмороке, поэтому ещё не ответила, но это обязательно произойдёт. Я читаю каждый и бесконечно вас люблю.

Глава 7 «Теория общего врага»

Малфой не позволил Гермионе идти рядом с Наземникусом, поэтому она шла последней. Уже побывав в ситуации, где приходилось разделять двоих, чтобы один не убил другого, Гермиона осознавала, почему с ней так поступили, и была даже благодарна Малфой, что он выступил в роли миротворца. Всегда и в любой ситуации такой человек нужен, зачастую Гермиона являлась им сама, умудряясь понимать даже самые отвратительные решения.

Но не в этот раз. Гермиона могла поддержать оступившегося человека, волшебника, который неправильно сделал свою работу. Даже Нотта, о курении которого знал практически весь Хогвартс. Но что она не могла принять, так это наплевательское отношение к студентам, а особенно к малышам.

Её поражало, раздражало и злило, когда окружающим была безразлична судьба детей, которых они же и поставили под угрозу. А Наземникус сделал именно это. Мало того, что обманул их, забрал деньги, так ещё и бросил посреди Запретного леса в поисках портключа. Это была верная смерть, и за такое должна идти высшая мера наказания.

Её сердцу это казалось правильным. Да, разумом Гермиона понимала, что ребята ничем не отличались от путников, которых Наземникус так же обманывал. Но душа разрывалась от осознания, что под это попадали даже дети, которые ещё не успели сделать ничего ужасного, чтобы такое заслужить.

Поэтому чем Наземникус дальше от неё, тем для него же лучше.

— Мы идём почти час, — недовольно заметил Малфой.

— Уже на месте, — крикнул Наземникус и развёл руками. — На этой поляне я их оставил. Странно. Куда подевались?..

Услышав это, Гермиона сделала шаг вперёд, выглядывая из-за Малфоя.

— А ты думал, дети будут ждать, пока их кто-нибудь убьёт здесь? — выругалась она.

— Или они нашли портключ, — пожал плечами Наземникус.

Он стал быстро ходить по поляне, ища якобы оставленный предмет. В ход всё шло: мусор, камни, примечательные ветки и даже грибы. Но ничего не подходило, всё либо оказывалось тем, чем и казалось, либо растворялось в руках, подобно миражу. Отчего Наземникус лишь больше причитал, ругаясь, что в этом лесу невозможно найти ничего полезного.

Спустя несколько минут поисков Гермиона даже обрадовалась. Вера, что Курт и Венди всё-таки нашли тот самый портключ и уже добрались до Лондона, спокойствием оседала в сердце. Но вдруг Наземникус схватился за один из камней и в ту же секунду исчез с поляны, напоследок гадко улыбнувшись.

— Чтоб его, — выругалась Гермиона, топнув ногой. — Нужно было слушать меня!

— И привязать его рукой к себе? — скептически спросил Малфой.

— Я хотя бы что-то предложила, — прыснула Гермиона. — Где его теперь искать?

— Не переживай, адрес подскажу, — с улыбкой ответил Малфой и осмотрелся по сторонам. — А сейчас нужно найти Морганов, пока никто не сделал этого до нас.

Гермиона понимала: стоило сдержаться от комментариев рядом с Малфоем и направить все свои силы на поиск детей. Но терпеливым человеком Гермиона назвать себя не могла.

— Хотя бы один плюс, мы точно знаем, что они здесь, — сказала она, задев Малфоя плечом, и направилась в глубь леса. — И рюкзак не забудь. В нём важные вещи.

Последнее она произнесла с довольной улыбкой и ускорила шаг. Потому что лишь Гермиона знала, что лежит в сумке, которую Малфой нёс всю дорогу. Скорее всего, он будет ужасно взбешён, когда узнает о содержимом, но это грело ей душу. Должна же настать её очередь наслаждаться его обществом?

Малфой был хорош, но в малых дозах. А так как подобное теперь стало роскошью, Гермиона кожей ощущала, как их прежние отношения моментами вырывались наружу. Хотелось не просто пройти мимо и промолчать, а ответить на его колкость, косой взгляд, ухмылку, замечание. Причём так, чтобы он оценил её слова настолько, что замолчал.

Такое было с ней в школьные годы. С начала преподавания она стала подавлять это, и, пока Малфой был на расстоянии, у неё получалось. Но с каждым днём их общение становилось теснее. И заглушать подкатывающие к горлу слова было тяжелее.

И с этим нужно было что-то делать. Либо учиться жить и принимать, либо вновь сокращать их контакт. Ничего из перечисленного её не устраивало, а новые идеи и не думали проникать в голову. Поэтому она пыталась быть хорошим преподавателем при студентах и не сильно сдерживала себя, пока они были наедине.

Пока что это было лучшим решением.

— Мерлин, что ты сюда положила? — возмутился Малфой спустя несколько минут.

Он опустил рюкзак на один из пней.

— Ощущение, что там, — Малфой раскрыл сумку и замер, смотря на содержимое, — камни.

Гермиона видела, как усмешка улетучивается с его лица. Он глядел в одну точку, слегка приоткрыв рот, мышцы его были напряжены, а глаза леденели.

Малфой перевернул рюкзак, убеждаясь, что там и правда лежали только булжники. А после поднял голову на неё.

Он преодолел расстояние между ними в считанные секунды и грозно навис над ней, смотря сверху вниз. От его взгляда кровь в жилах холодела, вдохи царапали горло, а пальцы слегка подрагивали. Гермиона была уверена, что он не сделает ей ничего плохого, но сердце бешено колотилось.

— Считаешь это смешным? — строго спросил он, прищурившись.

Его дыхание обдало кожу, слегка согревая.

— Как и твои бесконечные замечания в мою сторону, — самодовольно выпалила Гермиона, подавшись вперёд.

Они стояли непозволительно близко друг к другу. Ей даже показалось, что она чувствовала биение его сердца и тепло, исходившее от тела. В один момент она поймала себя на неутешительной мысли.

Гермионе хотелось придвинуться ещё ближе, чтобы его дыхание коснулось не только лица, но и губ. Однако Малфой был неподвижен. Он внимательно смотрел в её глаза и только.

Вдруг он расплылся в ухмылке и подмигнул ей.

— Учишься, — качнул головой Малфой и сделал шаг назад.

— Зачем так пугать? — тяжело выдохнув, сказала она.

Малфой самодовольно улыбнулся и пожал плечами, осматриваясь вокруг.

— Я тоже осваиваю новые методики, — ответил Малфой, а после хитро прищурился. — А о чём ты думала в этот момент, а, Грейнджер?

Гермиона на секунду замерла, вспоминая собственные мысли, но тут же натянула улыбку и склонила голову набок.

— Насколько проблематично будет прятать твой труп после дуэли.

Малфой кивнул, словно оценил её планы на ближайшие часы.

— Всегда краснеешь от мыслей о дуэлях? — уточнил он.

Гермиона уже хотела вступить с ним в очередную перепалку без победителя и проигравшего, но в ту же секунду услышала хруст веток. От былой радости не осталось и следа, они оба замерли и начали озираться по сторонам, ища источник звука. Сделав несколько шагов ближе, они встали спина к спине, выставя палочки вперёд в ожидании нападавшего.

Но показавшиеся недалеко студенты не несли угрозы их жизням, только своим. Гермиона сжала зубы и громко выдохнула, разочарованно покачав головой.

— Спорим, гриффиндорская идея? — хмыкнул Малфой.

— Твоих большинство, — парировала Гермиона.

Как только Розье, Сабрина и Оливия оказались рядом, последняя сразу смутилась. От неё это была честная реакция, потому что она опустила голову и даже не пыталась встречаться взглядом с Гермионой. Сабрина же смотрела прямо в глаза Малфоя, а Розье, будто оценивая, оглядывал лес.

— Что во фразе «Ждите в «Венике» было непонятно? — раздражённо спросила Гермиона, скрестив руки на груди.

— Мы хотели помочь вам, — тут же сказала Сабрина.

Малфой тихо усмехнулся и выгнул бровь, давая понять, что не верит ни единому слову.

— То-то Розье прямо разрывает от желания найти Моргана, — заметил Малфой.

Эрик, который до этого даже не вслушивался в разговор, получил лёгкий толчок от Сабрины и тут же посмотрел на Малфоя.

— Может, я хотел загладить свою вину? — предположил Розье.

— Это ты у меня спрашиваешь причину своего прихода? — издевательски спросил Малфой.

Поняв оплошность, Розье тут же отвернулся и замолчал. Осознание, что сейчас ему лучше не говорить, пришло слишком поздно.

Но это уходило на второй план. Оставлять их здесь было категорически нельзя, что Гермиона понимала, и, судя по взгляду, Малфой с ней совершенно солидарен. Решение было неутешительным, но единственным из доступных и самым безопасным.

— Значит так, вы все идёте со мной в Хогсмид, — строго наказала Гермиона и указала на одну из тропинок. — Мерлин упаси нарваться на что-то.

— А как же профессор Малфой? — тут же забеспокоилась Сабрина.

Гермиона посмотрела на неё осуждающим взглядом.

— Об этом нужно было думать перед тем, как вы сюда пошли, — ответила она.

Она уже собиралась двинуться к школе, как с другой стороны слышались детский крик и громкие шаги, от которых сотрясалась земля. Студенты машинально ухватились за стоявшие рядом деревья, а уже после потеряли дар речи от увиденного.

Курт и Венди неслись вперёд, прямо на них, а за ними бежал огромный тролль с дубиной, размер которой был раза в два больше них. Малфой и Гермиона тут же заслонили собой детей и, как только Венди и Курт оказались

позади, возвели палочки в воздух. Лучи света вырвались из их орудий и создали над ними небольшой купол, защитивший от уже подбежавшего тролля.

Существо сразу потянулось к детям, но поле обожгло его, отчего создание взревело ещё громче, с силой ударяя по земле дубиной, отчего все подскочили. Гермиона и Малфой пробовали сдерживать его натиск, но тролль, преодолевая боль, пытался добраться до них.

В моменте Гермиона оглянулась и увидела, как Венди крепко держала Розье за руку, а он, стоя рядом, загораживал её собой, пока Курт и остальные искали собственные палочки.

Мгновение, и все они подняли орудия в воздух, усиливая защиту. И даже маленькая Венди, не зная это заклинание, но произнёсшая его по совету Розье, была с ними. Несмотря на весь ужас ситуации, бьющееся сердце и рвущийся наружу адреналин, Гермиона слегка улыбнулась. Казалось, что в эти минуты, пока они спасались от тролля, пытавшегося сломать купол, исчезли границы крови, происхождения и факультетов. Остались лишь они — в опасности, страхе и желании выжить.

Тролль стоял рядом ещё пару минут, собираясь прорваться, но каждая его попытка была тщетной, отчего он быстро сдался и ушёл в глубь леса.

Убедившись, что всё закончилось, они опустили палочки, и Гермиона тут же рванула к Курту и Венди, обнимая их и ругая.

Она чувствовала, что все здесь до сих пор боятся возвращения тролля, но всё равно была рада произошедшему, словно это открыло ей глаза на важные вещи. И, судя по взгляду, которым на неё смотрел Малфой, он тоже всё понял.

Грейнджер чувствовала себя неудобно. Постоянно озиравшись по сторонам, изучая каждую деталь его спальни. Ёрзала на кресле, будто любая поза была вдвое неудобнее предыдущей. И нервно разглаживала складки своего пиджака, хотя тот идеально сидел по фигуре.

Возможно, это было следствием вылазки в лес. Может быть, её будоражили перспективы ужасов, которые могли случиться с детьми. Но Драко чувствовал, что причиной был он сам. Неосознанно и на удивление не специально.

Это понимание тонкой нитью ложилось по последним событиям, беря своё начало с их первого разговора о трудных детях.

Грейнджер чувствовала, что у них не получается работать сообща, точно так же, как ощущал и сам Драко. Эта мысль была подобна истине, которую они не хотели признавать. Но та сочилась в реальность настолько ярким светом, что отрицание переходило в стадию невозможного. Они оба понимали, что совместная деятельность была прямо пропорциональна количеству перепалок.

Возможно, об этом стоило говорить?

Их задачей было показать пример, доказать детям, что дружба между

Гриффиндором и Слизерином так же реальна, как между чистокровным и маглорождённой. Взгляды можно изменить, принципы пересмотреть, а мир увидеть под совершенно другим углом. Именно вышесказанным Грейнджер и Драко должны были стать, тем самым убедив других. Но наружу рвалось иное.

Грань между «сдерживаться» и «отдаться» истончалась настолько стремительно, что точка невозврата ощущалась жаром. И если они продолжат, двинутся ещё на несколько шагов вперёд — сгорят, и восстановиться, подобно Фениксу, не смогут.

— Огневиски? — предложил Драко.

Он поставил полупустую бутылку и два бокала на стол. Грейнджер мгновенно бросила взгляд на его ладони, а после покачала головой.

— Я больше по чаю, — ответила она.

Драко усмехнулся и одним взмахом руки заставил посуду приземлиться прямо перед ней, а горячий напиток оказаться в чашке. Грейнджер благодарно кивнула и сделала короткий глоток, прежде чем выжидающе посмотреть на него.

— Ты видел, какими они были в лесу? Когда напал тролль, — сказала она.

Он медленно прошёл вперёд и сел в кресло напротив.

— А я всё ждал, когда оценишь, — ответил Драко и сделал глоток огневиски. — Проблемы сближают, не так ли?

— Их нужно поставить в подобную ситуацию, — пояснила она. — Но без угрозы жизни.

— А жаль, такой план был, — усмехнулся Драко.

В эту секунду она закатила глаза и наконец расслабилась. Её взгляд прошёлся по нему снизу вверх, и Грейнджер подпёрла подбородок кулаком.

— Мы создадим проблему, которая будет касаться лишь их четверых, — её ладони медленно расходились в стороны, пока она доносила мысль. — Причём настолько серьёзную, чтобы она не давала им покоя.

— А вы коварны, мисс Грейнджер, — протянул Драко. — Мне нравится. Что придумаем?

Её брови поползли вверх, и она усмехнулась.

— А разве у тебя нет пособия по раздражению детей и подростков?

— Забыл дома, — улыбнулся он ей.

Грейнджер закатила глаза и отпила чай, после чего из воздуха появились её любимый ежедневник и шариковая ручка. К последней диковине в её руках Драко ещё не успел привыкнуть, поэтому остановил на ней заинтересованный взгляд.

— Обязуем их каждый день говорить друг другу комплименты, — отметила Грейнджер.

— Беру назад свои слова про коварство, — хмыкнул Драко и выпрямился в кресле, вытягивая шею. — Устроим им погружение в культуру друг друга.

Глаза Грейнджер блеснули, и она едва не засветилась от услышанного, принимаясь сразу же это записывать.

— Я буду показывать им магловскую культуру, — сказала она, поднимаясь с кресла и вышагивая по комнате. — Мы будем изучать кино, книги...

Грейнджер говорила так ярко, быстро, заморожено, словно создавала при нём истинной красоты магию, которую он больше никогда не увидит. Её глаза сверкали, улыбка на лице светила ярче солнца, а жестикация едва ли не создавала потоки чистой энергии. Последняя волнами сбивала Драко, почти гипнотизируя.

— А ты расскажешь им, что Священные двадцать восемь внесли в историю Британии. Покажешь, что они не просто кучка снобов, а гениальные люди, — с этими словами она замерла прямо перед ним.

Он смотрел так, будто бы они остались одни во всём мире и никого другого здесь больше не было. Только он и она.

— И контактировать между собой мы станем меньше, — продолжила Гермиона.

Драко не услышал угасающий энтузиазм в её голосе оттого, что едва ли не был оглушён содержанием слов. На мгновение их разговор показался ему самым вдохновляющим и особенным. Но он забыл главное — работать вместе у них не получалось, и Грейнджер была согласна с этим. Определённо.

Былой энтузиазм снесло волной понимания, и он вновь сделал глоток огневиски.

— Да, хорошая идея, Грейнджер. Так держать, — выдохнул он, натягивая улыбку.

И на мгновение, самое небольшое, ему показалось, будто и ей от этого стало слегка грустно.

— Эрик Розье, сейчас же вставай с постели, через полчаса я жду тебя в кабинете, — вещала кричалка голосом Малфоя.

Эрик в ответ даже не поднялся, лишь накрылся с головой одеялом и попытался доспать законный час. И у него бы это получилось, если бы письмо не становилось всё громче с каждым произнесённым словом, отчего разбудило нервного Каспера. Тот, окончательно проснувшись, грозно зарычал и сел на кровати, смотря на спящего друга.

— Эрик, просыпайся уже! Она от Малфоя! Не заткнётся, пока ты собираться не начнёшь! — возмутился он.

— Вот тебе нужно, ты и иди, мне она не мешает, — зевая, ответил Эрик.

Каспер закатил глаза и встал с кровати. Подойдя, он схватил кричалку и поднял одеяло Эрика, загоня её внутрь и наваливаясь сверху, не позволяя выбраться. Эрик тут же начал ругаться и вырываться, пока письмо оглушало его.

Как только Каспер встал и направился к своей постели, сна на лице Эрика уже не осталось. Он сердито смотрел на друга, который уже лёг обратно и с ухмылкой наблюдал, как друг собирается.

— «Поход» не задался? — усмехнулся Каспер.

Он завёл руки за голову и взглянул на Эрика. У того на лице появилась гримаса отвращения, и он вздрогнул от воспоминаний.

— Пришлось за этими Морганями таскаться. Лучше б их тролль съел, — хмыкнул Эрик, продевая ремень в пряжку.

— Зато провёл время с красивой девушкой, — мечтательно отметил Каспер.

Эрик тут же закатил глаза. Сам он не считал Сабрину Слизнорт выдающейся внешности, но в лицо ей об этом никогда бы не сказал. Хотя бы потому, что она почти в прямом смысле держала под каблуком весь факультет.

Без неё невозможно было решить практически никакой вопрос, и если выбирать между выполнением её небольших прихотей и её плохим расположением, Эрик бы предпочёл первое, несмотря ни на что. Тем более лишь благодаря ей команда Слизерина до сих пор занимала лучшие часы для тренировок.

Он считал это честным обменом. По крайней мере, до тех пор, пока её просьбы не противоречили его интересам.

А вот Каспер — это другое. Он едва ли не причислял её к лику великих волшебников, и, если обратить внимание на Каспера во время большинства занятий, его взгляд всегда был прикован именно к ней. Возможно, в своей голове он даже играл их совместную свадьбу в лучших традициях чистокровных.

Но Эрик понимал, что этому точно не бывать, хотя бы потому, что Сабрина была на попечении своего деда — Горация Слизнорта. И его состав мини-бара в кабинете волновал больше чистоты крови. А родители Каспера подходили к будущему своих детей с таким трепетом, что мог бы позавидовать даже магловский английский престол.

— Вчера в «Венике» Персея видел, — пытаюсь перевести тему, сказал Эрик.

Каспер тут же тяжело выдохнул и отвёл взгляд.

— Мама только вчера прислала сову со списком его успехов, — хмыкнул Каспер. — Не думаю, что скажешь мне нечто новое.

На этом Эрик замолчал. Насколько бы он ни интересовался высшим чистокровным светом и его элитой, поднимать нелюбимую тему Каспера всё-таки было ошибкой.

Он не был в лучших отношениях со своим братом хотя бы потому, что Персей, со слов самого Каспера, разумеется, с детства был любимцем у родителей. Всего три года разницы, а казалось, будто целая вечность, за которую Персей успел добиться высот, а Каспер так и остался внизу.

В такие моменты Эрик радовался, что у него не было ни братьев, ни сестёр. По его опыту и взглядам, от них было больше проблем, чем пользы. Например, Каспер из-за своего постоянно чувствовал себя чуть ли не ущербным, и это едва было хорошей рекламной кампанией братских уз.

А младшей Морган и вовсе из-за глупости старшего пришлось чуть ли не расстаться с жизнью в Запретном лесу. Да и Моргану было бы куда сподручнее скрываться и бегать по своим грязнокровным делам, не будь у него груза в виде сестры.

От мыслей о девочке Эрик даже слегка задрожал, вспоминая, как вчера ему пришлось её успокаивать. Он сам и не понял, почему начал это делать, посчитал, будто это правильно в той ситуации. И, возможно, это было таковым. Только вот ему это совершенно не нравилось. И он искренне надеялся, что этого жеста с его стороны никто не увидел.

Собравшись, он скорее отправился в указанный кабинет. Коридоры были пустые, все нормальные студенты утром в выходной спали, и лишь он двигался по направлению, которое ему, как он считал, не нужно. В глубине души он даже признавался себе, что жалел о поступке в первый день, потому что именно он привёл к этому.

Оказавшись около кабинета, он уже хотел открыть дверь, когда та едва не ударила его сама. Вылетевшая оттуда Брэдли была красная, почти в цвет собственного галстука, а пергамент в её руках чуть ли не ломался под пальцами. Замерев перед Эриком, она со злостью осмотрела его с ног до головы, а после показательно обернулась на стоящих в кабинете деканов.

— Здравствуй, Розье, — натянуто улыбнулась Брэдли. — У тебя сегодня отличная причёска.

Сказав это, она быстрыми шагами направилась прочь. Эрик свёл брови к переносице и непонимающе проводил её взглядом, пока она не скрылась за поворотом. Покачав головой, он вошёл в кабинет и замер перед деканами, скучающе их осматривая.

Малфой протянул ему пергамент. Взяв его, Эрик пробежался глазами, где были указаны некие дополнительные занятия по три раза в неделю.

— С понедельника ты и Сабрина будете посещать особый курс магловской культуры, — пояснил Малфой.

— Нет, — тут же ответил Эрик. — У меня не такая хорошая память, чтобы забивать её...

— Это не вопрос, — тут же оборвал его Малфой. — Ты будешь ходить на эти занятия. А любая жалоба на тебя от профессора Грейнджер или пропуск будут караться наказанием.

Эрик прыснул со смеха и склонил голову набок.

— И какое же наказание?

— Исключение, — без церемоний ответил Малфой. — Три замечания — и на четвёртое ты больше не студент Хогвартса.

Услышав это, Эрик едва не потерял дар речи. Рот открылся сам по себе, и он, не веря в сказанное, посмотрел на Малфоя. Тот же, казалось, даже не слышал, что только что произнёс, а его строгость и непреклонность лишь добавляли ему уверенности.

Теперь всё было просто: либо Эрик играет по их правилам, либо не играет вовсе. Даже Уизли на занятиях не ставила подобных условий...

— Ах да, — добавил Малфой, — и каждый день ты должен делать комплимент Брэдли и Моргану.

И тут слова Брэдли перед входом, да и её состояние в общем, стали Эрику понятны. Ему сейчас также хотелось вырваться отсюда прочь, громко хлопнув дверью, желательно по чужому лицу.

Так началась история перевоспитания. Против воли. Насильственными методами. И Эрик, злясь и желая поделиться возмущениями с тем, кто способен его понять, не подозревал, что сделал шаг к ненавистным по определению изменениям.

Примечание к части

Нет, ну, трюк с булыжниками то вы должны заценить ахаха
Спасибо за ваши отзывы, дорогие. Безмерно люблю.
Также я и спойлеры ждём вас на канале <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 8 «Командная игра»

Октябрь, 2006 год, Хогвартс

Слегка прохладный ветер, приятно щекотавший лицо, сменялся сильными потоками воздуха, едва не сбивавшими студентов с ног. Листы пергамента разлетались, совы летали ниже обычного, а крики со стороны квиддичного поля резали слух. Утро было пасмурным, хмурым и лишённым энтузиазма.

Оливия с жадностью вдохнула дым и блаженно прикрыла веки, наслаждаясь долгожданной дозой никотина. В воздухе повис аромат табака, смешавшийся с её духами, отчего ваниль раскрылась по-особенному. Это позволяло на пару минут отключить сознание и не думать о занятиях, школе или происходящем. Только сигареты, лица и ощущения, ничего лишнего.

Но уже спустя несколько секунд слуха коснулся звук шагов, а через считанные мгновения Розье показался из-за угла. Убедившись, что это не преподаватель, Оливия вновь затянулась и откинула голову на каменную кладку.

— Портативное средство связи, письмо с которого доходит в считанные секунды, — зачитал он задание из ежедневника. — Шестнадцать букв.

Оливия улыбнулась и выудила из своей сумки сотовый, протягивая Розье.

— Мобильный телефон, — сказала она и сделала новую затяжку. — Он ещё выполняет функции колдоаппарата и частично патронуса.

Розье покрутил в руках ранее невиданную вещь и свёл брови к переносице, ища место для палочки или хотя бы руны, зачаровавшие предмет. Оливия с улыбкой наблюдала за этим, пока он не попытался проникнуть пальцем в непозволительно маленький разъём для наушников. Забрав у Розье телефон, она убрала его обратно.

— За доклад по Гектору Фоули «превосходно», — довольно сказала она. — Спасибо.

Розье самодовольно ухмыльнулся и плечом подпёр стену, убрав руки в карманы.

— Если за этот тест, — он кивнул на пергамент, — будет выше «удовлетворительно», даю слово, следующее сливочное пиво оплачиваю я.

Оливия закатила глаза и отрицательно покачала головой.

— У нас взаимовыгодное сотрудничество, расслабься, — отметила она.

Однако взгляд Розье был прикован не больше к ней, чем к сигарете в её руках. Он заинтересованно разглядывал её, будто пытался вдуматься, что это.

— У Нотта такие же, — вдруг сказал он.

— А это его и есть, — ухмыльнулась Оливия и бросила окурочек на землю,

придавливая.

Розье удивлённо посмотрел на неё, она же в ответ лишь пожала плечами, а после вытащила ещё одну из пачки. Поймав его интерес, она протянула сигарету Розье, кивая. Он прищурился, бродя взглядом от неё до табака и обратно, но взял неизвестный ему предмет.

— Эту часть зажимают зубами, — пояснила она, указывая на фильтр.

— Ну, Грейнджер же хотела, чтобы я познавал магловскую культуру, — сказал Розье и взял сигарету в рот, вспоминая, как её держала Оливия.

— А теперь возьми двумя пальцами, вот так, — показала она.

Розье пытался, но либо его конечности не слушались, либо он провоцировал Оливию. Поэтому она, не выдержав, дотронулась до его руки, помогая правильно держать сигарету. От ощущения его близости её кожу слегка покалывало, будто она прикасалась не к ненавистному слизеринцу, а человеку намного ближе.

Когда Оливия подняла взгляд, то сразу встретилась глазами с ним. Розье с лёгким удивлением смотрел на неё, и это настораживало. Раньше он бы из-за одного лишнего жеста начал кричать и требовать, а сейчас стоял рядом с ней совершенно спокойно.

Сердце забилось чаще.

Сделав шаг назад, она нервно поправила волосы, а после достала свою палочку.

— Сейчас я подожду другой конец, а ты должен вдохнуть воздух через сигарету, — пояснила она, на что получила вопросительный взгляд. — Сигарета — это то, что у тебя сейчас во рту.

Розье кивнул.

— Инсендио, — прошептала Оливия, касаясь древком стороны с табаком.

Огонёк показался перед ними, и Розье жадно вдохнул, отчего сразу же закашлялся. Сигарета упала на землю и была затухена ногой, а он тут же ухватился за стену и начал глубоко дышать. Оливия, испугавшись, тут же сжала его предплечье, помогая не упасть, но из-за его веса сама почти рухнула на него.

Так они и замерли — непозволительно близко и слишком контактно для некогда врагов. Они встретились взглядами и, казалось, перестали дышать на несколько мгновений. Впервые настолько рядом — спустя пару месяцев попыток примирения, взаимной помощи и небольшой поддержки.

Вдруг послышался звук шагов, и они тут же отстранились друг от друга, делая вид, будто просто стояли.

— Вы идёте на зелья или нет? Время подходит, — развела руками недовольная Сабрина.

— Слизнорт, не начинай, — закатил глаза Розье. — Всё мы успеваем.

С этими словами он кивнул Оливии в сторону выхода и, обойдя Сабрину, сам скорее направился туда. Сабрина скрестила руки на груди и в ожидании объяснений посмотрела на Оливию, но та лишь пожала плечами и поспешила за Розье.

— И когда эти двое успели спеться? — покачала головой Сабрина.

Это и правда произошло слишком быстро для всех.

Если смотреть глазами Оливии, то их с Розье междоусобные распри очень быстро сошли на нет. Да, сначала они говорили комплименты сквозь зубы и неделями сидели над заданиями, не в состоянии их выполнить. Но в момент, когда Оливия показалась в библиотеке с родословной семьи Розье, нечто изменилось.

Он предложил ей выгодное сотрудничество, так как принесённый Грейнджер тест решить не смог. Ему, как и самой Оливии, искренне казалось, что на занятиях Грейнджер и Малфой объясняют одно, а требуют совершенно другое. Причём задания их становились всё сложнее, а ресурсы студентов стремительно иссякали.

В итоге это и привело к небольшому перемирию на общее благо. Маглорождённые и чистокровные стали помогать друг другу. А за неимением других, с кем можно было обсудить позицию деканов на дополнительных занятиях, начали находиться рядом чаще.

Это радовало, потому что уже не было оскорблений, постоянного выяснения отношений, ссор и обид. Школа перестала быть полем боя, а общение с врагами оказалось настолько комфортным, что их почти можно было назвать дружескими.

Поэтому задачу по примирению трудных подростков можно было считать выполненной.

Почти...

Гермиона стояла позади Джинни, пока та крайне громко и моментами грубо доносила до первокурсников важность техники безопасности. Для Гермионы это выглядело весьма комично. Потому что сама Джинни — что сейчас, что в студенческие годы — её не соблюдала. Поэтому нить монолога была потеряна за неимением ничего, кроме аргументов самой Гермионы шестилетней давности.

Порой Гермионе льстило, что друзья цитировали её в многочисленных нравоучениях. Но чаще всего она разочарованно выдыхала, напоминая, что к себе они сказанного не применяли.

Всё дальше отстраняясь от разговора, Гермиона повернула голову и заметила Малфоя, поодаль стоявшего от неё. Он воодушевлённо рассказывал

Нотту о своём последнем походе на квиддич.

И это было интереснее техники безопасности.

Улыбка Малфоя истомой отдавала в сердце, а желание оказаться сейчас перед ним неприятно саднило кожу. Да, она не понимала ничего в квиддиче, почти половину в зельях и уж тем более в чистокровных мероприятиях, которые Малфою приходилось посещать. Но ей хотелось послушать об этом от него, побыть наедине больше пяти минут и не на планёрке. А после закатить глаза от нескольких раздражающих шуток.

Раньше Гермиона искренне считала, что их перемирие и сокращённое количество общения все эти годы было правильным. Она верила: обоим комфортно при таком раскладе вещей. А множественные ссоры, когда им пришлось проводить вместе больше времени, это лишь доказывали. Даже на протяжении недели они умудрились пару раз поссориться.

Но сейчас она всё чаще приходила к мысли, что несколько лет были ошибкой, а несчастные семь дней — одним из лучших решений. Они показали, что Малфой, несмотря на все свои отрицательные качества, может её привлекать, притягивать к себе крепкой нитью и оставлять рядом. Ей уже было всё равно на недомолвки, ссоры и отсутствие компромиссов во взглядах. Это меркло по сравнению с положительными эмоциями, которые Малфой ей дарил.

И лишь теперь, когда она лишилась подобного, Гермиона поняла, насколько в них нуждалась. Она тысячу раз пожалела о своём предложении и завидном плане, который должен был решить все проблемы.

Да, у них получилось примирить студентов, но уже всё равно, потому что это развело их. И сейчас, когда причины постоянно находиться рядом не осталось, Гермиона испытывала самый сильный голод в своей жизни.

По определённому человеку и его обществу.

— Профессор Грейнджер, — голос Розье заставил Гермиону вздрогнуть и обратить на него внимание. — Я принёс вам кроссворд.

Гермиона мило улыбнулась и забрала из его рук пергамент, а уже после ощутила едкий аромат табака. Розье не стал долго стоять и тут же поспешил уйти, а Гермиона медленно прошла вперёд, провожая его взглядом.

— Мне кажется или от него пахнет сигаретами? — спросила она, повернувшись к Нотту и Малфою.

— Грейнджер, не говори, что удивлена, — усмехнулся Малфой. — Некоторые студенты курят, у них даже самопровозглашённая курилка организовалась за школой.

Глаза Гермионы округлились, и она едва не зарычала от нахлынувшего возмущения. Ей виделось, что хотя бы в волшебной школе подобных проблем не будет.

— Об этом срочно нужно сообщить Гарри, — развела она руками. — Они же не понимают, насколько это вредно.

— Согласен с Грейнджер, — тут же встал на её сторону Нотт. — Я не успеваю аппарировать в Лондон, они вечно у меня таскают сигареты.

От этих слов Гермиона закатила глаза, а после перевела взгляд на подходившую к ним Джинни.

— Почему я не удивлена, что первое, что в магловском мире понравилось слизеринцам, это сигареты, — покачала головой Гермиона.

— Не хочу тебя расстраивать, Грейнджер, — с напускным сожалением начал Нотт, — но пропадают они у меня после пар с Гриффиндором.

Услышав это, Малфой тут же засмеялся и отвернулся в сторону, наблюдая за проходящей мимо Брэдли, запах сигарет от которой тонкой струёй коснулся всех преподавателей. Осознав это, Гермиона даже открыла рот, но не нашла слов, чтобы описать собственные эмоции.

— Она просто поддерживает погружение в магловскую среду, — пожал плечами Малфой. — По твоим стопам, Грейнджер. Нужно гордиться.

Гермиона гневно прищурилась, смотря на Малфоя.

— Следующей будет лекция о вреде сигарет, — тихо буркнула она.

— Я лучше пойду, пока ты её мне не прочитала, — тут же выпалил Нотт и скорее двинулся в сторону своего кабинета.

Джинни даже ничего не сказала, а направилась к квиддичному полю на занятия. Лишь Малфой, который подпёр плечом стену, внимательно смотрел на злившуюся Грейнджер. С лёгкой улыбкой, непринуждённым взглядом и в расслабленной позе. Будто они близкие друзья, а не коллеги, ставившие границы.

— Нас, кстати, и правда Поттер вызывал, — напомнил Малфой.

— Значит, пойдём, — выпалила Гермиона и развернулась, стремительно направляясь в кабинет директора.

Малфой нагнал её быстро, и его рука самопроизвольно опустилась на её плечо и слегка притянула ближе к себе, дружески потрепав.

— Хватит тебе, Грейнджер, — подбодрил её он. — Они общаются, я их вместе вижу чаще, чем Забини с Уизлеттой. У нас всё получилось. Чего не радуешься?

— В противовес тебе, — хмыкнула Гермиона. — Ты подозрительно добрый сегодня.

— Считаю, что вчера я провёл время настолько хорошо, что это коснулось даже сегодня, — ответил ей он.

Но от его радости ей становилось только неприятнее. Малфой посещал матчи раньше и ещё никогда не приходил до такой степени счастливым. Мысль, будто в этом замешано нечто большее, не покидала её голову, отчего Гермиона

начинала сильнее на него злиться.

— Она красивая? — вдруг спросила Гермиона, проходя вперёд, чтобы избавиться от его руки.

— Кто «она»? — усмехнувшись, спросил Малфой, нагоняя её и равняясь.

— Девушка, из-за которой ты такой счастливый, — пожала плечами Гермиона, вновь ускоряя шаг.

Малфой свёл брови к переносице и поспешил за ней.

— Считаешь, для счастья мне обязательно нужна девушка? — аккуратно спросил он.

— Раньше после квиддича ты так не светился, — грубее ответила Гермиона. — Того и гляди, скоро ослепнем.

— Не знал бы твоего отношения ко мне, Грейнджер, подумал бы, что ты ревнуешь, — отметил Малфой, замирая около двери кабинета.

Гермиона осмотрела его с ног до головы и высокомерно вздёрнула подбородок, произнося пароль.

— Не хочу, чтобы твои внезапные отношения помешали совместной работе, — сказала она и скорее направилась по винтовой лестнице вверх.

— Не бойся, Грейнджер. Твоё место в моём сердце никто не займёт, — с улыбкой хмыкнул Малфой перед тем, как они зашли в кабинет Гарри.

От услышанного Гермионе на несколько секунд стало легче, а в районе сердца заметно потеплело. Будто бы он сказал те самые слова, которые сейчас ей были необходимы. На мгновение ей даже показалось, что он забрался в её голову, чтобы получить подобную информацию, но она сразу отвергла эту мысль.

Сомневалась, способен ли он с ней так поступить. Всё-таки Малфой уважал личные границы. Или ей просто так казалось?

— Гарри, пришли деканы, которые идеально выполнили твоё задание, — довольно сказал Дамблдор с портрета. — Я думаю, ты обязан их поощрить. Считаю, что Гриффиндору нужно начислить...

Сам Гарри, до этого писавший на пергаменте, на секунду поднял взгляд на портрет, отчего на том сразу появилась непроницаемая и звукопоглощающая штора. Гарри часто использовал это во время переговоров, потому что вещать одновременно с Дамблдором у него получалось всё хуже. Обычно он просто срывался, и полотно молчаливо и грустно наблюдало за остатком собрания.

Казалось, что после смерти тактичность в принципе покинула некогда директора.

— А можно так насовсем оставить? — спросил Малфой, кивая на портрет.

— Он просто выгонит кого-нибудь с другого полотна, я пытался, — сказал Поттер.

После Гарри встал из-за стола и обошёл его, бедром опираясь на крышку и внимательно смотря на них. Улыбка играла на его лице, а счастью не было предела, отчего Гермиона вновь ощущала себя лучшей и вспоминала слова Малфоя о том, что они успешно всё сделали.

— Сегодня я видел, как Эрик и Оливия вместе делали задание перед заклятиями, — сказал он. — Это невероятно, ребята.

— Достаточно обычного «*Ты самый лучший, Драко*», — улыбнулся Малфой.

— Это тебе скажет Кингсли, — тут же отметил Гарри и вновь вернулся за стол. — Потому что за вашу работу вы приглашены на ежегодный хэллоуинский бал в Министерстве.

Казалось, ещё немного и Малфой вспыхнет от собственной важности, но даже это было бы справедливо. Гермиона и сама не могла избавиться от довольной улыбки, которая вырисовывалась на её лице от гордости за их работу.

— Слизерин и Гриффиндор, чистокровные и маглорождённые. Вместе. Работают. Делают задания. Морган даже за руку с Розье недавно поздоровался. Это выше всяких похвал, — восторгался Гарри.

Вдруг раздался звук отъезжающего портрета снизу, и на пороге кабинета появилась довольная Паркинсон.

— Я не знаю, какая это магия, но, прошу вас, пусть так останется до конца года, — тут же сказала она. — Уже вижу Бронте, когда ей скажут, что Хогвартс не закроют ещё очень долго.

Последнюю фразу Паркинсон произнесла с таким лицом, будто бы втаптывала Линду в землю где-то за школой. И это воодушевляло — не только то, что спасение Хогвартса шло по плану, но и что все были довольны.

У них с Малфоем получилось. Они были хорошей командой даже по отдельности.

— Оливия, дорогая, — сладко произнёс Тео, обводя взглядом класс, — я привык, что всё женское внимание на занятиях приковано ко мне. Отвернись от Розье и пиши одна.

Брэдли покраснела от сказанного, а после сразу же опустила голову на пергамент, делая вид, будто бы не улыбается. А Тео, убедившись, что все студенты заняты, вновь вернулся к зачарованной тетради, строча послание:

Голубки проглотили наживку?

Сообщение тут же исчезло, отчего Тео улыбнулся и ещё раз оглядел тихий

класс, занимающийся самостоятельной работой. Заметив несколько списывающих, он тяжело выдохнул и отрицательно покачал головой, поражаясь отсутствию изобретательности. Никаких новых схем, манёвров, обманок или утончённого использования заклинаний.

Это разочаровывало. Раньше слизеринцы были куда более изощрёнными и придумывали уникальные способы сдачи заданий без изучения конспектов. А сейчас всё было совсем иначе — чисто, прозрачно, глупо. Вот в его время...

Осознав, что говорит как Слизнорт, Тео тут же потрянул головой и посмотрел на записи, где вырисовывался ответ.

Откуда эти влажные сравнения? Да, Грейнджер и Малфой идут на бал.

Ухмыльнувшись, Тео тут же начал писать.

Никакой конспирации. С вами невозможно работать, скажи ей, Блейз!

Но ответа от него так и не последовало, поэтому Тео закатил глаза и тут же бросил взгляд на Розье, пытавшегося списывать с колен. После Тео посмотрел на Брэдли, которая даже не поднимала головы, строча трёхстраничный ответ на вопрос, где требовалось всего одно слово.

Слизнорт же скучающе выводила буквы на листе пергамента, пытаясь сделать вид, будто ещё не закончила. А Морган, самый неугомонный из них, кажется, даже не чувствовал, что находится в классе, потому что переписывал текст из учебника.

Последний раз опустив голову, Тео прочитал:

Твоя очередь, с Майлзом я сама поговорю.

И на этом Тео следовало закрыть ежедневник и продолжить начатый план, но он не смог удержаться и всё-таки ответил:

После последнего разговора с тобой он и загремел в список трудных подростков. Плохо влияете на студентов, профессор Паркинсон.

Написав это, он закрыл ежедневник и тут же поднялся со стула, отчего несколько студентов засуетились, создавая тихий гул, привлекающий внимание даже самого невнимательного преподавателя.

— Иногда вы меня разочаровываете, — отрицательно покачал головой он, но тут же широко улыбнулся и хлопнул в ладоши. — Закончили с теоретической частью, время вышло.

— Но я не...

— Оливия, если сейчас промолчишь, поставлю дополнительное «превосходно», — очаровательно произнёс Тео, смотря на неё, та покраснела, но в ответ кивнула. — Люблю понимающих девушек.

Тихие женские смешки пронеслись по классу, заставляя Тео хитро улыбнуться и пройти между рядами.

— Вторая часть — парная. Вы разделитесь в позиции «Слизерин-Гриффиндор» и закончите вместе, — пояснил он, палочкой касаясь каждой парты по отдельности. — От результата ваша годовая оценка будет зависеть на тридцать процентов.

Все студенты тут же начали разворачивать листы пергамента, оказавшиеся перед ними, как только Тео прошёл мимо. Большинство стали пересаживаться, а довольный Тео опустил в своё кресло, с любопытством наблюдая.

— Есть подозрения, будто Нотта подкупили, — тихо сказал Розье, садясь к Брэдли.

— Мне тоже кажется, что на твоих брюках невидимые чернила, Розье, — улыбнулся Тео. — Но я же молчу.

Розье тут же умолк и принялся за работу, когда Слизнорт устало опустилась рядом с Морганом и отобрала у него задания, вчитываясь. Тео расплылся в довольной улыбке и уже предвкушал, что предпримут студенты, работая сообща. Особенно когда поймут замысел преподавателей.

После занятий все ребята оказались в уже ставшем родным кабинете, где с самого порога начинали возмущаться оценками и последними событиями. Неизвестно, что их не устраивало больше: задания Нотта, который хоть и был любимым профессором, но отличался слишком смелыми решениями, либо же работы для деканов, вызывающие с каждым разом всё больше вопросов.

— Я семью Блэков уже знаю лучше своей собственной, — выругалась Оливия, опускаясь на стул.

Эрик, который находился рядом, сразу помог ей придвинуться ближе к столу, где уже были разложены её записи.

— Это ненормально — помнить поимённо их последние поколения, но забыть, сколько ложек сахара ты добавляешь в чай, — развела руками Оливия, швыряя ручку на стол.

— А я могу перечислить тебе список бытовых приборов в среднестатистической британской семье, — сказала Сабрина, усаживаясь рядом с Куртом. — Напомните, что такое тостер?

Курт тут же взял лист с её заданием и расставил необходимые соответствия, за что она ему благодарно кивнула и похлопала по плечу.

Майлз, наблюдавший за всей сложившейся картиной, лишь тихо усмехнулся, предполагая, насколько быстро они догадаются. По его мнению, понять, что к чему, они должны были уже минимум неделю назад, когда вместе пошли к Чёрному озеру.

— Мне вообще интересно, а они сами-то знают, что у нас просят? — спросил Эрик. — При всём уважении, но Малфоя, смотрящего телевизор, я не могу

представить.

Курт тут же засмеялся и закивал.

— Он бы на первой минуте фильма раскритиковал всех героев и оставил бы их после занятий на отработку, — подхватил он.

— А Грейнджер бы уже на третьем генеалогическом древе начала кричать, насколько аморальны свадьбы дальних родственников, — сказала Сабрина, ухмыляясь.

С каждой фразой и предположением они смеялись всё громче, а ненавистные задания уходили всё дальше от них. Шутки, фантазии и старые истории о выполнении тех или иных задач становились самой приятной темой для обсуждения, которая всем была по душе. Причём настолько, что они даже не замечали, как протекает их совместное время.

— Так что это им нужно заниматься, а не нам. Я в магловской культуре разбираюсь уже лучше маглов, — заявил Эрик, откидываясь на спинку стула. — Лив, спроси о чём-нибудь.

Оливия сразу задумалась, а после хитро улыбнулась и посмотрела на него.

— Какая достопримечательность Лондона была крепостью, дворцом, хранилищем королевских драгоценностей и тюрьмой, — прищурившись, спросила она.

Эрик тут же довольно улыбнулся и пригнулся ближе к ней.

— Лондонский Тауэр, — выпалил Эрик и услышал заслуженные аплодисменты. — Достаточно оваций, просто признайте мою исключительность.

— А теперь я, — перенял инициативу Курт.

Эрик тут же задумался и важно потёр подбородок.

— Назови три звёздных имени семейства Блэк без упоминания последнего поколения, — сказал Эрик.

Все заинтересованно смотрели на Курта, который улыбался всё хитрее с каждой секундой, будто бы готовил нечто поразительное.

— Кассиопея, Аполлония и Орион, — довольно завершил Курт.

Все сидевшие тут же захлопали в ладоши, и по классу прошёлся доброжелательный гул.

— И они ещё нами недовольны? — возмутилась Оливия. — Считаю, что мы идеально справились с их заданиями.

— Согласна с Лив, — тут же сказала Сабрина. — Предлагаю прямо сейчас пойти к ним, всем вместе, и закончить эту камеру пыток.

Эрик и Курт их поддержали и уже были готовы отправиться прочь из

кабинета к деканам, когда Майлз не выдержал. Его задорным смехом наполнился весь класс, отчего ребята сразу же замерли, не понимая происходящего. На несколько секунд они даже решили, что он не в себе, но тот поспешил ответить на немой вопрос:

— Вы до сих пор так и не поняли? — спросил он, едва сдерживаясь. — Какая была задача у Грейнджер и Малфоя?

— Закончить ссоры между факультетами и прекратить распри из-за чистоты крови, — пожал плечами Оливия. — Способы у них отвратительные, конечно, я так и не прониклась.

— Поддерживаю, — тут же сказал Эрик.

Майлз склонил голову набок, смотря на них так, будто бы они наивные дети. Первой его поняла Сабрина, которая тихо выругалась и медленно опустилась обратно на стул.

— Способы у них отличные. Потому что в каком ещё мире Розье будет поддерживать тебя и Моргана, а вы за радость ему аплодировать? — развёл руками Майлз.

Эрик сразу же хотел парировать, убеждая Майлза, что это не так, но прошедшие события тут же заструились перед глазами каруселью. Они начинали вспоминать все разы, когда «случайно» пересекались или «удивительно точно» знали ответы на вопросы друг друга. Каждую ситуацию, когда они дружно занимались, моменты, когда вместе куда-то ходили или обсуждали вещи, далёкие от школы и заданий.

Осознание свалилось на них ударной волной, поражая и заставляя опуститься обратно на стулья. Они не были готовы к такому, и хоть ничего плохого не произошло, но чувствовали себя обманутыми. Ведь ими просто умело манипулировали, причём не враги или родители, а любимые деканы, в которых они верили иногда больше, чем в самих себя.

Первой тишину нарушила Оливия, цвет лица которой был под стать галстуку.

— Предлагаю и нам немного с ними поиграть...

Примечание к части

Двойко отношусь к этому временному скачку. С одной стороны стоило бы расписать ребят, но с другой мне кажется, что отношения Драмионы намного лучше ощущаются именно с таким временным промежутком. А они всё-таки первостепенные у нас. Что думаете?

Больше спойлеров, меня и информации о главах на канале <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 9 «Обмануть декана за две сцены»

Взмахнув палочкой, Драко отправил смокинг в шкаф и окинул взглядом комнату, прежде чем пойти в сторону своего кабинета. Занятия уже закончились, поэтому студентов в коридорах практически не было. Большинство либо находилось на улице, либо собирались к скорому Хэллоуину, либо расположились в своих гостиных.

Драко любил предпраздничные периоды: все увлечены приготовлениями, подарками и планированием. И абсолютно никого не волнует исправление оценок, выяснения с ним отношений и налаживание контакта. Именно такими вечерами Драко любил заниматься зельями: варить старые, создавать новые и пополнять собственную кладовую. Где при желании можно было найти совершенно непозволительное.

Но не успел Драко и свернуть к своему кабинету, как заметил Фоули, бежавшего к нему со всех ног. Увидев его, Драко остановился и тяжело вздохнул, ожидая просьбы об очередном освобождении от занятий для подготовки к скорому квиддичному матчу. Слизеринцы из команды знали, что Драко, как бывший ловец и истинный болельщик своего факультета, всегда пойдёт им навстречу.

— Профессор Малфой, поговорите с Эриком. Ему, видимо, бладжер в голову ударил, — тут же начал возмущаться Фоули.

Сведя брови к переносице, Драко не сразу понял, что тот имеет в виду, пока Фоули не продолжил:

— Пришёл в раздевалку перед тренировкой. Раздал свои вещи, сказал, что я теперь капитан, и отправился с Брэдли в библиотеку.

От безысходности и шока Фоули едва ли не кричал и был готов взорваться прямо на месте. Казалось, будто для него рушился привычный мир, а не друг уходил из квиддичной команды.

Услышав это, Драко удивился. Для человека, который ради игр и тренировок был готов пропустить даже каникулы, Розье слишком просто расставался с командой. Если бы Драко спросили, с чем он готов ассоциировать данного студента, он бы без колебаний назвал квиддич.

Розье, может быть, и слегка глуп в силу возраста и воспитания, но он был лучшим ловцом, отличным капитаном и лидером, способным привести команду к победе. Не всегда честными, правильными и допустимыми методами, но с полной отдачей и любовью к делу.

Да и к тому же, сколько Драко ни говорил с ним, мечтой Розье был большой спорт. Его не интересовали науки, зелья или Министерство. Квиддич, слава лучшего игрока — вот что было для него главным и становилось целью на обозримое будущее. И он решил так просто от этого отказаться?

Ещё вчера Розье создавал стратегию по уничтожению Когтеврана на матче, а сегодня сложил метлу и ушёл в библиотеку?

— Я поговорю с ним, — строго сказал Драко и сделал пару шагов в сторону, обходя Фоули. — Разберёмся.

Похлопав его по плечу, Драко быстрыми шагами направился в указанное место, где встретить Розье раньше мог разве что под Империсом. Но чтобы тот добровольно, по собственному желанию и без пререканий пошёл туда? Это было невероятно.

Преодолев несколько лестниц и коридоров, Драко наконец оказался в библиотеке, где за одним из столов сидели Розье и Брэдли, изучающие книги. И если Брэдли с литературой он представить мог легко, то Розье здесь был для него в новинку.

Драко быстро подошёл к их столу и опустил кулак на крышку, привлекая внимание студентов. Увидев его, Брэдли широко раскрыла глаза и тут же отвернулась, смотря на книжные стеллажи, к которым и планировала идти.

— Правильное решение, Оливия, нам с Эриком нужно поговорить, — строго процедил Драко.

— Конечно, профессор Малфой, — тут же буркнула она и скорее удалилась.

Розье же ещё несколько секунд листал одну из магловских книг, отчего глаза Драко широко раскрылись, и он на мгновение засомневался, кто перед ним.

— Я знал, что Каспер сразу побежит к вам, — откладывая литературу, сказал Розье. — Но не думал, что настолько быстро.

— Если бы капитан моей команды сложил метлу и ушёл, я бы тоже бежал быстро, — спокойно ответил Драко, вглядываясь в лицо Розье.

Тот усмехнулся.

— Удобно, что капитаном на последних курсах были вы, да? — спросил Розье, склонив голову набок. — В любом случае вы не убедите меня вернуться.

— Я пришёл не переубеждать, — хмыкнул Драко.

Спокойно, равнодушно, будто это его и правда не заботило. Драко помнил, что Розье относился к нему с уважением и постоянной потребностью во внимании. Доказать, что уход из команды — один из способов её получения, было бы фатальной ошибкой. А таковых Драко не допускал с некоторых пор...

— Спортивный интерес, — пожал плечами Драко. — Что могло стать увлекательнее?

Розье прищурился, явно не ожидая такого ответа. После медленно покрутил головой по сторонам, словно ожидая одобрения или появления другого человека. А уже потом вернул взгляд к Драко.

— Я понял, что спорт — это очень недальновидно, — спокойно сказал Розье. — Даже при всех наших зельях есть травмы, которые могут в одну секунду закончить всё. Мне кажется, что нужно что-то более стабильное...

— Раньше тебя это не сильно волновало, — усмехнулся Драко. — А как же рёв толпы, известность, фанаты и девушки в очереди?

Розье на секунду задумался, словно в очередной раз перечисляя это в своей голове. Казалось, что он не был уверен в своих словах, будто что-то или кто-то подтолкнул его к этому решению.

— Риск всё равно велик, — ответил Розье. — Профессор Грейнджер часто говорит об известных маглах...

И в эту секунду в голове Драко прозвучал щелчок. Настолько звонкий, что последние слова Розье он даже не услышал. Действительно, кому ещё из его знакомых удавалось переубеждать студентов настолько прозаично и при этом невинно? Грейнджер.

Её властолюбие имело несколько форм, и одной из них было лёгкое и непринуждённое убеждение, отлично работающее на таких, как Уизли. Она не навязывала им свою точку зрения, как любила. А напротив, сооружала вокруг них обстоятельства и приводила примеры, которые подталкивали к нужным ей решениям.

И да, как же Грейнджер, первая в очереди на отмену квиддича (ведь метлы боялась и не подходила), не могла не попытаться переубедить капитана слизеринской команды? В её понимании, спорт — это пустая трата ресурсов, потому что слава приходит и уходит, а знание и высокие должности остаются. Для неё важнее, окажешься ли ты в учебнике истории, чем твоё имя на кубке или значок лучшего.

Но раздражало Драко не это. Грейнджер могла думать что угодно, и моментами Драко даже был с ней согласен. Ему не нравился факт, что она, как, впрочем, и всегда, переступала границы не только своих, но теперь и его студентов.

Драко ненавидел, когда учили его самого, понимал, насколько это тяжело для его студентов, сталкивающихся с подобным от родителей. Поэтому всегда давал наставления, объявлял правила и наказания за их нарушение. Но он никогда их не переубеждал.

Только факты и ситуации, решение всегда за человеком. Грейнджер же так не умела. В такой же стратегии, как и Драко, её поведение было настолько локально и целенаправленно, что сопротивляться сил иногда не оставалось. И Драко мог мириться, когда это касалось исключительно его самого. Но только не слизеринцев — детей, искавших в этих стенах спасение от подобного.

— Профессор Грейнджер, значит, — подавив собственное возмущение, сказал Драко.

— Да. Знаете, она такая умная, — восхитился Розье. — Думал, что буду ненавидеть наши занятия, а теперь обожаю. Даже вот, читаю книги.

С этими словами он кивнул на несколько магловских историй перед ним.

— Правильное решение, — хмыкнул Драко. — Побольше читай, Розье.

Драко похлопал его по плечу и скорее двинулся в сторону спален, собираясь громко обсудить с Грейнджер текущие вопросы. Загорающиеся злость и раздражение едва не бурлили в нём, пелена застилала глаза, отчего он даже не сразу заметил Дафну, стоявшую немного дальше от их стола.

— Что-то случилось? — спросила она, не сводя взгляда с Розье.

— Не видела Грейнджер? — едва не прорычал Драко, смотря на неё.

— Собиралась занести мне документы в комнату минут десять назад, — пожалала плечами Дафна.

Драко ей даже не ответил, лишь слегка кивнул и быстрыми шагами направился в сторону преподавательской гостиной.

Как только профессор Малфой удалился, Оливия сразу же хотела выйти из-за стеллажа и поговорить с Эриком. Но вдруг к нему медленной походкой, с фирменным скептическим взглядом и высоко поднятой головой подошла профессор Гринграсс. Её руки были скрещены на груди, светлые волосы почти сливались с бледным лицом, а зелёные глаза, подобно змеиным, изучали Эрика.

— Читаешь, Розье? — скучаясь спросила она, замирая возле него.

Эрик широко улыбнулся и откинулся на спинку стула, расслабляясь.

— Да, балуюсь магловскими книгами, — сказал он и взял одну из них в руки. — Безумно интересно, не оторваться. Вы не против, если продолжу?

С этими словами он раскрыл одну из первых попавшихся книг и начал делать вид, словно увлечён текстом. Профессор же осмотрела его с ног до головы, а после аккуратно, краем пальца, прикрыла книгу, читая обложку.

— «Портрет Дориана Грея», — медленно протянула она. — О чём книга?

Эрик на секунду замер, потому что и понятия не имел, о чём произведение. Страх за него заставил сердце Оливии пропустить несколько звучных ударов, а совесть прикусить язык.

— О портрете, — пожал плечами Эрик.

— Говорящем, наверное, да? — спросила Гринграсс.

— Да, разумеется, — спокойно ответил Эрик.

Понимая, что каждый следующий вопрос будет лишь глубже копать им могилу, Оливия вышла из-за стеллажа. Её нервный смех привлёк внимание профессора, а стопка новых фолиантов заставила Эрика облегчённо выдохнуть.

— Доброго вам дня, — с лучезарной улыбкой сказала Оливия, взглянув на Гринграсс.

— Здравствуй, Оливия.

— Что это ты принесла? — с фальшивым энтузиазмом спросил Эрик. — Как много грязных, пыльных и толстых книг. Всю жизнь мечтал.

Профессор в очередной раз обвела их обоих взглядом, а после кивнула и, развернувшись, направилась в сторону выхода. Оливия вытянула шею, следя за тем, как Гринграсс удаляется, и надеясь, что следующих слов она не услышит.

— У маглов портреты не говорят, — тяжело выдохнула Оливия и села за стол.

— Зато меньше сплетен, — спокойно ответил Эрик. — Всё детство ненавидел, как они обсуждали воспитание моих родителей.

Оливия тихо усмехнулась, задумываясь, каково расти в волшебном доме. Даже спустя несколько лет обучения в Хогвартсе многие вещи казались ей удивительными. Она не могла вообразить, как бы сложилась её жизнь, родись она в магической Британии. И насколько бы чужд был понятный и родной Лондон.

— Ты нечасто говоришь о родителях, — медленно произнесла Оливия. — О предках и других родственниках — да, но они...

— Не люблю углубляться в вещи, которые не могу понять, — расслабленно ответил Эрик и откинулся на спинку стула.

— Как можно не понимать собственных родителей? — удивилась Оливия, садясь корпусом к нему.

Она опустила руку на стол и подпёрла ею подбородок, внимательно разглядывая профиль Эрика.

— Очень просто, — горько усмехнулся он. — Когда для семьи ты не ребёнок, а инвестиция, не знаешь, что из их слов правда, а что — выгодное им вмешательство.

На мгновение в сердце Оливии кольнуло от такого. Для неё родители всегда были опорой и поддержкой во всём. И даже допустить мысль, что всё могло сложиться иначе... Она не хотела этого делать, потому что была уверена в своей семье.

Но от этого слова Эрика не становились менее болезненными и тяготящими.

— Брэдли, давай без похоронных лиц, — смеясь, сказал Эрик и слегла толкнул её в плечо. — Со временем я привык. Правда, до сих пор сомневаюсь в каждом человеке и его шаге.

— Это невероятно тяжело, — покачала головой Оливия. — Не с кем поговорить, некому довериться...

— Лёгкое решение — не создавай тайны, тогда и потребности в доверии не будет.

Оливия горько улыбнулась и отвела взгляд, задумываясь, почему от Эрика могло поступать столько агрессии. В её понимании, абсолютно у каждого человека должны быть близкие, которым можно рассказать всё, что у тебя на душе. Их отсутствие обозначало для неё концентрацию негатива, выливающуюся на окружающих.

За несколько секунд Эрик Розье стал лучше в её представлении.

— Например, я искренне полагал, что Малфой скрывает свою ненависть к... — Эрик резко замолчал, а после взглянул в глаза Оливии, заставляя ту затаить дыхание. — К маглорождённым. Но сейчас лишь убеждаюсь, что эта чистокровная теория — выдумка.

— Теория? — удивилась Оливия, отвлекаясь от раздумий.

— Да, — пояснил Эрик. — Большинство чистокровных семей так считают. Будто Малфои просто подстроились под общество, чтобы сохранить имя. А их взгляды ни капли не изменились.

— Не замечала неискренности в его словах на занятиях, — пожала плечами Оливия.

— Потому что это всё ложь. Профессор другой, он смог взглянуть на мир шире, но не афиширует, чтобы научить этому нас, — улыбнулся Эрик. — Даже если наши родители против.

Услышанное грело душу Оливии. Само понимание, что такой человек, как Малфой, всегда казавшийся ей достаточно холодным, способен на такое... Это было удивительно, но вместе с тем без сомнений радовало, потому что она смогла учиться у него.

Заметив её задумчивое лицо, Эрик пригнулся вперёд и остановил свой взгляд на ней, ни на секунду не отрываясь. От этого она улыбнулась и скромно опустила глаза, всматриваясь в корешки книг у края стола.

— А как воспитывают маглы? — с интересом спросил Эрик. — Уверен, что всё очень строго. Вы с Грейнджер слишком помешаны на контроле.

Оливия тихо засмеялась и покачала головой.

— У меня четверо младших братьев и сестёр, — выдохнула Оливия, заметив удивлённый взгляд Эрика. — Заботясь всё детство о других, учишься ответственности.

— Поразительно, — улыбнулся он. — Я с другими чистокровными редко виделся, а у тебя целый дом таких же детей.

— Да, семья это здорово, но порой от них устаешь, — тяжело вздохнула она.

Эрик несколько секунд смотрел на неё, прищурившись, пока не засмеялся тихо.

— Поэтому ты сюда сбежала? — спросил он.

Оливия закатила глаза и потрепала его по голове. Эрик пытался спастись от неё, но в результате она придвинулась только ближе, начиная его щекотать. В одну секунду он схватил её за запястья, крепко их удерживая, и замер, смотря на неё.

Они вновь стояли друг к другу непозволительно близко, как тогда, на улице, или каждый раз, когда слишком детально объясняли задания. В Оливии такие моменты пробуждали новые эмоции — приятные, создающие потребность в самих себе и его прикосновениях. Эрик казался ей особенным, не таким, как Курт или другие студенты. В нём было нечто граничащее с тяжестью и лёгкостью, чёрным и белым, простым и сложным.

Это привлекало. Она не знала, что он сделает в следующую секунду.

И почему она вчера вела себя настолько глупо? Зачем было высказывать всё, что думала, Малфой? Будто его это когда-то могло заинтересовать. Да и трактование хорошего настроения, как угрозы рабочему процессу, выражало не те мысли, которые Гермиона хотела бы до него донести.

Впрочем, что она вообще хотела до него донести? Все переживания, преследующие её из-за потери его близкого общества, походили на одержимость. Или, что отразится на её будущем гораздо хуже, чувства.

К Малфой. У неё.

Даже в голове звучало абсурдно, потому что он никогда не был и не мог стать её мужчиной. Малфой был однокурсником, врагом, знакомым, в конце концов, коллегой, но не больше. В этом она пыталась убедить себя, но переживания, эмоции и потребность в нём противоречили всему, что она себе представляла.

Её сердце ломало выстроенную разумом стратегию настолько нещадно, что хотелось сдаться. Руки сами тянулись к белому флагу, чтобы признать поражение. Оно означало освобождение от всех предрассудков и мыслей об окружающих. От надоедливо крутящегося в разуме вопроса:

«А что, если?..»

Но вместе с этим паника в груди росла в геометрической прогрессии и не собиралась останавливаться. Ей было страшно отпустить, но больно держать. Ловушка разума, заканчивающаяся на обрыве вместо выхода.

Поэтому Гермиона искала причину. Ответ на вопрос: почему Малфой мог её отторгать? Любопытно, что каждому факту она находила контраргумент, выводив саму себя в ноль и почти признавая поражение.

Замерев совсем недалеко от гостиной педагогов, Гермиона спиной откинулась на стену, смотря на пустой двор Хогвартса сквозь окно. Мысли путались...

— Но это неправильно, — обречённый голос Венди заставил обернуться. —

Мы же хорошие.

Гермиона сделала несколько тихих шагов и аккуратно выглянула из-за угла. Совсем рядом стояла маленькая Венди, а напротив неё сидел Курт, протягивающий сложенный пергамент.

— Иногда хорошим людям приходится делать неправильные вещи, — тяжело выдохнув, ответил Курт.

Венди пару секунд смотрела на него, а после аккуратно взяла лист, разворачивая его и читая. Подняв взгляд на брата, она сложила пергамент обратно и протянула ему, отрицательно качнув головой.

— Даже если меня обижают, я не стану платить им той же монетой, — строго пояснила Венди.

Курт тяжело вздохнул и на секунду отвернулся к стене, его лица Гермиона не видела, но подозревала, что там кроется отчаяние. Приняв прежнее положение, Курт взял Венди за руку и медленно её погладил, смотря в глаза сестре.

— Пойми же, Венди, — сказал Курт. — Будет только хуже, с каждым годом. Пока ты не дашь им отпор.

Произнеся последние слова, Курт показательно приподнял лист.

— Профессор Нотт запрещает использовать подобную магию, — топнула ногой Венди. — И я буду слушать его!

— Венди, дорогая, иди к себе, — вмешалась в разговор вышедшая из-за угла Гермиона.

Венди обернулась и от неожиданности открыла рот, уже собираясь оправдывать брата. Но Гермиона возвела перед собой ладонь, призывая молчать, а после кивнула в сторону коридора, ведущего к гриффиндорской гостиной.

Как только Венди скрылась, Гермиона сразу перевела осуждающий взгляд на Курта. Он же, словно ничего не произошло, отвёл глаза, рукой пытаясь нащупать карман, чтобы убрать лист.

— Курт... — на выдохе произнесла Гермиона, стараясь сохранять строгость в голосе.

— Я знаю, что вы скажете, профессор, — тут же выпалил он, не собираясь её слушать. — Но мне осточертело ваше миролюбие.

В его тоне закончились попытки на спокойствие и умиротворение. Казалось, будто Курт, который только что говорил с сестрой, испарился — остался лишь озлобленный студент.

— Уже давно нужно показать, что мы значим, и, так как ваши методы не работают, — он двинулся в сторону гостиных, — я использую те, что предлагает профессор Малfoy.

Гермиона не успела сказать и слова, как он скрылся из её поля зрения, оставляя Гермиону наедине с собственным возмущением и желанием провести с Малфоем серьёзный разговор.

Отдавая своих студентов Малфою, она и понятия не имела, что он научит их не любить чистокровных, а мстить им. Гермиона последние несколько лет пыталась подавить в смелых гриффиндорцах жажду приключений и постоянное желание напасть на Слизерин. А он... Малфой перечеркнул всё, что она так старательно строила годами, всего за два месяца?

Развернувшись, Гермиона быстрыми шагами направилась к гостиной педагогов и, произнеся пароль, забежала туда, взглядом ища Малфоя. Но там были лишь Нотт и Забини, пытающиеся играть в магловский покер.

— Где ваш потерявший совесть друг? — строго спросила она, вставая перед их столом.

Нотт и Забини непонимающе переглянулись между собой, а после посмотрели на Гермиону.

— А я говорил Долгопупсу не трогать твои книги, — тут же защитил себя Забини.

— Зато теперь они будут с запахом отменной травы из пуффендуйских теплиц, — с улыбкой заявил Нотт, смотря в карты.

— А я хотела по-хорошему, — пожала плечами Гермиона.

Она обошла Забини и встала за его спиной. Тот не сразу понял её намерений, но тут же выругался, когда она начала рассматривать его карты. Запомнив их, Гермиона вернулась в исходную точку, осуждающе оглядывая обоих.

— Считаю до трёх, не скажешь, где Малфой, и я озвучу твои карты, — добавила она. — Один...

— Грейнджер, — недовольно развёл руками Забини.

Тео тут же дёрнул её за пиджак, заставляя посмотреть на себя.

— Там стрит, да? — спросил он.

— Вскрывайся и узнаешь, — парировал Забини.

— Два, — громче скомандовала Гермиона, замечая, как оба начали суетиться.

— Понятия я не имею, где твой Малфой, — выпалил Забини. — Где бросила, там и ищи.

— Всё-таки флеш, Грейнджер? — попытался влезть Нотт.

На этих словах возмущённый Забини уже бросил в него пустым пластиковым стаканом, от которого Нотт увернулся и громко рассмеялся.

— А ещё спрашивал, почему дартс не выбрали, — улыбнулся Нотт.

Закатив глаза, Гермиона уже хотела объявить последнюю цифру, как услышала звук отъезжающего портрета. Повернув голову ко входу, она увидела разъярённого Малфоя, быстродвигающегося к ней.

— Грейнджер, кто дал тебе право распоряжаться будущим моих студентов? — гневно зарычал он, возвышаясь над ней.

Но сейчас Гермиону это ни капли не беспокоило, она лишь шагнула ближе к нему, высоко вздёрнула подбородок и ответила:

— Шла к тебе с тем же вопросом, — в такт ему сказала Гермиона. — Решил найти причину исключения для Гриффиндора?

— Знаешь, была бы отличная месть, — развёл руками Малфой. — Ты же лишила меня капитана команды за неделю до игры!

От услышанного Гермиона на секунду онемела.

— Что ты за человек, Малфой?! — возмутилась она ещё громче. — Мало того, что учишь студентов мстить неизвестно какими проклятиями, так ещё и оговорить меня решил?

— Следи за языком, Грейнджер, — твёрдо потребовал он. — Или лучшая защита — это плохо выдуманное нападение?

Казалось, они были готовы вцепиться друг в друга сию же секунду. И, возможно, это бы произошло, потому что от переполняющих эмоций, шока и возмущения Гермиона уже тяжело дышала, а её желание выплеснуть это всё физически становилось всё более необузданным. Но вновь послышались звуки портрета и двух пар каблуков, которые медленно вошли в гостиную. Джинни и Гринграсс осуждающе осмотрели Гермиону и Малфоя, прежде чем тяжело вздохнуть и подойти ближе.

— Вас слышно в библиотеке, — отметила Гринграсс, усаживаясь рядом с Ноттом. — Учебник не поделили?

— Или кровать, — шепнул Забини, ловя хитрый взгляд Джинни.

Гермиона свела брови к переносице и строго посмотрела на Забини.

— Малфой сказал Курту, что лучшая защита — это нападение, из-за чего он сегодня подбивал Венди наложить на слизеринцев проклятие, — злилась Гермиона.

Услышав это, Малфой взглянул на неё, словно не веря.

— Даже знать не хочу, зачем ты это придумала, — выругался он. — Но больше меня волнует, что после твоих рассказов о плохом квиддиче Розье ушёл из команды.

— Что? Я вообще не говорю о нём, — скрестив руки на груди, ответила Гермиона.

После услышанного Гринграсс и Джинни переглянулись между собой и кивнули друг другу, будто в их головах сошёлся известный только им пазл. Уже потом они вновь посмотрели на Гермиону и Малфоя.

— То есть два ваших студента... — начала Джинни.

— Которые ходят друг с другом каждый день... — добавила Гринграсс.

— Сегодня почти одновременно попались вам на глаза и совершили вещи, которые точно бы вас разозлили...

— И сообщили, что виноват в этом другой декан.

Гермиона и Малфой сначала замерли, не представляя, к чему ведёт разговор, но уже через несколько секунд понимание стало медленно к ним приходить. Гермиона едва не вскрикнула, осознав, что они раскрыли их с Малфоем стратегию и решили отплатить той же монетой.

— Тесты на эрудицию тоже вычёркиваю, — тяжело выдохнув, сказал Нотт. — Они сразу проиграют...

Глава 10 «Способность переключаться»

Учась в Хогвартсе, Гермиона редко понимала, что испытывали студенты под властным взглядом заместителя директора. Но, став преподавателем, она часто под него попадала. И далеко не по вопросам учебных процессов. Казалось, будто Паркинсон заботило это в последнюю очередь, а куда важнее была внешняя составляющая. По крайней мере, в отношении Гермионы...

— Это не так плохо, — вынесла свой вердикт Паркинсон. — Разве что...

Гермиона вздрогнула от прикосновения палочки, а после ощутила лёгкую прохладу, пробежавшую по плечам. Взглянув в зеркало, Гермиона осудительно посмотрела на Паркинсон, которая довольно оценивала платье, делая рукава более блестящими.

— И кто я, по-твоему? — выгнув бровь, спросила Гермиона.

Паркинсон тяжело вздохнула и на пару секунд подняла голову кверху, тихо шепча проклятия.

— Звёздное небо, Грейнджер, — ответила Паркинсон и коснулась волос Гермионы.

— Нет, — строго сказала та, перехватив руку. — Не люблю, когда их трогают.

Паркинсон хмыкнула, но всё-таки отшагнула. Её ладонь мгновенно опустилась в сумку, вытягивая оттуда небольшую заколку любопытной формы. Гермиона сразу свела брови к переносице, рассматривая её.

— Это созвездие? — спросила Гермиона.

— Да, наденешь? — прищурившись, спросила Паркинсон.

Гермиона улыбнулась и приняла украшение, пытаясь вспомнить, что оно означало. Самые популярные созвездия сразу покинули сознание, а более редкие восстановить в памяти спустя годы было сложнее. Ей стоило уточнить название у Паркинсон, но, когда заколка больно кольнула висок, эта мысль улетучилась.

— Теперь и в Министерство пойти не стыдно, — довольно произнесла Паркинсон.

— Я тебя прекрасно слышу, — пропела Гермиона.

— Жаль, что не слушаешь, — вздохнула Паркинсон.

Сказав это, Паркинсон вышла за дверь, Гермиона проводила её взглядом, а после вновь посмотрела на себя в зеркало. Слишком давно она не выбиралась за пределы школы, постоянно отдавая себя ей. Другие преподаватели часто выходили в свет, посещали мероприятия, вечеринки старых друзей, квиддичные матчи...

И Гермиону постоянно звали, но всегда находилась причина не идти. То непроверенные конспекты, то несоставленный учебный план. Все время появлялись вещи, которые она ставила выше радости, веселья и беззаботного отдыха. Так она себя научила, считая, что каждый день, час и минута должны быть полезными. А если за сутки не сделал ничего важного — они прожиты зря.

Но с годами эта тактика всё чаще её подводила, принося не удовольствие, а выработывая чувство долга.

Гермиона любила свою работу, безоговорочно. Горела, жила ею и была благодарна Гарри за пристанище. Но вместе с этим забыла, в какой момент навязанный и вынужденный отдых перестал приносить дискомфорт, а превратился в потребность.

Всё чаще Гермиона видела свою жизнь как марафон, где она несётся навстречу смерти, пока другие медленно движутся, наслаждаясь благами.

Возможно, этот приём должен показать, как может быть? Её хочет поздравить Кингсли, определённо, это результат достигнутой цели. И раз Гермиона добилась её, то стоит напомнить, что работа это часть жизни, а не её фундамент?

Улыбнувшись, Гермиона кивнула сама себе и, взяв сумочку со стола, вышла в коридор.

— Но они сделали это командой, — отметил Поттер. — Попытка отомстить преподавателям, действуя сообща, — тоже отличный результат.

Драко хмуро посмотрел на довольного Поттера, отчего потребность в огневиски стала ощущаться сильнее. Бескрайний позитив, вероятно, передавался по директорской линии. Либо же ежедневное нахождение с портретом Дамблдора выжгло в Поттере любую перспективу на пессимистичный настрой. Впрочем, это не имело значения, потому что он в любом случае раздражал Драко.

— Обязательно передадим им твоё восхищение, — хмыкнул Драко.

— А лучше закрепите результат, — улыбнувшись, сказал Поттер. — Устройте командное задание. Главное, с хорошим призом. Чтобы они боролись за него сообща.

Закончив, Поттер кивнул в сторону кладовой Драко, где тот хранил изготовленные зелья.

— Не распоряжайся моими запасами, — прищурился Драко.

— Но идею Гермионе всё равно подбрось, — сказал Поттер. — На этих ваших тайных встречах по планированию.

— Их уже давно нет, — раздражённо заметил Драко.

И если звери двигались инстинктивно, обходя все опасные места, то Поттер ровно наоборот. Казалось, что за несколько минут их разговора он шагнул по всем дорогим для Драко темам. Начиная от его мыслей о студентах и заканчивая прекращёнными встречами с Грейнджер.

Последнего Драко не хватало особенно сильно. Спустя пару месяцев её почти отсутствия в его жизни он ощутил это сполна. А её недавние слова о другой девушке были лишь очередным зелёным флагом, вселяющим надежду.

Если до вчерашних событий Драко сомневался, стоит ли делать первые шаги к возобновлению их общения, то сейчас был абсолютно уверен, что верней пути ему уже не найти. Она хочет того же, что и он, но по своей натуре отказывается признаваться в этом даже самой себе.

От этой мысли он улыбнулся. Отрицать вещи, контроль над которыми ускользает сквозь пальцы, вполне в её духе.

— А стоит возобновить, — строже порекомендовал Поттер. — Общайся вы чаще, быть может, и план ребят...

И это было единственным, в чём Поттер оказался прав. Встречи нужно было восстановить, с этим Драко уже согласился. Но не только из-за них с Грейнджер и их обоюдной потребности друг в друге, а чтобы сохранить державшийся на волоске мир, ведь она своими вопросами о девушках его уже пошатнула.

Это была основная причина. Не желание проводить с ней больше времени и видеть её горящие от новой идеи глаза, а дети и всеобщий мир, определёнno.

Драко шумно выдохнул и отрицательно покачал головой. Да, отрицать вещи, контроль над которыми ускользает, было не только в её духе. Но ему хотелось первым переступить эту грань.

— А вот и они...

Услышав Поттера, Драко поднял взгляд и, кажется, перестал дышать на несколько мгновений. Грейнджер, всегда носящая пиджаки, рубашки, джинсы и лишь изредка закрытые платья, опускалась на Хогвартс словно звёздная ночь.

Чёрное обтягивающее платье не оставляло простора для фантазии. Лишь подчёркивало идеальную талию, желание коснуться которой зудом отдавало в ладони. Контрастировало с бронзовой кожей, хрупкими плечами и улыбкой, жарче пожара.

Её волосы, всегда собранные в строгие причёски, кудрявыми волнами опускались по открытой спине. Он и не мог представить, что за столько лет они стали такими длинными и ещё более изящными. Но то, что обескураживало его окончательno, это заколка, открывающая миниатюрную шею.

Либо он сошёл с ума, либо видел созвездие Дракона, светящееся на голове краснеющей от его взгляда Грейнджер.

Осознав, что она уже стояла непозволительно близко и все ждали лишь его, Драко отмер. И в секунду понял, что всё это время улыбался — настолько ярко и неосознанно, что смог привлечь внимание всех стоящих.

— Драко, наверное, тоже пытается понять, что за созвездие в твоих волосах, — отметила Пэнси и, подмигнув ему, взяла за руку Поттера.

— Ты правда знаешь? — тихо спросила Грейнджер, подходя к нему.

— Я не настолько осведомлён, как профессор астрономии, — с улыбкой отметил Драко. — Но я знаю, чем её напоить, чтобы она созналась.

Грейнджер засмеялась и кивнула, поспешив в сторону выхода из замка, где их и ждала карета. Драко медленно двигался за ней, всё ещё отходя от лёгкого покалывания на коже и громко бьющегося сердца.

Она была изумительно прекрасна, как в тот вечер на легендарном Святочном балу. И единственное, что радовало Драко в походе на этот приём, — сегодня она окажется не в объятиях Крама, а в его собственных. Драко надеялся украсть у Грейнджер не один танец.

Нагнав её у самой кареты, Драко сразу открыл дверь, подавая руку. Она на секунду удивилась, но ладонь протянула. Медленно, аккуратно, неотрывно смотря на Драко.

— Я был уверен, что вы справитесь, — продолжал разглагольствовать Кингсли. — Одни из самых гениальных волшебников.

Гермиона отвернулась, стараясь сдерживать вырывающийся наружу смех. Она не могла сосчитать, сколько раз за недолгий вечер услышала эту фразу. Казалось, что речь Кингсли в принципе состояла исключительно из неё, только в разных интерпретациях. С одной стороны, это безумно льстило, а с другой — всё чаще напоминало, что ещё пару месяцев назад Кингсли был готов закрыть школу.

Его мнение и слова зависели напрямую от давления других вышестоящих магов. И он мог кричать с тем же успехом, как сейчас восхвалять, только в иных обстоятельствах. Это напоминало Гермионе важную мысль, которую вкладывала в её голову ещё Макгонагалл.

Да, ты велик и на вершине, пока делаешь вещи, приносящие выгоду. Но стоит Гермионе или кому-то из её окружения опрометчиво шагнуть — они вернутся в изначальную точку, а все их достижения сотрутся.

Удивительно, но на первых курсах Гермиона искренне полагала, что нет человека главнее министра в Британии. Ей искренне казалось, будто он мог всё: от преобразования Хогвартса до издания тысячи магических законов.

Но с годами она всё чаще разочаровывалась, понимая, что, какой бы абсолютной ни представлялась власть, она не безгранична. Существовали чины хоть и ниже, но не менее влиятельнее, которые при должной мотивации могли даже министра прижать к стене.

Это и случилось с Кингсли. Некогда солдат, которого она безгранично

уважала, теперь ломался под натиском собственной власти. В нём боролись наработанные годами принципы и желание подчиниться давлению. Потому что это было проще, спокойнее, но совершенно лишало воли. Вероятно, поэтому он постепенно принимал политику Дамблдора?

«Этого не могу сделать я, но можешь ты, мой мальчик».

Излюбленная некогда директором привычка перекладывать ответственность на другого. И вроде ты участник событий, наставник, пропагандируешь верный путь и решения. Но при этом никаких активных действий не принимаешь, возможно, потому что больше не можешь...

Это понимание угнетало Гермиону и всё дальше отталкивало от рабочего места в стенах Министерства магии. Наверное, по этой причине она согласилась сразу же, когда Гарри предложил ей стать деканом и преподавателем. В школе, несмотря на отдалённость и защищённость замка, она была свободнее.

— А мисс Бронте сегодня не будет? — вскользь упомянула Паркинсон, постукивая указательным пальцем по бокалу с шампанским.

Это было сказано настолько беззаботно и спокойно, что Гермиона в очередной раз удивилась способности слизеринцев скрывать эмоции. Зная, насколько Паркинсон раздражали Бронте и её позиция по отношению к Хогвартсу, удивительно, что Паркинсон не стала искать её первым делом, когда они вошли в зал. Напротив, Паркинсон спокойно, с фирменной улыбкой и элегантными высказываниями общалась с министром, делилась их с Гарри идеями и успехами.

Она отлично подстраивалась под ситуацию, чего нельзя было заметить в Гарри. Он хоть и пытался оставаться доброжелательным и почтительным по отношению к большинству присутствующих, но получалось у него это откровенно плохо. По крайней мере, насмешку от слов Кингсли о вере в них он скрыть не смог. Но в этом и был весь Гарри, извинившийся после и переложивший все блага на Гермиону и Малфоя.

— Она задерживается, — махнул рукой Кингсли. — Какие-то дела в этих ваших новомодных салонах.

— Кожу сбрасывает? — с ухмылкой уточнил Малфой, делая глоток огневиски.

— Профессор Малфой, — осудительно сказал Кингсли. — Не стоит говорить так о почтительных лицах Министерства магии.

А после Кингсли внимательно осмотрелся по сторонам и вновь взглянул на Малфоя.

— Но вы ужасно правы.

Все тут же улыбнулись и чокнулись бокалами, наслаждаясь праздником. Вокруг них играла изысканная музыка, слышался гул разговоров и принимались важные решения. И впервые Гермиона была рада, что находится по иную сторону, беззаботную и весёлую, а не использующую мероприятия для встреч. Это воодушевляло.

Сделав последний глоток шампанского, Гермиона поставила бокал на поднос мимо проходящего официанта. И в моменте, когда смотрела в середину зала, где танцевали люди, Гермиона ощутила на себе чужой взгляд. На мгновение от него стало не по себе, но, обернувшись, она встретилась с серыми глазами Малфоя.

Он внимательно рассматривал её, потрясающе улыбался и, казалось, чувствовал себя так же легко, как и она. И хоть Гермиона знала, насколько профессиональны слизеринцы в транслировании эмоций, в его она ощущала искренность. Весь сегодняшний вечер он не сводил с неё взгляда, заставляя смущаться и искать огрехи в себе. Но с каждым разом она находила лишь подтверждение немого восхищения.

Это было удивительно. Малфой и раньше вёл себя не совсем однозначно, порой его слова звучали слишком двояко и подталкивали к романтическому подтексту. А сейчас, казалось, интерпретировать иначе их было невозможно, как бы она ни пыталась.

Было это следствием её тоски по его обществу или реальностью, Гермиона не понимала. А всё чаще признавалась себе, что и не хотела. Её устраивали те предположения, которые закрадывались в голову последние пару часов.

Когда Кингсли ушёл, Гарри начал внимательно рассматривать гостей, и уже через минуту улыбка ярко осветила его лицо.

— Ты не говорила, что твой отец будет здесь, — покосившись на Пэнси, сказал Гарри.

— Да? Мне казалось, что говорила, — сделав большой глоток шампанского, ответила та.

Гарри свёл брови к переносице, ловя в её непроницаемом выражении лица ложь, и тут же тяжело выдохнул.

— Пойдём, — Гарри подал ей руку.

— Не хочу с ним разговаривать, — тут же сказала Паркинсон, убрав бокал на столик позади себя.

Скрестив руки на груди, она отвернулась, явно не желая не то что идти, даже беседовать о подобной перспективе. На что Гарри опустил взгляд в пол, а после медленно подошёл к ней, аккуратно проводя пальцами по оголённым плечам. Почти невесомо, едва прикасаясь, но достаточно, чтобы её кожа покрылась мурашками.

— Я с тобой, — тише произнёс Гарри, вставая к ней почти вплотную.

От этой картины в груди Гермионы защемило, посылая по телу короткие разряды тока.

— Тебе не нужно делать это одной, мы вместе, — практически неслышно проговорил Гарри.

Поколебавшись несколько секунд, Паркинсон всё-таки кивнула и вложила

свою руку в ладонь Гарри, отправляясь с ним к собственному отцу. Гермиона провожала их взглядом, замечая едва уловимое беспокойство Паркинсон. Казалось, что в эту секунду всегда железная леди на мгновение приспустила маску и была искренней. Точно так же, как Малфой...

— Она до сих пор не рассказала о свадьбе? — аккуратно спросила Гермиона.

— Думал, ты поймёшь её волнение, — пожал плечами Малфой. — Или о несостоявшейся свадьбе с Уизли родителям спокойно сказала?

— Непривычно видеть её такой, — нахмурилась Гермиона, а после косо взглянула на Малфоя. — И Рон опередил меня.

Она услышала, как Малфой усмехнулся, и обняла себя за плечи. Ей тоже хотелось бы, чтобы рядом был человек, который скрасит любое переживание. Гермиона не считала себя слабой, но понимала, что поддержка никогда не бывает лишней. Она может не сильно нужна, но с ней чувствуешь себя уверенно. Это бесценно.

— Гермиона, — послышался знакомый голос.

Повернув голову, она ощутила, будто собственные глаза стали на пару миллиметров больше. Кормак Маклагген уже стоял перед ней, улыбаясь и странно играя бровями. Со школы он так и не изменился: поведение отталкивало, а предложения пугали.

— Потанцуем? — спросил он, протягивая ей руку.

Казалось, она ощутила, как сердце проваливается к ногам, а кровь покидает конечности. Настолько сильно ей не хотелось идти с ним совершенно никуда, а он, подобно призраку прошлого, лишь стоял и глупо улыбался.

— Поздно, Маклагген, — сказал Малфой, закрывая собой Гермиону. — Грейнджер пообещала мне все сегодняшние танцы.

С этими словами Малфой взял её за руку, крепко сжимая. Тепло волнами окатило тело, а чувство защищённости стеной выросло перед ней и нежелательным Кормаком. Тот же, увидев Малфоя, осмотрел его с ног до головы, но всё-таки кивнул и сразу же ушёл.

Гермиона не смогла сдержать улыбки и благодарно взглянула на Малфоя.

— Мерлин, я уже придумывала причину, почему мне скорее нужно уйти, — выдохнула она. — Спасибо.

— Не думай, что спасение дастся тебе просто так, — хмыкнул Малфой, смотря в её глаза.

Гермиона выпрямилась, улыбка с её лица мгновенно испарилась, и она с опаской взглянула на Малфоя.

— С тебя танец, Грейнджер, — сказал он. — Прямо сейчас.

— Ты меня напугал, — возмутилась Гермиона и легко ударила его по плечу,

отчего Малфой засмеялся и тут же потянул её в середину зала, где танцевало ещё несколько пар.

Оказавшись там, Гермиона не сразу вслушалась в музыку. Тёплая рука Малфоя, опустившаяся на её талию, заставила задрожать. Улыбнувшись, она по наитию положила свою ладонь на его плечо, чувствуя твёрдое тело под приятной хлопковой рубашкой.

— Ради этих краснеющих щёк я могу пугать тебя хоть вечность, Грейнджер, — очаровательно улыбнулся Малфой.

В это мгновение другая его рука коснулась её ладони, переплетая их пальцы. Но это не придавало ей и сотой доли чувств, бушевавших от его взгляда. Настолько яркого, тёплого и счастливого, что она не сразу узнала в нём того самого Малфоя, с которым решила сократить общение. Но в нём виделся тот Малфой, по которому она тосковала последние пару месяцев и общество которого стало больше, чем желание. Оно превратилось в потребность.

Не ту, которая поддерживала жизнь, а ту, которая наполняла её.

Движения Малфоя были уверенными, плавными, словно подхватывающими её саму и подсказывающими, что нужно делать. Для Гермионы, помнящей лишь танец со Святочного бала, это было как нельзя кстати. И Малфой, будто зная и понимая это, только подталкивал её к верным шагам, помогая и поддерживая каждую секунду.

— Похвала Кингсли на тебя прекрасно влияет, — отметила Гермиона, крепче удерживая Малфоя.

— Чего не скажешь о тебе, — ответил Малфой. — Удивительно, да? Из нас двоих у тебя синдром отличницы.

— Начинаете разговор с диагноза, мистер Малфой? — усмехнулась она. — Дурной тон.

Он покачал головой и в эту же секунду ослабил хватку и отпустил её талию, оттолкнув от себя. Гермиона едва не упала, но тут же была притянута Малфоем обратно. Настолько быстро и резко, что врезалась в его тело и не сразу отмерла, прижимаясь к широкой груди и жадно вдыхая аромат парфюма.

— Как дела, Грейнджер? — шепнул он ей в волосы.

Осознав, что стоит так уже несколько секунд, она продолжила движение, аккуратно подняв на него взгляд.

— Всё в порядке, — выдохнула она.

— Теперь все правила этикета соблюдены? — ухмыльнулся Малфой.

Гермиона улыбнулась и отвела взгляд. Ей бы хотелось, чтобы её нежелание говорить чувствовали так же, как Гарри считывал эмоции Паркинсон. Но такой радости доставить ей никто не мог, даже Малфой.

Гермиона надеялась, что он больше ничего не спросит. Так и случилось,

Малфой молчал, и она была ему за это благодарна. Он не был тем человеком, с которым ей хотелось сейчас обсуждать свои переживания. Тем более что некоторые из них касались его самого.

Вдруг Гермиона заметила в дальней части зала Линду Бронте, говорившую с Клариссой Фоули. Последнюю она запомнила особенно чётко, потому что её крики в кабинете Малфоя не слышал разве что глухой — настолько она была недовольна попаданием Каспера в список трудных студентов.

— Я не знала, что Фоули дружит с Бронте, — сказала Гермиона.

Малфой сразу проследил за её взглядом. Удивление на несколько секунд коснулось его лица, мышцы едва заметно дёрнулись, а в глазах она заметила подозрение.

— После слов Бронте о чистокровных беспределах — очень даже, — сказал Малфой и тут же повернулся к Гермионе. — Смотри на меня.

Переведя взгляд, Гермиона тут же ощутила на себе чужой, а увидев на лице Малфоя натянутую улыбку, повторила её. Со стороны могло показаться, что они беззаботно танцуют, но оба были напряжены.

По сути, это не должно было вызывать в них подозрений. Две женщины из высшего магического света мило общаются между собой на мероприятии в Министерстве. Что странного?

Но в разуме Гермионы всплывали слова Гарри о том, что именно Бронте раз за разом напоминала, что Тёмный Лорд собрал единомышленников в школе, поэтому её нужно закрыть. Но разве Фоули не были частью тех самых единомышленников? И если она общалась с этой семьёй, почему сын её подруги один из первых, кто подрывает такое хрупкое школьное равновесие?

В голове витало много вопросов, и не на все Гермиона знала ответы. Но зато она сразу сложила факты воедино, а в особенности тот, которым ещё час назад с ними делился Кингсли.

— Не хочу называть чистокровных волшебников злодеями, — медленно начала Гермиона.

— Но Фоули имеют прямое отношение к желанию Линды закрыть Хогвартс, — продолжил её мысль Малфой.

После танца Грейнджер отлучилась всего на минуту, но пропала на целых тридцать. И насколько бы сильно Драко ни хотел выведать детали беседы Фоули и Бронте, он быстро отказался от этой затеи. Способов и возможностей у него будет ещё много, но происшествий, в которые могла попасть Грейнджер, было гораздо больше.

И если брать во внимание её напряжение, отведённые взгляды и нежелание говорить, Драко чувствовал, что был ей нужен. Это ощущение, казалось, было выше его собственного рассудка или понимания. Он знал, что это необходимо, а

вопросами, зачем, почему и для чего, предпочёл не задаваться. Впервые он не слушал домыслы разума, пытавшегося найти ответы на вопросы. Драко шел за внутренним голосом, ведущим его к ней.

Не найдя Грейнджер в самом поместье, где и проходил банкет, он вышел в небольшой сад на заднем дворе. Там стояли волшебники, курившие магловские сигареты и размышляющие о видах медленной смерти. А чуть дальше, по мощёной дороге к пруду, не было практически ничего, лишь из-за пары больших кустов виднелась крыша беседки.

Пройдя вперёд, он уже через несколько шагов заметил сидевшую Грейнджер. Она сняла свои туфли и, подобрав колени к груди, расположилась внутри убранства, рассматривая пруд. Драко медленно подошёл к ней и, перед тем как войти, постучал по одной из досок, привлекая внимание Грейнджер.

Она тут же повернулась к нему и опустила бутылку огневиски, которая была в её руках. В секунду Драко самому показалось, что он слегка перепил, отчего и видел немыслимые картины, но это было реальностью.

— Извини, что не вернулась, — выдохнула она и сделала глоток из бутылки.

— Они быстро ушли, — пожал плечами Драко, проходя внутрь и усаживаясь рядом с ней.

Услышав это, она тут же кивнула, а через мгновение почти истерично рассмеялась, качая головой.

— Если бы Фоули и Бронте были единственным, что меня волнует, жизнь стала бы гораздо проще, — сказала она. — Будешь?

С этими словами Грейнджер протянула ему бутылку. Он сначала посмотрел на огневиски, после на покрасневшую Грейнджер с грустным блеском в глазах и всё-таки принял алкоголь.

— Если декан Гриффиндора предлагает выпить, нужно соглашаться, — отметил он, делая глоток.

Грейнджер усмехнулась и склонила голову набок, макушкой упираясь в один из столбов, на которых держалась беседка.

— Как у тебя это получается? — спросила она.

— Быть настолько очаровательным? Ну, знаешь...

— Переключаться, — перебила Грейнджер. — То ты строгий профессор, при имени которого студенты прячутся под парты...

Она говорила медленно, спокойно, будто бы читала ему вслух книгу, с которой знакомилась сотни раз.

— То кружишься со мной в танце так, будто мы старые друзья, — она горько улыбнулась.

Драко заметил, что она слегка дрожит. Неизвестно, было это из-за алкоголя

или холода, но он тут же взмахнул палочкой, накладывая согревающие чары.

— То становишься пропитанным скептицизмом аврором или заботишься так, словно я для тебя что-то значу, — завершила Грейнджер.

Её взгляд на мгновение упал на бутылку, но она тут же отвела его, смотря прямо ему в глаза. С таким интересом, словно ответ на этот вопрос был для неё важнее излюбленного расписания или успеваемости студентов.

— Вдруг ты и правда для меня много значишь? — усмехнувшись, спросил он.

Сказанное было для него серьёзным, важным, но он не мог произнести это прямо. Лишь шуточная форма и надежда на нужный ответ — никакой строгости, она чревата болью.

— Ведьма, живущая от конспекта до конспекта, — она отрицательно покачала головой. — Которая, пообещав себе забыть о работе хотя бы на вечер, ищет повод о ней поговорить.

Понимание окатило Драко. Теперь и он осознал, почему она резко помрачнела и так стремительно ушла. Грейнджер, всю жизнь учившуюся и пытающуюся быть лучшей, достигло осознание.

Вот что её коробило. Отсюда тоскующий взгляд, когда она смотрела на Пэнси и Поттера, вовлечённость в их танец и откровение сейчас. И для Драко было особенно ценно, что она говорила это ему, будто бы напыщенная и высокомерная Грейнджер исчезла. Осталась та, что имела лишь положительные для него качества. Откровенная, простая и настоящая, желавшая того же, что и другие, но при этом по-особенному.

— Разве я могу значить много? Не как преподаватель, — спросила она у него.

— На комплимент нарываешься? — выгнул бровь Драко.

Она смотрела на него несколько секунд, а после встала, взяла в руки туфли и уже двинулась к выходу из беседки.

— Где Паркинсон и Гарри? Думаю, нам пора, — пробормотала она.

— Грейнджер, стой, — выдохнул Драко.

Нагнав её у самого выхода, он опустил ладони на её плечи, чувствуя, как она слегка вздрогнула. Он ждал, что она оттолкнёт его, уйдёт, выскажется, но она просто стояла, словно ждала его слов или действий. Это грело душу, заставляя подойти к ней вплотную со спины. Ощутить её обнажённую кожу сквозь тонкую ткань собственной рубашки. Её дыхание, слегка подрагивающие плечи.

Драко опустил голову вперёд настолько, чтобы она чувствовала его дыхание. А Грейнджер, будто под искусным Имперкусом, стояла рядом. Словно желала этой близости и его слов так же, как он хотел их ей сказать.

— Значишь, Грейнджер, — прошептал он. — Уверяю, есть человек, для которого ты важнее многого.

Услышав это, она резко развернулась к нему. Опыанённая не столько алкоголем, сколько его словам, Грейнджер смотрела в глаза Драко и, казалось, чувствовала сказанное. Он понимал это, потому что испытывал то же самое. Именно рядом с ней. Настолько близко, что уже и разум осознал: она важна для него, и это не рабочие отношения, а нечто гораздо большее.

Желание поцеловать её взяло верх, и Драко подался вперёд, почти переступая разделяющую их грань, как услышал возглас Поттера:

— Малфой, Гермиона, где вас носит? Нам уже пора, — кричал он.

Драко поджал губы и заметил на её лице смущение — лёгкое, непринуждённое, живое и настоящее.

Примечание к части

Надеюсь, что оценили подарок ☺ Жажду ваши впечатления от двух глав. Особенно от второй. Кстати, арт к ней уже выложен ко мне в канал <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 11 «План Драмиона»

Первые занятия после праздников всегда отличались унылостью. Студенты не особо общались между собой, пытаясь сосредоточиться хотя бы на словах преподавателя. Даже если их мысли улетучивались далеко за пределы кабинета. *Чаще всего до ближайшей спальни.*

Единственные, кто в эти нелёгкие времена оставались полны сил и энергии, — профессора. И не потому, что они ложились в десять и отказывались от алкоголя. Разница заключалась в том, что у них за стеной жил отличный зельевар с небольшой паранойей. Который даже самыми безобидными снадобьями запасался на месяцы, если не на годы.

Его варева ставили на ноги даже в самых запущенных случаях. Наверное, именно так части преподавательского состава удавалось скрывать, что ненависть к детям рождается при их чрезмерном количестве. И при этом оставаться в трезвом уме и светлой памяти, без следов хорошей вечеринки или громкого праздника.

Поэтому единственный, кто в девять часов утра в кабинете истории магии мог формулировать мысли без особых усилий, — Блейз Забини.

— С чем же были твои конфеты, Морган? — устало произнёс Блейз, проходя вдоль рядов.

Спящий до этого Морган тут же приподнялся над партой, делая вид, будто совсем не спал.

— Люблю карамельки, — выпалил Морган прежде, чем осознать сарказм.

Блейз покачал головой, а после метнул взгляд к доске, где тут же зашевелился мел. Его лёгкие удары заставили большинство полуспящих прийти в себя.

— Вторая магическая война, — объявил Блейз. — Начнём с предпосылок.

Вдруг дверь кабинета открылась, и внутрь быстрыми шагами вошёл Тео. Он с усмешкой осмотрел всех студентов, а после приблизился к Блейзу, тихо говоря:

— Тебя ждёт заместитель директора, срочно, — пояснил Тео, ухмыльнувшись. — Я тут за тебя продолжу.

— Что такого важного? У неё новый маникюр? — прищурился, спросил Блейз.

— Лучше, — едва не светясь от радости, сказал Тео. — Новости со вчерашнего randevу двух деканов. И речь не о Долгопупсе.

Услышав это, Блейз расплылся в ухмылке и тут же бросил взгляд на доску, прежде чем попрощаться и скорее покинуть собственный кабинет. Тео повернулся, убеждаясь в теме занятия, а после вышел к началу рядов с партами. Убрав руки в карманы брюк, он с усмешкой осмотрел присутствующих, опёрся ладонями на крышку стола и запрыгнул на него.

— Вторая магическая война, — громко начал он. — Сейчас я вам поминутно распишу, кто, как, у кого и когда...

Когда Блейз зашёл в кабинет, то сразу расположился рядом с Джинни. Рука собственнически опустилась на её талию, а лёгкий поцелуй заставил улыбнуться. Сидевшая перед ними Пэнси лишь хитро прищурилась и подпёрла кулаком подбородок.

По блеску её глаз Блейз сразу определил, что Пэнси едва не кипит от желания поделиться последними новостями. Наверное, это был один из плюсов многолетней дружбы — рядом с ними она показывала истинные эмоции.

— Он не мог глаз от неё оторвать, — восхищённо проговорила Пэнси. — Но после их танца Грейнджер сразу ушла...

— Я её скоро за руку к нему привяжу, — прорычала Джинни, кладя голову на плечо Блейза. — В истории магии были заклятия невидимых пут?

— Для тебя обязательно найду, — шепнул он ей в волосы и перевёл взгляд на Пэнси.

Та закусила губу, оценивающе рассматривая сидящих на диване профессоров, а после продолжила:

— Не знаю как, но в итоге они оказались в небольшой беседке на улице, — говоря громче с каждым словом, продолжала Пэнси. — И клянусь Мерлином, когда я к ней подошла, то увидела, как они почти поцеловались.

— Почти? — удивился Блейз.

— Гарри решил их позвать, — обречённо вздохнула Пэнси, пальцем раскручивая перо перед собой.

Блейз в ответ хмыкнул, понимая, что никто, кроме Поттера, не мог разрушить такой хороший, а главное, идеально спланированный ход. У него либо талант, либо на нём проклятие — то Тёмный Лорд со своим господством, то Драко и Грейнджер с чувствами. Но если в первом случае Поттеру все были благодарны, то во втором он собственными действиями подрывал и без того державшийся на добром слове план.

— Он всегда в нужное время в нужном месте, — выдохнула Джинни. — Но даже несмотря на это, Гермиона сегодня выглядела безумно счастливой.

— А Малфой поздоровался со мной до того, как выпил кофе, — отметил Блейз.

— Значит, идём в верном направлении, — потеряв ладони, сказала Пэнси. — Предлагаю понаблюдать несколько дней.

Джинни и Блейз переглянулись между собой и удовлетворённо кивнули.

Со стороны могло показаться, что они все вместе создавали крайне безрассудный и дурной план, в результате которого некто обязательно должен был либо пострадать, либо остаться в противоречивых чувствах. Однако замысел пятерых преподавателей был совершенно другим — нацеленным лишь на положительный исход.

Пэнси, Блейз, Дафна, Тео и Джинни безумно любили своих друзей и желали им счастья. Но так сложилось, что ни Драко, ни Грейнджер не нашли — впрочем, даже и не пытались — своего человека, с которым хотелось быть вместе.

И одна ситуация, если бы им это было не нужно. Как, например, Долгопупсу или Лавгуд, эти ощущали себя абсолютно прекрасно в одиночестве и самопознании. Но другая, когда и Драко, и Грейнджер хотели этого. Но из-за собственных гордости, обид и страха обжечься или оказаться в конце с разбитой душой не пытались к этому шагнуть.

Причём оба настолько отрицали свои желания, что сами не заметили, как их отношения давно стали выходить за рамки привычных. Джинни любила говорить, что они как пожилая зажиточная пара — старались редко контактировать и жить своей жизнью. Но при любой возможности друг над другом шутили и не упускали возможности сделать замечание.

Что уж говорить об их вечном немом соперничестве, которое все уже не воспринимали серьёзно, но те, даже в шуточной форме, продолжали. Сначала многие решили, что это остатки детства, привычка, взявшаяся из прошлого. Но после стали замечать, что их давно связывало настоящее.

Из-за нехватки близости, которой они оба, вероятней всего, боялись, им не удавалось столкнуться и посмотреть правде в глаза. Поэтому, окончательно устав от лицемерия этого, друзья решились на план...

3 июля, 2006 год, Хогвартс

— А если мне станет плохо и никто не сможет оказать первую помощь? — осуждающе спросила Джинни, скрестив руки на груди.

Гермиона подняла взгляд от книги всего на несколько секунд, выгнув бровь.

— Уверена, что в таких значных местах дежурят колдомедики, — улыбнувшись, ответила Гермиона.

— А если я свяжусь с плохой компанией? — сев на её кровать, спросила Джинни.

— Ты уже связалась с ней, — пропела Гермиона. — Сразу после постели Забини.

Джинни стиснула зубы и громко зарычала, подобно льву. Но и это не произвело на Гермиону большого впечатления. Она давно привыкла, что в ход у Джинни Уизли идут самые разные способы реализации желаемого.

— Когда уже в твоей постели кто-нибудь появится? — хмыкнула Джинни.

Гермиона закатила глаза и наконец захлопнула книгу, которую пыталась читать, чем привлекла внимание Джинни.

— Когда я встречу достойного мужчину, с которым готова буду связать своё будущее, ты узнаешь об этом первая, — пояснила Гермиона.

— Конечно, — ядовито улыбнулась Джинни. — Здесь же такой простор для поиска.

С этими словами она развела руки в стороны, обводя ими комнату. Но, повернув голову, она встретила лишь со взглядом Гермионы. К которому, помимо тоски и грусти, добавилось раздражение, причём настолько явное, что Джинни стало не по себе. Поэтому, бросив все попытки, она тяжело выдохнула и сразу направилась к выходу.

Иногда Джинни искренне скучала по временам, когда была с Гарри, а Гермиона с Роном. В самый первый год их преподавания. Тогда всё было гораздо легче и проще. Гермиона была веселее, радостнее и двигалась вперёд на любые задумки и затеи, какими бы сумасшедшими они ни казались. Но с годами это изменилось...

Гарри и Джинни расстались, как и Рон с Гермионой. Да, все они дружили, но устраивать вечера, как раньше, удавалось всё реже. Сначала потому, что Гарри сошёлся с Паркинсон, после — из-за отношений Лаванды и Рона. Джинни и Гермиона проводили много времени вместе, пока в их жизни не появился Блейз, и тогда Гермиона осталась одна.

Джинни очень долго корила себя за то, что влюблённость, переросшая в гораздо большее, тогда затмила ей глаза и позволила бросить подругу. Ей казалось, что прошло ужасно мало времени. Но его хватило, чтобы Гермиона осталась деканом, проводившим преимущественную часть свободного времени за работой или в своей комнате.

И при этом почему-то отказывалась признавать, что чувствует от этого дискомфорт. Казалось, будто Гермиона закрылась в своём мире, куда больше никого не хотела пускать. Либо слишком боялась это сделать.

Драко стоял около зеркала в полный рост, поправляя причёску и ещё раз проверяя, идеально ли выглажена рубашка. Сидевший за его спиной Блейз лишь с ухмылкой наблюдал за этим, выставляя последние оценки студентов в отчёт.

— Не знай я, куда ты идёшь, решил бы, что к девушке, — пропел Блейз.

— Вы через час встречаетесь? — спросил Драко, делая шаг назад и осматривая себя.

— И у тебя ещё есть шанс пойти с нами, — отметил Блейз.

Драко хмыкнул и качнул головой. Отойдя от зеркала, он подошёл к рабочему столу и ещё раз поправил небольшой бант на коробке. Тот переливался серебром, создавая ощущение, будто весь сюрприз сделан из дорогого металла.

— Обещал одной даме незабываемый вечер, — ухмыльнулся Драко.

— Всем бы так называть поход к матери, — сделав последнюю отметку, выдохнул Блейз. — Хотя Нарцисса особенная женщина.

Сказав это, Блейз машинально бросил взгляд на Драко, который строго осмотрел его с ног до головы. Эти шутки не имели свойства устаревать, отчего ещё сильнее пропитывались ностальгией и прошлым.

Вдруг раздался стук, и они посмотрели в сторону окна, где уже сидела сова, державшая письмо. Сведя брови к переносице, Драко подошёл к стеклу и забрал почту, после чего птица тут же улетела. Раскрыв послание, он сразу стал читать, и Блейз видел, как некогда светящееся выражение лица тускнело с каждой секундой. Краем глаза он заметил малфоевскую печать и почерк Нарциссы, отчего понял, в чём дело.

— Меня променяли на книжный клуб, — усмехнулся Драко.

Он старался делать вид, будто это не сильно его расстроило. Однако час подготовки, который Блейз провёл здесь, свидетельствовал об обратном. Убрав письмо, Драко опустил в своё любимое кресло и, достав из рядом стоящего шкафа бутылку огневиски, налил его в бокал. Совершенно немного, чтобы не напиться, и достаточно, чтобы избавиться от плохого настроения.

— Идёшь с нами? — воодушевлённо спросил Блейз.

— Смотреть, как Поттер зажимается с Пэнси? — усмехнулся Драко. — Нет уж, увольте, я почитаю сегодня.

— Тебя всё-таки покусала Грейнджер? — прищурившись, спросил Блейз. — Где-то под одеждой?

Драко хмыкнул.

— Просто иди на свою встречу, — грубее сказал Драко, начиная злиться. — Хочу побыть один.

Блейз встал с кресла, где до этого сидел, и положил отчёт на стол, прежде чем замереть около Драко.

— Так и останешься один, если будешь обходить наши встречи стороной, — устало отметил Блейз. — Не обижайся, но друзей у тебя мало.

— Отличное наставление, — издевательски улыбнувшись, сказал Драко и сделал глоток.

— Скорее попытка помочь, — пожал плечами Блейз. — Подумай на досуге, что мальчиков отсутствие встречи с мамой так расстраивает лет до десяти.

Понимая по лицу Драко, что тот начнёт кричать уже в следующие несколько минут, Блейз замолчал и, попрощавшись, отправился на встречу.

С одной стороны, ему казалось, что нужно было силой повести Драко, а с

другой — понимал, что ничего, кроме потока злости, они от этого не получат.

Малфой уже привык находиться один, отказываясь принимать их общество, будто чувствовал себя лишним. Впрочем, если так, навряд ли он, сам Драко Малфой, когда-нибудь в этом признается.

И на вечере, которого все так долго ждали, Джинни и Блейз сидели поникшими. Будто в их стаканах бурлил не первоклассный алкоголь, а плохо приготовленный чай из трав, собранных не в лучших местах магической Британии. Это не уходило от взгляда всех присутствующих, но и поделаться они ничего не могли — все понимали причину и не хотели вновь обсуждать её. По крайней мере, говорить о друзьях в их отсутствие было не очень хорошо.

Так твердили правила. Но кто их слушал...

— Нет, с ними пора решать, — первым не выдержал Тео, как только Гарри отошёл.

— Ты специально ждал, пока Гарри уйдёт? — прищурилась Пэнси.

— Да, потому что мою идею он не одобрит...

Дафна, сидевшая рядом с Тео, опустила глаза, медленно потягивая коктейль, когда поймала на себе внимательный взгляд Джинни.

— Лезть в чужую жизнь — плохая идея, — пояснила Дафна. — Говорю вам как трижды неудавшаяся невеста.

— Но на четвёртый раз твои родители меня всё-таки одобрили, — ухмыльнулся Тео. — Но сколько проклятий это стоило...

Не сразу поняв шутку, присутствующие тут же замерли, шокированно осматривая едва сдерживающего смех Тео.

— Вы слишком впечатлительны для работы с детьми, — покачал головой он. — Но сейчас не об этом. Кто считает, что Малфою и Грейнджер давно пора сойтись?

Джинни, Блейз и Тео подняли руки сразу же, когда Дафна и Пэнси переглянулись. Вопрос мгновенно застыл на лицах остальных, отчего девушки поджали губы, но ладони вверх всё-таки потянули.

— Единогласно, — довольно заключил Тео. — Операция «Драмиона» начинается.

— Драмиона? — свела брови к переносице Джинни.

— Если нет названия лучше, то не критикуй моё, — хмыкнул Тео.

Вдруг к столу подошёл Гарри, и все резко замолчали, хотя в мыслях уже начинал зреть план по спасению друзей от самих себя. И если бы они обошлись

обычными словами, то едва ли Гермиона и Драко сейчас оказались на грани между чувствами и эмоциями, испытываемыми друг к другу.

Ноябрь, 2006 год, Хогвартс

Замерев около входной двери, Гермиона вобрала в лёгкие побольше воздуха и приподняла руку, собираясь постучать. Но в ту же секунду опустила её, нервно прикусив губу. В одно мгновение все слова, ещё минуту назад казавшиеся правильными, обернулись против неё. А выверенная и чётко сформулированная речь стала самой приторной из возможных. Весь план, строящийся несколько часов перед этим, разрушился, и, казалось, стоило отступить.

Она уже сделала шаг назад, собираясь уйти, когда дверь перед ней открылась. Увидев её, Малфой удивлённо вскинул брови, осмотрев Гермиону с ног до головы.

— Тебе чем-то помочь, Грейнджер? — спросил он, убрав руки в карманы брюк и опершись на дверной проём.

— Да, — уверенно кивнула она и тут же приподняла перед собой ежедневник. — Хотела обсудить одну мысль по ребятам.

Малфой усмехнулся и сделал шаг назад, пропуская её в комнату. Улыбнувшись, Гермиона быстрыми шагами вошла внутрь, слегка цепляясь плечом за его грудь. От этого по спине пробежали мурашки, а дыхание перехватило.

Она в очередной раз выругалась про себя, вспоминая, что на балу была менее восприимчива к нему и его действиям.

Закрыв дверь, Малфой прошёл следом и указал на небольшой диван. Присев, Гермиона сложила ногу на ногу и открыла ежедневник. Сама она ожидала, что он сядет в кресло напротив, но Малфой опустился рядом с ней, внимательно смотря в дневник, куда она собралась делать записи.

— Гарри вчера напомнил мне о Слизнорте и его методах мотивации, — быстро проговорила Гермиона. — Я подумала, что мы тоже могли бы разыграть Жидкую удачу.

Сказав это, Гермиона подняла взгляд на Малфоя и ощутила, как сердце провалилось. Он не отвечал, лишь слушал её и внимательно рассматривал, словно она была картиной в галерее. И единственная причина, почему он мог это делать, — вечер на Хэллоуин.

От мыслей об этом событии Гермиона до сих пор краснела, вспоминая поведение и неподобающие слова. По крайней мере, Малфой был одним из последних людей, с кем ей стоило себя так вести, но выбрала она именно его. И не только для душевных бесед, высказываний собственных переживаний и оголения мыслей, но и для попытки поцелуя. Да, его не случилось, но её всё равно не отпускало.

Прочистив горло, Гермиона сжала пальцами ручку и опустила голову, выводя в ежедневнике неизвестный узор.

— Ты мог бы выделить флакон из своих запасов? — осторожно спросила она и тут же вернула взгляд к Малфою.

Уголок его губ приподнялся, грея её леденеющее сознание и заставляя пальцы крепче сжимать блокнот.

— Разумеется, — спокойно сказал он. — Думаешь, мы прикроем этим нашу маленькую хитрость?

Его лицо не выдавало ярких эмоций, лишь их жалкие отголоски в бесконечной монотонности. Это не отвечало на волнующий вопрос: что он думает о прошедшем вечере? А ведь именно за ним, несмотря на прикрытие важным вопросом, она пришла.

— Да, — кивнула Гермиона. — Мы могли бы поделить их на две команды, дать интересные задачи. И закрепить этим результат.

По сравнению с ним, она, наоборот, была излишне эмоциональна. Говорила много, быстро, едва разборчиво от нахлынувшего волнения. И это пугало Гермиону ещё больше, пока разум кричал, что нужно остановиться.

— Ты права, — улыбнулся Малфой. — Предлагаю обсудить.

Сказав это, он встал с дивана и подошёл к одному из шкафов, достав оттуда огневиски.

— Тебе бокал доставать или предпочитаешь из бутылки? — спросил он, повернув голову к Гермионе.

Она не видела себя со стороны, но была уверена, что покраснела до уровня гриффиндорского галстука. А Малфоя, казалось, это только веселило, и он искренне потешался над её волнением и беспокойством.

— Я воздержусь, — тихо сказала она, выдохнув.

— Зря, — покачал головой он, сделав жадный глоток из бокала. — Частое воздержание приводит к неконтролируемым срывам.

— Ты не успокоишься, пока мы весь вечер не вспомним? — раздражённо выдохнула она, закрываясь блокнотом.

— Вот мы и выяснили причину твоего прихода, — довольно произнёс Малфой.

Она не видела его лица, но почувствовала, как он сел обратно. Ей стоило поговорить с ним, но Гермиона не осмеливалась даже взглянуть в его глаза. Тьма блокнота была куда приятнее, она хотя бы немного оттягивала неизбежное. Но и прятаться в нём Гермиона не могла вечно.

— Почему ты не можешь побыть хорошим Малфоем и сделать вид, будто ничего не было? — обречённо спросила она.

— Ты впервые отзывалась обо мне положительно, Грейнджер, — тепло ответил он. — Да, после половины бутылки огневиски. Но всё же забывать я это не хочу.

Сказав это, он подсел к ней ближе и попытался забрать блокнот, но она лишь крепче сжала его. Спустя пару секунд Малфой вновь попробовал, но не вышло.

Быстро устав от этого, он разжал пальцы и опустил руки на её талию, заставив Гермиону вздрогнуть. Она не успела и понять, что он собрался делать, когда его ладони скользнули на живот и начали щекотать её.

— Нет, Малфой, — звонко засмеялась она, согнувшись пополам, чтобы остановить его.

Блокнот тут же выпал из рук, и она попробовала оттолкнуть Малфоя, но он лишь интенсивнее продолжал свою пытку. От этого она выгнулась назад, попытавшись оттянуть его ладони от себя, но в итоге упала и оказалась лежащей головой на его бёдрах. И в эту секунду он замер, его пальцы ещё лежали на её животе, а она сжимала его запястья, пока они внимательно смотрели друг другу в глаза и тяжело дышали.

Не от усталости, а от бивших через край эмоций. Настолько трепетных, что никто не осмеливался сказать и слова, чтобы прервать это.

Гермиона слышала, как билось её сердце, чувствовала, как горела кожа под его прикосновениями, и, казалось, ощущала тёплое дыхание на своём лице. Страх и волнение словно стёрлись, оставляя после себя только желание находиться здесь и сейчас.

— Я не хочу забыть один из самых искренних наших разговоров, — выдохнул Малфой.

В этот момент Гермиона ощутила, как его пальцы скользнули по её руке, крепко сжимая и наполняя тело теплом.

— Это я и хотела услышать, — сказала Гермиона, неотрывно наблюдая за блеском его глаз.

И ком, стоявший в горле весь их разговор, исчез в ту же секунду, словно отпуская Гермиону из силков страха. Дышать стало легче, тело будто парило над реальностью, и ей не хотелось уходить отсюда сейчас.

Их отвлекли резкий стук в дверь и голос Гарри, который всё это время ждал Малфоя в своём кабинете. Куда тот и спешил, когда она оказалась под его дверью.

— У тебя есть пять минут, жду у себя, — отрывисто бросил Гарри, прежде чем уйти.

Гермиона быстро поднялась с дивана и схватила свой блокнот, поправляя страницы и прикрывая его. Взгляд сам по себе бросился к зеркалу, в отражении она увидела слегка растрёпанные волосы и румянец на щеках. Отчего машинально поправила выбившиеся пряди.

— Давай встретимся завтра? — предложила она, посмотрев на Малфой. — В кабинете.

— Да, хорошая идея, — кивнул Малфой, поджав губы.

— Тогда, — медленно протянула она, покачиваясь на носочках, — до завтра. Спокойной ночи.

Опустив голову, чтобы скрыть лучезарную улыбку, сказала Гермиона и скорее двинулась к выходу из комнаты. Сердце всё ещё трепетало, дыхание сбивалось, как в минуту, пока она стояла у его двери, но теперь не от тревоги, а от самых светлых эмоций.

Глава 12 «Мы победили»

Студенты, с самого утра вызванные преподавателями в кабинет, были слегка напуганы. Несмотря на то, что они считали своё поведение и задумку честными, понимали, что в отношении профессоров поступали не совсем правильно. И если для самих себя оправдания они могли найти, хотя бы в своём кругу общения, то объяснить двум деканам, насколько их поступок верен, не получится.

— Ставлю на три отработки, — сказал Эрик.

— Отмена похода в Хогсмид, — подбодрила их Сабрина, криво улыбнувшись.

— И эссе по трансфигурации на пару десятков страниц, — покачал головой Курт.

Майлз, читавший в этот момент учебник по астрономии, поднял на них взгляд и с усмешкой осмотрел всех присутствующих.

— Весёлые, однако, выдались выходные, — сказал Майлз и вновь опустил глаза в текст.

— Это вообще всё ты виноват, — возмутился Курт. — Держи ты язык за зубами, мы бы не придумали этот план.

— А может, это вообще специально, а? — злился Эрик.

— Начались теории заговора, — выдохнула Оливия, отрицательно покачав головой.

Возможно, пару проклятий в Майлза действительно полетели бы. Хотя бы для того, чтобы ребята, как истинные слизеринцы, «умеющие доверять», убедились, что он говорит правду. Но распахнутая дверь заставила всех замереть. Сначала внутрь вошла профессор Грейнджер с приветливой улыбкой и хитрыми искрами в глазах. А после профессор Малфой, одаривший всех при входе холодным взглядом.

Оба преподавателя замерли перед столом, кладя на него по одной мощёной разноцветными камнями коробке. Внешне они были практически неразличимы, если не всматриваться в детали замков, где были изображены змея и лев. Студенты сразу начали вспоминать, в каком именно учебнике могли такое видеть, но спустя пару минут убедились, что в книгах такое изображение не встречалось.

— Думаю, сегодня мы обойдёмся без долгих речей о правилах и последствиях, — медленно произнесла Грейнджер, заставив студентов шумно выдохнуть.

— Но если вы ещё раз решите рассорить преподавателей, то отработка вам покажется самым простым наказанием, — хмуро добавил Малфой.

Курт сглотнул ком, подступивший к горлу, всё не сводя взгляда с коробки, где была изображена зелёная змея.

— Но я предлагаю нам с вами начать новую страницу с приятной награды, — сказала Грейнджер, доставая из складки пиджака небольшой флакон.

— Жидкая удача, — тут же прошептала Оливия, замороженно смотря на зелье.

— Десять очков Гриффиндору, — с ухмылкой отметил Малфой. — Идеально приготовленная и готовая к употреблению.

Глаза студентов заблестели, и, казалось, уже в эту секунду все они были готовы выполнить любое задание, чтобы её получить. Но в классе всё ещё стояла тишина, интрига витала в воздухе биением сердца и заставляла сознание клочкотать больше обычного.

— Вы поделитесь на команды, — сказала Грейнджер. — Оливия и Эрик, Курт и Сабрина. И вашей задачей будет выполнить три задания из этих свитков.

С этими словами профессор открыла шкатулки, где лежали записи. Прочитать их заранее было невозможно, хоть Курт и пытался взглянуть сквозь бумагу.

— Кто лучше, а главное, сообща, их выполнит, та команда и получит флакон с Жидкой удачей, — объявила Грейнджер.

— Вы же замучаетесь проверять эти задания, — закатил глаза Майлз. — Простите, конечно, но не очень рациональный подход к...

— А кто сказал, что проверять их будем мы? — ухмыльнувшись, спросила Грейнджер.

Майлз свёл брови к переносице и не сразу понял намёк. Но как только взгляд Малфоя также устремился на него, то он сразу осознал, к чему ведут профессора, а главное — чем для него это может быть чревато.

— А чтобы у проверяющего Майлза не было соблазна нас обмануть, — пояснил Малфой, — перед оглашением результатов в пятницу, когда мы и отдадим зелье, он выпьет Сыворотку правды. Разрешение уже получено.

Услышав это, Эрик громко засмеялся вместе с Куртом, ловя растерянный взгляд Майлза, который явно не планировал заниматься подобным.

— Поправки преподавателей когда-нибудь сведут тебя в могилу, Эванс, — покачал головой Курт.

— Лив, как называлась книга, где из-за излишне умных размышлений от парня общество отвернулось? — спросил Эрик, сдерживаясь от смеха.

Оливия свела брови к переносице и не сразу поняла, о чём речь, но зато быстро осознала Грейнджер.

— «Горе от ума»?

— Да, спасибо, профессор.

И пока все продолжали громко смеяться, а Малфой и Грейнджер отвечать на вопросы Оливии, Курт быстро подсел к Сабрине, разворачивая выданный свиток. Он просмотрел содержимое и удовлетворённо кивнул, убеждаясь, что они вполне смогут выполнить эти задания.

— Мне кажется, стоит начать с...

Но он тут же был остановлен рукой Сабрины, которая жестом указывала, что ему стоит помолчать.

— Мы и так выиграем, без лишних телодвижений, — хмыкнула она. — Просто явись в пятницу сюда и хватит с тебя.

Курт свёл брови к переносице, явно недовольный подобной идеей. Но Сабрине это было безразлично, она сверлила взглядом Малфоя, улыбочиво разговаривавшего с Грейнджер. Однако Сабрину это ни капли не смущало, она знала, что профессор считает её одной из лучших и точно поможет с победой в этом состязании.

Хитрости, применяемые ею с его разрешения в большинстве школьных мероприятий и конкурсов, всегда были одобрены и позволяли ей проводить с ним много времени. И, вероятно, ему тоже этого хотелось, раз он предложил такую идею. По крайней мере, Сабрина в это верила — когда речь заходила о Малфое, весь её рационализм исчезал, уступая место грёзам и желанному.

И это было одной из ошибок, ведущих к разбитому сердцу.

— А если ещё подумать, Пруэтт? — тяжело выдохнув, спросила Паркинсон.

Сандра, стоящая в этот момент перед доской, стёрла одну из точек и нарисовала ту в совершенно противоположном от нужного месте.

— Странная аномалия, дорогая, — покачала головой Паркинсон, разглядывая тетрадь. — В твоей самостоятельной это задание выполнено на «превосходно», а здесь ты даже до «удовлетворительно» не дотягиваешь.

В такие моменты Оливии, учившейся на «превосходно» все годы, было искренне жаль студентов, стоявших у доски после каждой работы по астрономии. И дело было не в чрезмерной раздражительности преподавателя или сложности заданий, вовсе нет. Скорее в том, что за столько лет однокурсники так и не усвоили: астрономия в Хогвартсе — не тот предмет, где стоило списывать.

Не потому, что он, как те же заклинания, был важен для существования в их обществе. Дело было в профессоре Паркинсон, которая настолько не терпела враньё, что после каждой контрольной устраивала публичную порку всех, кто пытался обвести её вокруг пальца. Она называла это «исправлением оценок», и ход занятия всегда был одним и тем же.

К доске вызывался студент, в соотношении оценки и знаний которого

профессор сомневалась. Она диктовала им аналогичные, а иногда и те же самые, задания, что они некогда выполнили на «превосходно», и давала время на их выполнения на её глазах. Некоторые и правда удивляли её, заслуживая лишние баллы, но суровое большинство несколько минут стояло, слушая её причитания, прежде чем получить «тролль» и отправиться обратно за парту.

Когда-то Оливии это казалось крайне непедагогичным, но с годами она стала ценить подобное в заместителе директора. Понимая, что именно так студенты, вникающие не во все темы, могли получить честную оценку.

— Нарисуй Большую Медведицу и хватит с тебя, — выдохнув, бросила профессор.

Убедившись, что Паркинсон опустила голову в тетрадь, продолжая изучать их работы, Оливия нервно закусил губу и повернулась назад, встречаясь взглядом с Эриком. Он в этот момент переписывал домашнее задание по травологии.

— Слушай, а ты уже думал, на что можно потратить Жидкую удачу? — тихо спросила она, стараясь не привлекать внимания.

Эрик поднял взгляд от тетрадки и свёл брови к переносице, а после усмехнулся.

— Мы ещё даже не выиграли.

— А я почему-то уверена в нашей победе, — ухмыльнулась Оливия. — Так что?

Эрик в ответ пожал плечами.

— Не знаю, мне она не особо и нужна, — сказал он. — А ты хотела её для чего-то определённого?

Оливия заметила, как заинтересованность лёгким огоньком сверкнула в его глазах. От этого стало не по себе, но она всё-таки решила признаться, посчитав, что он поймёт её и будет рад помочь. По крайней мере, она на это надеялась.

— Знаешь, я уже несколько недель не могу сдать защиту, последнее задание, — прошептала она.

— Ты и не можешь сдать? — удивился Эрик. — Там же простой набор...

— Знаю, но постоянно с ним промахиваюсь, — выдохнула она. — Ступор и всё. Ничего не могу сделать.

Признаваться, где именно у неё возникали проблемы, Оливии не хотелось. Но она понимала, что ещё пара вопросов и он узнает всё сам. И это было ужасно некстати...

— Я могу помочь тебе, — предложил Эрик. — А если не выйдет — зелье твоё. Договорились?

Оливия несколько секунд смотрела на него, не зная, стоит ли соглашаться,

но в итоге удовлетворённо кивнула, легко улыбаясь. Её сковывала мысль, что он увидит одну из самых сокровенных вещей, но нечто внутри подсказывало, что это ему можно доверить. По крайней мере, Оливии этого хотелось.

— Ты издеваешься? — обречённо спросила Паркинсон, смотря на доску.

Оливия тут же проследила за её взглядом и едва сдержалась, чтобы не засмеяться. Вместо созвездия мелом была нарисована реальная медведица в стандартном представлении биологии, которая играла с двумя медвежатами.

— Уйди с глаз моих, — покачала головой Паркинсон, отпуская Сандру на место.

Вечером этого же дня Сабрина нагрянула в кабинет Малфоя в надежде, что он будет не занят. Так и оказалось, когда она вошла, он уже не проверял задания, а собирался уходить. Отчего Сабрина скорее поспешила к нему.

— Профессор, я как раз хотела поговорить с вами, — с улыбкой сказала она, замирая перед его столом.

Малфой поднял взгляд серых, поблёскивающих в свете свечей глаз на неё. От них дыхание перехватило, а сердце в груди забилось чаще. Она очень давно не подходила к нему по важным вопросам, отчего тоска по их разговорам придавала скованности в словах и жестах.

— Что-то случилось? — спросил он.

Сабрина в ответ покачала головой, продолжая глупо улыбаться, не отводя от него взгляда.

— Что-то случится? — медленней уточнил Малфой.

— Нет, что вы...

— Что-то уже случается? — выпрямился Малфой.

В ответ на это Сабрина громко рассмеялась, но, увидев настороженный взгляд Малфоя, тут же прекратила и заправила прядь за ухо.

— Я хотела поговорить о плане нашей с Куртом победы, — нервно улыбнувшись, сказала Сабрина. — Мне кажется, лучше подменить флакон с Сывороткой правды...

— Сабрина, дорогая, — выдохнул Малфой, бедром упираясь в крышку стола, — в этот раз всё честно.

Не веря в услышанное, она тряхнула головой, но лицо Малфоя так и осталось непроницаемым, и это её озадачило. Во всех соревнованиях, играх и движениях он всегда был не против слегка схитрить, придумать план, как Слизерину вырваться вперёд. Но почему не сейчас?

На мгновение в разуме мелькнула мысль о профессоре Грейнджер, ради которой Малфой мог поступиться привычками, но Сабрина оттолкнула её. Она знала, что Малфой не станет потворствовать ей, да и причин к этому у него не было. Разве что их взаимоотношения могли быть не только рабочими.

Сабрина тут же подняла взгляд на Малфоя, не желая верить в собственную догадку. Она же не подходит ему.

Совершенно. Абсолютно.

— Но как же? Вы всегда говорили...

— Это не тот случай, — пояснил он. — Мы с профессором Грейнджер хотим, чтобы все были на равных. Здесь главное — участие, Сабрина.

— «Главное — участие» — фраза для не востребовавшихся проигравших, — выпалила она, начиная злиться. — Или...

Она сразу осмотрелась по сторонам.

— Они наложили подслушивающее заклинание? — тихо спросила Сабрина.

Малфой в ответ усмехнулся и покачал головой, забирая сумку с вещами. Подойдя ближе к ней, он положил свою ладонь на её плечо, неосознанно вызывая в Сабрине прилив адреналина, кружащего сознание.

— Пообещай мне, что будешь играть честно, — потребовал он, смотря в её глаза.

Сабрина нервно закусил губу, кулак сжался сам по себе, но от ощущений — таких желанных, востребованных и существующих лишь в её грёзах... она ответила:

— Обещаю, профессор, — выдохнула Сабрина.

— Никогда в тебе не сомневался, — улыбнулся он и кивнул в сторону выхода. — Я буду закрывать, ты идёшь?

Она медленно поплелась за ним до двери класса, а после попрощалась. Он же воодушевлённо ушёл к преподавательским спальням. Настолько счастливый, будто его там ждала девушка, что стало закрадываться в сознание Сабрины всё чаще.

Войдя в преподавательскую гостиную, Драко замер и улыбнулся от увиденной картины. Дафна сидела на Уизлетте, пытаясь забрать у той из руки кусок пергамента. Блейз бегал по всей комнате за Поттером, а Пэнси его останавливала. Грейнджер и Тео вовсе кричали друг на друга, чуть ли не вытирая лицо небольшой тетрадь.

Подошедший Томас покачал головой и сделал глоток из своего стаканчика с кофе.

— А я их предупреждал, — медленно произнёс Томас.

— Что вообще происходит? — сведя брови к переносице, уточнил Драко.

— Забрал у когтевранцев магловскую игру, — пожал плечами Томас. — Они подрались из-за неё утром.

Драко удивился и уже хотел подойти и попытаться помочь хотя бы одному из своих друзей выбраться целым, но тут в комнату на четвереньках заползла Лавгуд.

— Ребят, там выпала тройка, — объявила она, вставая на ноги и поправляя одежду.

В одно мгновение все резко остановились и уставились на неё, тяжело дыша. Но не успели они осознать её слова, как в комнате появился нюхлер. Рональд Уизли, бежавший следом за ним, чтобы поймать, попытался ухватить существо, но то, казалось, лишь хмыкнуло и запрыгнуло прямо на стол, где были разбросаны цветные записи.

— Фишки! — завопила Уизлетта, подрываясь, чтобы прогнать нюхлера.

Но Уизли, решивший её обогнать, тут же побежал вперёд, прыгнул на стол, рассыпав всё содержимое, и ухватил недовольного нюхлера. Тот тут же начал бить лапами по рукам Уизли, но его не отпустили. Зато слышались громкий гул и крики, направленные в сторону неуклюжести Уизли.

— Мои улицы, — возмутилась Пэнси.

— Какие там улицы, у меня три отеля стояло! — развёл руками Блейз. — Уизли, кто сказал тебе это сделать? Грейнджер?

— Что? Я единственная здесь соблюдаю правила, — ввязалась в разговор Грейнджер.

— Это ты так скорое банкротство оправдываешь? — прищурившись, уточнила Дафна.

Покрасневшая Грейнджер тут же повернулась к ней.

— Я хотя бы деньги из банка не воровала! — развела руками Грейнджер.

— Мне их дали! — парировала Дафна.

— Если бы я спала с банкиром, мне бы тоже их дали, — заметила Джинни, подходя к ним.

— Все выплаты были по правилам, — оправдался Тео.

Комната в мгновение наполнилась криками и выяснением отношений едва ли не на палочках. А Уизли, ставший виновником, лишь пригнулся и тихо сполз со стола, гусиным шагом уходя в сторону своей спальни. Остальные, пытаясь убить друг друга хотя бы словами, даже не сразу это заметили.

— Хорошая игра, да? — ухмыльнувшись, спросил Томас.

— Что ж ты с ними не играешь? — сухо спросил Драко.

— Я как-то поссорился из-за этой игры с матерью, мне хватило, — возведя руку перед собой, ответил Томас.

Драко покачал головой и, понимая, что один из немногих адекватных здесь, сразу направился к диванам и большому столу, за которым все играли. В этот момент Дафна уже тянулась к шее Грейнджер, а Тео нервно крутил палочку, всё чаще задерживая её в сторону Поттера.

— Наследство делите? — спросил Драко, осматривая всех. — Шуму столько, будто очень большое.

— Ещё его шуточек не хватало, — хмуро сказала Уизлетта.

— А что, только тебе отпускать? — прищурившись, спросила Дафна.

Не выдержав это, Поттер вышел к середине гостиной, собирая с пола листы пергамента и странные цветные фигуры. Заметив это, остальные резко замолчали и последовали его примеру, помогая.

— Давайте просто начнём заново? — предложил Поттер.

Все согласно закивали, но продолжали сверлить друг друга злобными взглядами.

— Только парами, — предложила Уизлетта.

— Чтобы драться двое на двое в случае чего? — уточнил Блейз, получив от неё толчок в бок.

— Для сохранения отношений, — косо посматривая на Тео, сказала Дафна.

Присутствующие быстро согласились, и Драко, не планирующий наблюдать за местными потасовками, уже собирался уйти.

— Я не хочу больше играть, — нахмурилась Лавгуд. — Такая концентрация мозгошмыгов...

Сказав это, она ушла в свою спальню, оставляя остальных на месте. Ребята быстро распределились по парам, оставляя Грейнджер одну. Поняв это, она нервно закусил губу и тоже собиралась уйти, когда Драко, неожиданно даже для самого себя, подошёл к ней.

— Говорят, тут место освободилось, — сев рядом, улыбнулся Драко. — Что здесь за правила?

Все, кто были в этот момент в гостиной, удивлённо посмотрели на него. Но самого Драко волновал лишь один взгляд — счастливый, пестрящий весёлыми искрами и полный благодарности. Грейнджер улыбалась, попутно рассказывая о «Монополии», в которую они и играли.

Быстро поняв суть, Драко был готов. Они с Грейнджер сидели на большом кожаном диване максимально близко друг к другу. Сам Драко откинулся на спинку, разложив руки в разные стороны, а Грейнджер подобрала ноги под себя, удерживая ладони на коленях и наблюдая за игрой. С их ракурса они могли идеально рассмотреть три команды-соперников, что талантливому легилименту Драко и было нужно.

Он внимательно оглядывал всех присутствующих, пытаясь найти самую слабую команду. Ещё в начале игры он украдкой посмотрел на Тео и Блейза, слегка кивнув в сторону Поттера.

— Да почему, она тебе не нужна, — развёл руками Поттер. — А мне её и не хватает.

— Считаю это стратегическим манёвром, — хмыкнул Блейз.

Пока остальные ходили, а Поттер оставался единственным, кто получил от своих действий лишь убытки и стремительно двигался ко дну вместе со скучающей Пэнси, Грейнджер пригнулась к Драко.

— Вы вышибаете Гарри? — недовольно поинтересовалась она.

Драко медленно повернул голову к ней, видя скрытое удовольствие от возможной победы. Уголок его губ приподнялся вверх, и он придвинулся ближе, наклоняясь к уху, специально задевая мочку.

— Лично я вышибаю всех, Грейнджер, — подмигнув ей, он вновь вернулся к прежней позе и стал внимательно наблюдать за игрой.

Поттер и правда покинул стол очень быстро, но они с Пэнси остались в гостиной, желая увидеть конец битвы и косо посматривая на оставшихся игроков, деливших их нажитое имущество.

— Малфой, тебе не нужна была эта улица, — возмутился Блейз, из-под руки которого увели значимый объект.

— А теперь стала нужна, — пожал плечами Драко, видя несчастные «галлеоны», оставшиеся у Блейза ровно на один ход.

— Неприятно, не так ли, Забини? — ухмыльнулся Поттер.

Блейз ещё пытался выйти из сложившейся ситуации, но уже через пару ходов оказался вне игры вместе с Уизлеттой. Тео внимательно смотрел на Драко, понимая, что партнёрские отношения с начала игры остались в прошлом. Постепенно и их с Дафной стали покидать либо объекты, либо деньги. Не помогал даже факт, что сам Тео и заведовал вымышленным банком.

Но это не так сильно волновало Драко, как Грейнджер, в предвкушении наблюдавшей за игрой. Она сама не понимала, почему все советы и предложения Драко срабатывали, но была безумно рада, к чему это приводило.

Тео нервно перемешивал кости в ладони и, когда кинул, устремил взгляд на них, надеясь на нужный исход. На секунду один из кубов закружился на своём

кончике, и дыхание Драко перехватило. Пока он не услышал тихое, практически неуловимое и оставшееся без внимания для всех, кроме него:

— Локомотор, — голосом Грейнджер.

Сделав нужное количество ходов, Тео обречённо выдохнул и отсчитал Малфою последние «галлеоны», которых не хватило, расплачиваясь нажитым.

— Мы победили, — подскочила на ноги Грейнджер, смотря на поле.

Драко тоже поднялся и уже хотел пошутить, когда Грейнджер подошла к нему и крепко обняла за шею, оставляя на щеке быстрый поцелуй. Увидевшие это ребята на секунду застыли в удивлении, когда она это сделала. Драко же даже не дернулся, а собственнически опустил руки на её талию, притягивая к себе.

— Я всё слышал, негодница, — дразня, прошептал он ей на ухо.

— А я знаю, что ты владеешь легилименцией, негодник, — пылко ответила она, специально касаясь мягкими губами его кожи.

Отстранившись друг от друга, они ещё несколько секунд хитро переглядывались, пока остальные требовали реванша. Но Драко и Грейнджер это уже не волновало — то, что они испытывали сейчас, было в разы важнее любой игры.

Оливия медленно шла по коридору, нервно озираясь по сторонам и пытаясь не пересечься с Эриком. Впервые за несколько месяцев она не искала с ним встречи, а всячески избегала. Это было сложно с учётом выполнения заданий ради Жидкой удачи. Но сегодня они завершили последнее, и до пятницы она искренне надеялась с ним не взаимодействовать.

С одной стороны, ей было слегка одиноко. Курт постоянно пропадал, пытаясь выполнить задания с Сабриной, которая категорически не желала работать в команде. Но с другой — она понимала, что при любом разговоре с Эриком он отправится с ней в класс ЗОТИ, чтобы потренироваться. А этого она не хотела, и дело было даже не в самом факте помощи, вовсе нет. От него Оливия её приняла бы.

Проблема была в другом, а именно в самом задании. Финальным этапом, который не давался Оливии, был боггарт. Страх, с которым она не могла справиться и сделать из этого нечто смешное. Как только она видела перед собой самое терзающее, что могло быть, она теряла дар речи, замирала на месте, и у неё не получалось идти дальше.

Это её тревожило, волновало, и усугубить эту ситуацию мог только Эрик, узнавший, чего она боится больше всего. На словах Оливия была куда смелее, да и её действия обычно не вызывали сомнений в мужестве. Поэтому показать ему такое, оголить душу и собственные переживания было выше её сил.

Она надеялась выиграть Жидкую удачу и договориться с Эриком. Позже,

когда будет к этому готова. Впрочем, иногда ей не верилось, что нужный момент вообще настанет.

— Ты так быстро ушла сегодня.

Замерев на месте, Оливия подняла голову и увидела перед собой Эрика. Который, казалось, поджидал её. Обычно этим коридором мало кто ходил, Оливия поняла это давно и по собственной глупости рассказала Эрику. Даже удивительно, что он не нашёл её раньше.

— Да, у меня дела были, они и сейчас есть, — нервно улыбнулась Оливия. — Знаешь, я пойду, скорее с ними закончу...

Оливия попыталась обойти его, но Эрик сделал шаг в ту же сторону, преграждая дорогу и отрицательно качая головой.

— Мы же договаривались позаниматься, — напомнил он. — Я спросил у Поттера, твоя передача завтра.

— Да, — медленно протянула она. — У меня получилось отдельно позаниматься, теперь всё получается, не волнуйся.

Неуверенность в её голосе было слышно настолько чётко, что даже самый не эмпатичный человек бы это заметил. Поэтому Эрик отрицательно покачал головой и взял её за руку, потянув за собой к кабинету ЗОТИ. Оливия пыталась его убедить, что всё в порядке, что ей не нужна помощь, но он не слушал, а только ускорял шаг.

Как только они вошли в кабинет, Эрик закрыл дверь и тяжело выдохнул.

— Я понимаю, мы далеко не лучшие друзья. Но, пожалуйста, попытайся довериться мне. Хорошо? — обречённо спросил он.

И если раньше в его голосе всегда звучали веселье, шутка или насмешка, то серьёзней, чем сейчас, она его ещё не видела. Ответ мгновенно возник в её голове, она была с ним согласна, принимала его, но озвучить не получалось. Ядовитый ком словно стоял у неё в горле, не позволяя сказать и слова...

— Лив? — он шагнул к ней.

Эрик оказался настолько близко, что она, даже если бы и пыталась, не смогла бы солгать. Правда сама рвалась наружу сквозь неуверенность и потерянный дар речи.

— Хорошо, — прошептала она.

Услышав это, Эрик улыбнулся и взял её за руку, подводя к шкафу с боггартом, отчего она удивлённо посмотрела на него.

— Поттер сказал, — усмехнулся Эрик. — Не бойся, что бы там ни было, я с тобой.

Оливия неуверенно кивнула и сделала ещё пару шагов к злополучному шкафу, который тут же зашевелился. Взмах палочки Эрика, и замок с грохотом

упал на землю, заставив её вздрогнуть и достать древко. Дубовая тюрьма стала ходить на месте, шатаясь в разные стороны и едва не падая, пока дверца резко не открылась и оттуда не вышел министр магии.

Он издевательски выгнул бровь и усмехнулся, осуждающе осматривая Оливию с ног до головы, а после произнёс:

— Оливия Брэдли, именем министра магии магической Британии я изгоняю тебя из волшебного мира и навсегда лишаю палочки, — закончив, боггарт вытянул руку, пытаясь приманить к себе древко.

И в этот момент ей стоило сказать заклинание, спасти себя, обезопасить, но она неподвижно замерла на месте. Перед глазами мгновенно заструились сцены возвращения в мир маглов и сохранения текущих знаний. Чтобы жить в реальности без магии, прекрасно зная, что та существует...

— Лив, скажи же, давай, — говорил Эрик ей над ухом. — Представь, будто он без одежды.

От этого Лив на секунду расслабилась и направила древко на боггарта. Слыша, как тот продолжает повторять свой указ, твердит, что заберёт её магию, отправит обратно в мир маглов навсегда.

— Давай же, — шептал Эрик.

— Ридикулус, — выпалила Оливия. — Ридикулус! Ридикулус!

Мгновение, и вместо слов изо рта боггарта стало исходить мяуканье, из-за которого он сразу же замер и свёл брови к переносице. Он пытался говорить и дальше, но звучали только крики кошки, из-за которого Оливия громко рассмеялась, а боггарта тут же затянул шкаф.

— Получилось, — прошептала она.

Вдруг послышались аплодисменты, и из темноты вышел директор Поттер, довольно улыбающийся и радостный.

— Молодец, Оливия, — сказал он. — Поздравляю с успешной сдачей задания.

Удивлённая Оливия тут же оглянулась и посмотрела на веселящегося Эрика.

— Ты знал! — воскликнула она.

— Я это и устроил, — развёл руками Эрик.

Оливия несколько секунд удивлённо глядела на него, а после сорвалась и крепко обняла, продолжая благодарить. Директор, стоявший позади них всё это время, лишь довольно улыбался и кивал, радуясь проделанной работе.

Примечание к части

Нет, ну, игра в монополию стоила того. Какие же они милые в ней, я не могу. А сцена в комнате Драко после Хэллоуина? Гарри, как обычно, вовремя

появляется, но я кричала, пока её писала. Делитесь впечатлениями и приходите в мой канал <https://t.me/friendmalfoy>, где я рассказываю, что будет дальше

Глава 13 «Сорваться в бездну»

Гермиона сидела в своём кабинете, медленно проверяя тетради учеников. Обычно во время приближающегося Рождества многие студенты уже не думали о заданиях и разумом находились дома в окружении семьи и родственников. Поэтому Гермиона, несмотря на всю свою принципиальность и требования, завышала оценки. Делая из этого своеобразный подарок к приближающемуся празднику.

Многие преподаватели поступали так же, но зачастую их поощрения были другими. Например Нотт, любимец большинства студентов, устраивал игры. На одной из таких Гермионе даже довелось присутствовать лично, и она была поражена увлечённостью детей. Забава «Угадай заклинание», когда на лбах студентов появлялись названия и их нужно угадать, получая ответы «да» и «нет», была отличным способом обучения.

Собственно, именно в тот год Гермиона перестала корить себя, что не выигрывает в номинации «преподаватель года». Она была более приземлённая, требовательная, ссылающаяся на учебники и теорию. А Нотт привносил даже в самые скучные занятия привычные ему шутки, игры и удивительные задания. Это цепляло детей.

У Малфоя же манера ведения была иной. Он не углублялся в теорию, как она, Забини или Гринграсс. Не пытался доносить знания шутками и интересными заданиями, как Нотт или та же Луна.

Малфой всегда говорил, что зелья — наука точная и денег обратно не возвращает. Этот предмет невозможно выучить или запомнить, его можно только понять. Причём заняться этим стоит уже на первых занятиях, потому что без основ ты не раскроешь сокровище в будущем.

«Если вам кажется, что вы поняли зелья за одно занятие, — вам кажется».

Он часто любил повторять это старшим курсам, которые спустя несколько лет обучения вспоминали о СОВ и ЖАБА. Но вместе с этим, несмотря на собственную непоколебимость и твёрдость, Малфой умудрялся идти навстречу большинству студентам. Он тратил много личного времени на объяснение материалов, даже когда его не слушали. Да, он делал это с упрёками и колкими замечаниями, но всё так же профессионально.

Малфой в принципе любил напоминать о своих талантах даже в самых неожиданных ситуациях. И если раньше Гермиона считала подобное снобизмом, то сейчас всё чаще получала от этих поступков удовольствие. Одно дело, когда Малфой делал это для себя, но совершенно другое — когда ради неё. Это грело душу и подводило к неизбежному пониманию — он ей нравился. Даже больше — Гермиона была в него влюблена.

Она не была уверена, произошло ли это сейчас. Возможно, раньше она просто себе в этом не признавалась. Но что более важно — Гермиона уже не стыдилась потребности в его обществе, а наоборот, всячески о ней намекала.

Послышался скрип двери, и Гермиона подняла голову от тетрадок, видя идущего к ней Малфоя. Его довольная улыбка и хитрый взгляд сразу натолкнули

её на мысль о строящемся плане.

— Считаю, что пора показать чистокровным всю прелесть магловского мира, — заявил он, закидывая бедро на край её стола.

Вскинув брови, Гермиона склонила голову набок и скрестила руки на груди. Откинувшись на спинку кресла, она заинтересованно посмотрела на Малфоя.

— Есть предложение сводить их на магловское мероприятие, — пояснил Малфой. — Блейз и Тео обещали пойти с нами, чтобы помочь.

На секунду идея Малфоя показалась Гермионе отличной, но, услышав имена его друзей, она сразу почувствовала неладное. Ей слабо представлялись Нотт и Забини, по собственной воле идущие с детьми к маглам. Разве что их убедил Малфой, чтобы Гарри точно подписал разрешение на подобную авантюру. Это больше походило на правду.

— Можно. А куда? — уточнила Гермиона.

— Это ты узнаешь завтра вечером, — улыбнулся Малфой. — Ребята будут готовы к шести, не опаздывай.

Он встал и уже собирался уйти, когда она настороженно спросила:

— Откуда ты знал, что я соглашусь? — она выгнула бровь в ожидании ответа.

Малфой повернулся к ней и склонил голову набок, облизнув губы. Несколько секунд он сосредоточенно смотрел в её глаза, расплываясь в самодовольной улыбке.

— Был уверен, что найду для тебя аргументы, — подмигнув, ответил Малфой и тут же направился к выходу из кабинета.

Открыв рот от удивления, Гермиона уже хотела возразить, но он закрыл за собой дверь. В разуме сидело кроткое желание догнать его и высказать, что он должен был с ней посоветоваться. Но в голове играла куда более хитрая идея крохотной мести.

Драко избегал встреч с Грейнджер весь следующий день, надеясь таким образом создать потребность в самом себе. План был отвратительным, и будь на её месте другая девушка, то Драко бы даже не стал заморачиваться. Ему это не требовалось, для многих дам хватало бесконечного обаяния и пары изысканных фраз. Для Грейнджер нет, ей нужно было больше, и это он успел понять сполна за последнее время.

Начиная от её тайных взглядов и заканчивая надуманными поводами для встреч. Это всегда выглядело до нелепости мило и ощущалось как молния на лбу. Будто ты стал избранным, но не для всего мира, а для конкретного человека, нуждающегося в тебе. И теперь, когда Драко знал, что его чувства взаимны, он не хотел от этого отказываться или отдаляться. Напротив — он желал насладиться ею сполна, познать каждой клеточкой сознания, насколько

она прекрасна, когда откликается взаимностью.

Ради этого он был готов не только повести детей в магловский клуб, но и доверить их Тео и Блейзу. Только бы у него были повод, возможность и время рядом с Грейнджер столько, сколько требовалось.

— Оливия, да ты, оказывается, ничего, — медленно протянула Сабрина, глядя на Брэдли.

Драко свёл брови к переносице, непонимающе смотря на изрядно приветливую Сабрину. Почему-то ему виделось, что ей, как никому другому, будет интересно на этих занятиях. Но Сабрине, казалось, с каждым днём становилось всё противнее здесь находиться. И это совершенно не вязалось с её воодушевлением в начале. Это настораживало.

Всё-таки, как бы он ни отрицал очевидного, она была одной из его любимых студенток. Единственной, кому он действительно доверял задания и знал, что она выполнит их идеально. Сабрина была так же ответственна, как Грейнджер, лишь с разницей, что использовала любые средства ради своих целей и бесконечно его уважала.

Возможно, на неё так повлияло проигранное соревнование.

— Брига, — нагло ухмыльнулся Розье, — никто не виноват, что в твоей комнате сегодня зеркало разбилось.

Не сразу осознав сказанное, Сабрина уже хотела промолчать, но вдруг резко повернулась к нему. Скрестив руки на груди, она выгнула бровь, внимательно смотря в глаза расслабленного Розье.

— Давно в защитники гриффиндорцев записался? — сцепив зубы, спросила Сабрина и шагнула к нему.

— Достаточно, чтобы напомнить твоё место, — склонив голову набок, ответил Розье и приблизился к ней.

Ни один из них не повышал тон, не кидался оскорблениями, но то, как они смотрели друг на друга, было красноречивее Круциатуса. Настолько яростно, едва не прожигая насквозь, что Драко тут же прошёл вперёд и встал между ними.

— Сейчас я обоим напомню, где их место, — строго сказал Драко. — И вместо музыки и танцев будете по десять раз пересдавать зелья. Я понятно выражаюсь?

— Да, — хмуро, но в один голос ответили Розье и Сабрина.

Тео и Блейз, стоящие чуть поодаль, свели брови к переносице, непонимающе смотря на студентов. Раздор на Слизерине давно перестал быть нормой, там царили спокойствие и безразличие. И эта сцена наталкивала их не на лучшие мысли о судьбе собственного факультета.

Послышались спешные шаги, и через пару секунд перед ними, едва не падая, оказался Морган. Он упёрся ладонями в колени и тяжело дышал, пытаясь

придумать очередное оправдание, список которых уже давно вёлся всеми преподавателями. Обычно Морган не был в отговорках особо разнообразен.

— Опять опоздал, — медленно протянул Блейз.

— Не совпадение, а традиция, — ухмыльнулся Тео.

Отдышавшись, Морган выпрямился и поправил на удивление выглаженную рубашку.

— Меня заперли в комнате, — оправдался он, осматривая присутствующих.

— Третий раз за месяц, какой ужас, — фальшиво удивился Блейз.

— Морган, я бы задумался на твоём месте, — покачал головой Тео. — Кто-то явно не хочет, чтобы ты покидал спальню.

Розье приснул со смеху, отчего сразу получил недовольный взгляд Брэдли, и сделал вид, будто обеспокоен приключениями Моргана. Но тут все они в мгновение ушли на второй план, когда Драко посмотрел вперёд и увидел уверенно идущую к ним Грейнджер.

Оглядев её, Драко сглотнул ком, подступивший к горлу, и приветственно улыбнулся. Она кивнула ему и тут же смахнула волосы назад, оголяя плечи и вырез на легко вздымающейся груди.

— Портключ через минуту, — скомандовала она, выставляя перед собой странного вида цилиндр.

— Это ковбойская шляпа? — удивлённо спросила Брэдли, хватаясь.

— Сотрудник попался с юмором, — улыбнувшись, отметила Грейнджер.

Как только последняя рука коснулась ключа, он мгновенно сработал и они оказались на одной из улиц Лондона. Драко с ухмылкой взглянул на неоновый свет, видневшийся из-за угла, и тут же указал всем идти за ним. Как только они очутились перед входом, он едва ли не физически ощутил поражённое лицо Грейнджер.

Оглянувшись, он ухмыльнулся, видя яркий восторг в глазах студентов, с интересом рассматривающих вход в один из лучших ночных клубов Лондона. Даже Сабрина, ходившая словно под печальными чарами, с предвкушением наблюдала за вывеской.

— Ты обещал мероприятие, — прошипела Грейнджер, вцепившись в запястье Драко.

Довольно улыбнувшись, он повернул голову в её сторону и пожал плечами.

— Моя любовь к маглам началась с ночного клуба, — пояснил Драко. — Только взгляни, — он кивнул на Розье и Сабрину. — Хоть один твой чайник вызвал в них столько интереса?

Грейнджер посмотрела на студентов и нервно поджала губы, не желая

соглашаться с Драко. И пока остальные воодушевлённо восторгались планами на вечер, Драко положил руку на обнажённое плечо Грейнджер и пригнулся ближе к ней.

— Хотела переключиться? — тихо спросил он, видя отголоски понимания в теплеющем взгляде. — Тео и Блейз останутся с ними, а мы...

— Что «мы»? — прищурившись, спросила она.

— Побудем людьми, а не деканами с грузом ответственности, — подмигнул ей Драко. — Давай же, ты хочешь, я вижу.

Она скрестила руки на груди, нервно поглядывая в сторону клуба, где уже кричала музыка, а после на восторженных детей. Казалось, что несколько секунд она колебалась в очевидном выборе между ответственностью и желанием. Грейнджер хотела выбрать второе, забыть обо всём на вечер, но kloкочущий в сознании голос переживаний не отпускал её.

— Плохая идея думать о работе, когда хочешь от неё отдохнуть, — отметил Драко, ловя злость в её глазах. — Беру тебя всеми оружиями.

Грейнджер усмехнулась и облизнула губы, в очередной раз посмотрев в сторону входа в клуб.

— Пойдём, — выдохнула она, улыбнувшись.

— Я в тебе никогда не сомневался, — довольно сказал он и прошёл к детям.

Студенты, с надеждой смотревшие на него в ожидании разрешения, едва не танцевали на месте, желая скорее войти.

— Всего два правила. Слушать профессоров Нотта и Забини, — сразу предупредил Драко. — Магию не использовать. Выполнимо?

— Да, — в один голос заверили Розье и Морган.

Ухмыльнувшись, Драко сделал шаг назад и рукой указал на пустующий вход в ночной клуб.

Неоновый и постоянно моргающий свет поначалу вызывал дискомфорт и желание научить маглов пользоваться Люмосом. Ароматы табачного дыма, дешёвого алкоголя и приторных духов кружили голову до тошноты. А музыка звучала настолько громко и отрезвляюще, что хотелось лишиться слуха.

Но постепенно, словно вливаясь в события и настоящее, Сабрина расслаблялась. Едва ощутимо, будто бы чувство ответственности ослабило поводок. Это действительно помогало отпустить себя, хотя бы ненадолго забыть о Хогвартсе, целях и планах, сосредоточиться только на здесь и сейчас. Без просчёта рисков, манипуляций и выстраивания жизни.

Это было легко, умиротворённо и настолько спокойно, что Сабрина решила,

будто находится во сне. Тело само двигалось в такт музыке, шутки маглов заставляли улыбаться, а комплименты радовали сердце. Этим людям не нужно было от неё что-то получить, отблагодарить за помощь или попросить об одолжении. Они говорили, потому что чувствовали, а она отвечала им, не думая о том, насколько они пригодятся в будущем.

Она ненадолго окуналась в мир, где её никто не знает и не запомнит. Подобные мысли развязывали руки, подталкивали к неизведанному и непонятному, но настолько востребованному.

— Выглядишь веселее, чем в школе, — отметил подошедший Морган.

Тяжело дыша после танца, Сабрина улыбнулась и кивнула ему, опираясь о небольшую стойку.

— Держи, — он протянул ей стакан.

Взяв его, она залпом опустошила всё содержимое, чувствуя, как желанная прохлада прокатилась по горлу, отрезвляя от новых ощущений и отдачи магловского мира.

— Спасибо, — выдохнула Сабрина. — Вы так всегда развлекаетесь?

Сказав это, она кивнула на танцпол, где продолжали кричать в ритм музыке другие. Морган усмехнулся и устремил взгляд на танцующих Розье и Брэдли, для которых, казалось, это было привычной реальностью.

— Более взрослые маглы — да, — пожал плечами Морган. — У школьников это в меньших масштабах.

— Дискриминация по возрасту, — кивнула Сабрина. — Знаем, плавали.

— Но наши преподаватели точно бы нас в такое место не привели и охранника не заколдовали, — отметил Морган. — Всё-таки профессор Малфой знает толк в отдыхе.

И на этой фразе Сабрину едва ли не окатили водой. Все ощущения, бурлящие в ней ровно до этой секунды, словно испарились, возвращая в голову старые и не всегда приятные мысли. Глазами она стала искать Малфоя, но не видела рядом, лишь Нотт и Забини, следившие за ними чуть дальше от танцпола.

— А где Малфой и Грейнджер? — спросила Сабрина, напрягаясь.

Морган, заметив это, тут же отвёл взгляд и попытался взять её за запястье, чтобы отвести обратно, но она отдернула руку и в ожидании посмотрела на него.

— Ушли в другой зал, — пожал плечами Морган. — Им тоже нужно отдохнуть от нас.

— Поняла, — сказала Сабрина и выпрямилась.

Она тут же сделала несколько шагов вперёд и начала осматриваться по сторонам, ища другие выходы. Морган тут же подошёл к ней, вновь пытаясь

поговорить, но как только положил руку на её плечо, то Сабрина развернулась и тут же ударила его по ладони.

— Свободен, Морган, — строго выпалила она и направилась в гущу толпы.

Теперь ей стоило вернуться к изначальным планам и задачам, а именно — к заполучению профессора Малфоя. Она надеялась, что здесь, за пределами школы, ему удастся взглянуть на неё не как на студентку. По крайней мере, она очень хотела в это верить.

— А моя подождённая мантия в первый год? — прищурившись, спросил Малфой.

— Правда не я, — выставив руки перед собой, сказала Гермиона, а после хитро улыбнулась. — Хотя мысли такие у меня были.

— Подаю на тебя жалобу, — хмыкнул Малфой, заказывая ещё напиток.

Гермиона наигранно закатила глаза и тихо засмеялась. Она не видела, как выглядела со стороны, но по горевшим щекам и колотившемуся сердцу понимала, что слишком раскрепощённо. На мгновение мелькнула мысль, насколько это непедагогично, но Гермиона тут же прогнала её прочь.

Малфой был точно прав в одном — ей нужно переключиться. И раз уж она имела неосторожность признаться в переживаниях именно ему, то с ним это и стоило делать. Тем более что он был вовсе не против, а её сердце трепетало в его обществе. Это был словно идеальный рецепт безмятежности, в которой хотелось утонуть.

Посмотрев на Малфоя, Гермиона столкнулась с ним взглядом. В его глазах, казалось, сосредотачивались не только ответы на каждую её потребность. Но и взаимность, абсолютная, не менее чувственная, а более насыщенная. Такая, что хотелось отпустить себя и окунуться с головой в необходимое и когда-то далёкое.

Встав со стула, Гермиона подошла к нему, и в момент, когда он потянулся к ней навстречу, она коснулась воротника его рубашки.

— Так и будем сидеть в воспоминаниях о прошлом? — резко спросила она, хитро улыбаясь. — Идём.

Взяв его за руку, Гермиона потянула Малфоя в глубь толпы, замечая, как он пытается скрыть, что чувствует себя неудобно. Малфой был больше по светским вечерам и разговорам наедине. Представить его в магловском ночном клубе, танцующим под софитами под звучные биты, было практически невозможно. И это играло в её интересах.

Малфой сам привёл её сюда расслабляться, и раз это был его выбор, то она обязана постараться, чтобы он оправдался. Гермиона не собиралась делать первые шаги, идти в его руки согласно слизеринскому плану. Она хотела вынуждать, провоцировать и подталкивать, как он до этого.

Отпустив его запястье, она довольно улыбнулась, замирая в окружении танцующей толпы, абсолютно безразличной к ним.

— Играешь с огнём, Грейнджер, — ухмыльнувшись, сказал Малфой, убирая руки в карманы брюк.

Гермиона усмехнулась и, облизнув губы, приблизилась к нему. Она сделала всего пару шагов, прежде чем замереть вплотную к нему и положить руку на широкую грудь. Гермиона чувствовала, как колотится его сердце на контрасте с безмятежным лицом. И понимание, что она — причина его состояния, окончательно закрыло дверь в коридор благоразумия.

Приподнявшись на носочках — так, чтобы её губы практически касались его, — она ответила.

— Я и есть огонь, Малфой.

Шёпот. Обжигающий, провокационный и заставляющий его сглотнуть ком, подступивший к горлу. Отойдя от него, Гермиона медленно начала двигаться под музыку, вытягивая руку к оцепеневшему Малфоя. Среди движущейся толпы он выглядел как свет в ночи. Одиноким, с переигранным спокойствием и горящими глазами.

А она, подобно искусителю, кружила перед ним, заманивая к себе, подбивая отпустить себя. Гермионе это казалось честным и правильным, ведь если она решила стать безрассудной, то и он должен сделать это вместе с ней.

— Ну же, Малфой, — улыбаясь, сказала Гермиона.

Протянув ладонь вперёд, она дотронулась до его руки, скользя пальцами вверх по чёрной рубашке и обходя самого Малфоя. Медленно, смотря в глаза и едва касаясь, подводя к грани допустимого и понятного. Её ногти двигались по его телу, плечам, спине, заставляя мурашки бежать по коже и подгонять к поражению рациональную часть сознания.

На несколько секунд она замерла за его спиной.

— Будешь гореть со мной? — прошептала она, вновь дотрагиваясь до его плеча и замирая перед ним.

Не настолько близко, чтобы поцеловать, но и не так далеко, чтобы отказаться от прикосновения. Опустив голову, она взяла его руку, переплетая пальцы и делая шаг назад, а после вновь вперёд, пытаясь спровоцировать его желание.

В одну секунду она ослабила хватку, ладонями упираясь в его грудь и почти прикасаясь своими губами к его, но только на незримое мгновение. Успеть ощутить, но не понять. Последний раз ухмыльнувшись, она уже собиралась отойти от него, отрицательно качая головой.

И в этот момент он сорвался.

Малфой схватил её за руку и резко притянул к себе — настолько, что она

врезалась в его тело и через мгновение ощутила ладонь на своей спине. Он крепко прижимал её к себе, опалая рваным дыханием кожу и смотря невероятно пронизывающим взглядом.

— Сгорю, Грейнджер, — ласково произнёс он. — С тобой хоть сотню раз.

Его губы накрыли её в грубом поцелуе. Казалось, что в него были вложены все сдерживаемые неделями эмоции, спровоцированные сегодня чувства и необузданные желания. Он словно превращался в концентрированную реализацию всех потребностей, давая ей всё, что она хотела и о чём могла мечтать.

Обжигающий, волнующий, моментами грубый и яростный, но всецело кружащий голову поцелуй дурманил рассудок, отправляя в мир познания взаимности. Малфой сминал её губы, отрываясь ровно на несколько секунд, чтобы вернуться ещё более настойчивым. Гермиона и сама не заметила, как её руки оказались на его щеках, нежно поглаживая едва ощутимую щетину.

Они сорвались. Оба. Участливо.

Сабрина терпела много поражений. В основном на первых курсах. Квиддич, занятия по трансфигурации, различные кружки и секции, куда она пыталась податься. Но, найдя свою стезю, научившись быть первой всегда и во всём, она пообещала себе, что больше не проиграет. И это удавалось выполнять. До сегодняшнего дня.

Но поцелуй любимого профессора с другой был не поражением. Это было предательство, которое волной острого раздражения накрыло её, заставляя задыхаться в собственной злости. Она ненавидела, хотела кричать, подойти и оттолкнуть их друг от друга, признаться ему во всём.

Однако она сдерживалась, заставляла себя успокоиться и холодно посмотреть на ситуацию, но не получалось. Обида с каждой секундой захлёстывала лишь сильнее, забирая воздух и здравый смысл. Оставляя неутолимое желание сделать нечто ужасное, плохое, негативное, что смогло бы стереть всё положительное из сегодняшнего вечера.

Посмотрев на проход между залами, Сабрина тут же направилась к нему, подходя к одному из маглов, что глядел на Брэдли, когда они вошли.

— Привет, — ласково произнесла Сабрина, быстро моргая.

За несколько часов здесь она успела понять, что это работало и располагало некоторых к девушкам. Ухмыльнувшись, магл развернулся и тут же упёрся рукой в стену над её головой.

— Привет, красавица, — ответил он.

Нарочно закусив губу, Сабрина рукой потянулась к его груди, пальцем выводя на ней незамысловатый узор.

— Моя подруга, Лив... — Сабрина кивнула на танцующую Брэдли. — Ты ей понравился, но она стесняется подойти.

И большего ему было не нужно. Улыбнувшись, он тут же взлохматил свои волосы и быстрыми шагами двинулся к Брэдли. Сабрине оставалось лишь наблюдать, когда он сморозит первую глупость или оскорбление.

И ждать долго не пришлось, спустя минуту Розье потянулся к палочке. Но маг сразу же толкнул его в грудь, подбивая на драку, пока Морган уже бежал к ним через весь танцпол. Удар, первый, второй, и чистокровный волшебник сцепился в драке посреди магловского клуба.

В одно мгновение музыка прекратилась, и Малфой с Грейнджер оторвались друг от друга. Они сразу побежали в нужный зал, застав не лучшую картину. Нотт и Забини также подключились к ситуации, пытаясь разнять прибавляющихся маглов, норотивших защитить друга.

И лишь Сабрину это веселило, она радостно наблюдала за тем, как кровью Розье окрашивается пол, а с лица Грейнджер пропадает эта довольная улыбка.

— Зачем мы ушли? — корила себя Грейнджер, ходя из одной части коридора в другую.

— Думаешь, его бы перестали бить из уважения к тебе? — хмыкнул Драко, выпивая обезболивающее зелье.

Грейнджер тяжело выдохнула и замерла, внимательно смотря на Драко и виновато поджимая губы. Не выдержав, она подошла и села рядом на скамейку. Палочкой она касалась мест зреющих синяков и кровавых подтёков, нашёптывая заклинания и излечивая недуги.

— Зелье бы тоже справилось, — отметил Драко, внимательно следя за её действиями.

Грейнджер закатила глаза и на секунду пригнулась к нему, оставляя на щеке едва уловимый поцелуй.

— А с этим твоё зелье тоже справилось бы? — хмыкнула Грейнджер, убирая палочку и с лёгкой улыбкой смотря на Драко.

— Даже если и так, — медленно протянул Драко, ловя её удивлённый взгляд, — я бы выбрал тебя...

Грейнджер хотела ему ответить, но тут открылась дверь больничного крыла.

— Проходите, в порядке ваш студент, — выдохнула Аббот.

Сабрина расположилась на ступеньке Астрономической башни, смотря в

одну точку и понимая, что своим действием лишь на несколько часов лишила сладкую парочку друг друга. А дальше они, словно с удвоенной силой, сидели около больничного крыла и ворковали. Будто бы драки не было, словно Сабрина не обвиняла Малфоя во всём.

Это разбивало Сабрине сердце, подталкивая к выводу, что любые её действия будут тщетны, если она вновь пойдёт на поводу у собственных эмоций. Впрочем, если бы это было действительно, она бы с радостью всё повторила.

— Ненавижу, — выругалась Сабрина, бросая в стену браслет.

Он тут же рассыпался, и бусинки покатались вниз по лестнице, последняя ещё несколько секунд звучала, падая с одной ступени на другую, пока резко не замерла. Подняв взгляд, Сабрина увидела тень поднимающегося человека и на одну секунду попросила Мерлина, чтобы это был Малфой.

— Брина?

Примечание к части

Мы ждали этого. Все мы! Долгожданный поцелуй, я кричала, пока писала эту сцену ☐ Ну до чего она классная

А вы что скажете?

Больше о работе и спойлеры к ней у меня на канале <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 14 «Рождество Грейнджер»

— Jingle bell, jingle bell, jingle bell rock, — напевал Курт себе под нос, танцующей походкой передвигаясь по Хогвартс-Экспрессу.

Предрождественское настроение звучало в голове всем репертуаром лондонских улиц. Курт предвкушал приезд домой. Подарки и развлечения с семьёй картинками рисовались перед глазами. Это был один из немногих праздников, который он любил всем сердцем и радовался несмотря на все невзгоды и плохое настроение.

Казалось, что именно в Рождество стиралась грань между добром и злом, правильное и неправильное уходило за границы понимания, а обиды временно забывались. Все оказывались в окружении самых близких людей, весело праздновали под привычные фильмы и шутили давно приевшиеся анекдоты. Но в этом была своя магия, не из Хогвартса или мира волшебников, а душевная, согревающая.

Уже собираясь завернуть в своё купе, Курт замер. Отшагнув назад, он слегка пригнулся, аккуратно заглядывая за соседнюю дверь. Там он увидел Сабрину в компании Фоули.

— Тебе не обязательно здесь сидеть, — хмуро сказала Сабрина, опуская взгляд в книгу.

— После вчерашнего я так не думаю, — нервно выдохнув, отозвался Фоули.

Не поднимая головы, Сабрина посмотрела на него, а её пальцы сжали кожаную ткань.

— Это был момент слабости, — пожала плечами она. — Ты просто оказался в нужное время в нужном месте. Не ищи здесь подтекст.

— Бриана...

Фоули встал и сел рядом с ней, его рука аккуратно легла поверх её ладони, и он придвинулся ближе, желая обнять её. Но Сабрина тут же оттолкнула его и тяжело выдохнула, пытаясь сделать вид, что Фоули здесь нет.

— Твои чувства к Малфою...

— Замолчи, — тут же выругалась она. — Если хоть одна живая душа узнает от тебя...

— Я бы так не поступил, — мотнул головой Фоули и опустил локти на колени, смотря в пол. — Просто понимаю, что они обречены.

От услышанного у Курта перехватило дыхание, и он лишь крепче взялся за крючок в стене, помогающий держать равновесие. Осознав слова Фоули, Курт не сразу принял их всерьёз, решив, что это нелепая шутка. Но с каждой секундой, пока воспоминания калейдоскопом кружились в разуме, он всё быстрее сопоставлял факты.

Влюблённость Сабрины в Малфоя заполняла множество пробелов и объясняла, почему после разговора с ней в клубе произошла драка. Дело было не в слизеринском желании унижать других или цели отомстить Розье за не лучшие комментарии. Вовсе нет. Причиной всему были Малфой и неразделённая любовь Сабрины к нему.

— Не тебе говорить об обречённости, — хмыкнула Сабрина. — Забудь всё, что я тебе вчера рассказала.

Фоули вновь попытался приблизиться к ней, но она сразу достала палочку и без раздумий направила на него.

— Мне не нужно твоё сострадание, Каспер, — твёрдо заявила она. — И либо ты уходишь отсюда сам, либо вылетишь с моей помощью.

Фоули смотрел на неё несколько секунд, словно пытался найти аргументы против, но постоянно терпел поражение. Уже через пару мгновений он встал и двинулся к выходу, а стоящий в коридоре Курт тут же с характерным хлопком вошёл в соседнее купе.

Три пары глаз недоумённо глядели на него, на что он улыбнулся и пожал плечами, усаживаясь рядом с Оливией.

— Что делаете? — заинтересованно спросил Курт, перекинув ногу на ногу.

— Не поверишь, в Лондон едем, — хмыкнул Розье.

Сидевшая рядом с ним Венди тихо засмеялась, а после дёрнула Розье за мантию, привлекая внимание к своим записям по последним квиддичным матчам. Но Курта это даже не беспокоило, всё, что крутилось в его голове теперь, — чувства Сабрины к Малфоя. Новость, достойная первой полосы «Ежедневного Пророка».

Драко всегда отмечал Рождество дома с родителями. Это была своего рода традиция, к которой не допускались другие родственники, друзья и знакомые. Нарцисса каждый год украшала одну из самых светлых гостиных, умело орудуя палочкой и руководя эльфами. Люциус, скрепя сердце, выделял совершенно секретные рецепты блюд, передающиеся из поколения в поколения, и рассуждал о предках.

А Драко... ему было достаточно прийти. Возможно, для родителей он тоже играл особую роль во всём празднике, но, вероятно, она была секретна даже для него самого. Но он любил Рождество. Именно в этот праздник заканчивались разговоры о свадьбе и маглорождённых, бесконечные истории о величии и строительство планов на ближайшее столетие.

Они просто наслаждались вечером. Шутили, смеялись, родители вспоминали истории из молодости, рассказывая даже о тех родственниках, которых выжгли с дерева и приказали забыть. Этот праздник словно был за гранью добра, зла, хорошего, плохого, войны или её отсутствия. Островок радости в море беспросветной тьмы, вселяющий в душу желание жить и наслаждаться этим

ещё год. Чтобы однажды опять повторить, собраться у камина за ужином и напомнить Люциусу *«тот случай с седьмого курса»*.

Поэтому Драко предвкушал утреннее отправление домой и с улыбкой на лице прогуливался по пустующей школе. Практически все уехали, кто-то на поезде, некоторые на метлах, другие заказали портключ, и именно перед ним они закончились. Так бы он отправился домой уже сейчас. Но это его не расстраивало, ему было о чём подумать даже за пределами праздника.

— Малфой? — удивлённый голос заставил его поднять голову.

Душа в мгновение наполнилась теплом и палитрой счастливых воспоминаний вчерашнего вечера. Уводя Грейнджер в глубь клуба, он ждал всего: от её возмущений до кротких улыбок и отведённых глаз. Но она его удивила — вновь.

Каждый раз, когда он думал, что она превращается в литое стекло — хрупкое, беззащитное и влюблённое в него чувством платоническим и до боли милым, — она становилась подобием статной львицы: ни робости, ни краснеющих щёк или кротких взглядов. Флирт, хитрость, игривость, концентрированное желание играть в провокации и оставлять его на краю пропасти с протянутой рукой.

В этом и была вся Грейнджер. Девушка, способная быть строгим преподавателем, чувственным котёнком, кровожадным хищником и играть с ним так, будто её факультет прославлен хитростью. Она восхищала, слегка пугала, но всецело притягивала к себе в лучших мотивах любой фантазии. И всё чаще Драко думал, что хочет наслаждаться ею всегда, раскрывать новые грани и увлечённо любить старые.

— Разве ты не уехала? — спросил Драко, подходя к ней.

— Портключ смогли сделать только на утро, — тяжело выдохнула Грейнджер. — А ты почему ещё здесь?

В её глазах мелькнул слегка заметный огонёк заинтересованности, словно она была даже немного рада такому раскладу вещей. Драко улыбнулся.

— Они закончились передо мной, — покачал головой он.

Грейнджер прыснула со смеху, прижимая к себе скомканный плед. Заметив это, Драко свёл брови к переносице, осматривая её. Почувствовав на себе его взгляд, Грейнджер закусил губу и слегка поправила ткань, из-под которой виднелось горлышко бутылки.

— Не хочешь устроить репетицию Рождества? — невинно спросила она, смотря в его глаза.

Драко подошёл к ней ближе, почти вплотную, чтобы её дыхание перехватило и она не смогла оторвать от него взгляда. Это были лёгкий намёк, едва уловимая надежда и повторная провокация. Возможно, Грейнджер ждала от него большего, но Драко лишь приспустил плед и изучил название принесённого из кухни алкоголя.

— Хочу, — ответил он.

Грейнджер прищурилась, гневно осматривая его.

— Неужели отказался бы из-за неудачного выбора?

— Нет, — он пожал плечами. — Но ты так покраснела.

Она вобрала в лёгкие больше воздуха, едва не начав злиться. Но за секунду в её глазах мелькнул огонёк хитрости, и она довольно улыбнулась, склонив голову набок.

— Через час в моей комнате, — сказала она и показательно обошла Драко, нарочно касаясь его руки своей. — И не опаздывай, а то не пущу.

Это была очередная игра от Гермионы Грейнджер, и Драко понимал, что хочет насладиться ею больше, чем встретить Рождество дома. Впервые нечто стало хотя бы немного выше привычного вечера.

Он провожал её удаляющуюся и манящую фигуру взглядом, убеждаясь, что ей это нравилось. *Манипулировать им и провоцировать*. Это была их совместная игра в поддавки, где каждый хотел выиграть ровно настолько же, насколько и проиграть.

Гермиона была в отношениях и искренне полагала, что знала о них всё. Естественно, с аналитической точки зрения. Так называемой парой становились с дальнейшей целью построить семью, произвести потомство и прожить счастливую старость. Если у человека, который стал ей симпатичен, такого плана не было, то и тратить на него время опрометчиво.

Собственно, именно по этой причине большинство её отношений очень быстро заканчивались. Что с Роном, что с Голдстейном и парнем, чьё имя они не называли из-за его прощальной речи во славу патриархата. Она будила отрицательные эмоции, поэтому он просто стал *тем парнем*.

Джинни говорила, что причина в спешке Гермионы. Словно у неё был список дел на всю жизнь, где отношения являлись не плодом любовных фантазий и чувств, а галочкой, которую хотелось скорее поставить. Гермиона сама вынуждала пропускать конфетно-букетный период, переходя к серьёзным намерениям. Это и отторгало.

С Малфоем же было иначе. Как бы Джинни ни шутила про зажиточную пожилую пару, с ним Гермионе казалось, что она проживала то самое счастливое начало отношений. Когда не размышляешь о будущем, не строишь грандиозные планы, а просто живёшь.

Раньше Гермиона всегда обдумывала каждое слово, которое скажет, готовилась к важным речам и защищала свои затеи, как проекты. А сейчас она могла позволить себе безрассудно танцевать перед ним в магловском клубе, провоцировать, подталкивать, играть, подобно зверю.

Гермиона бросалась неосторожными фразами (иногда даже угрозами),

повышала на него голос или признавалась в самом сокровенном. С ним Гермиона отпускала себя из состояния всегда спланированной жизни до полной неизвестности, и ей это нравилось.

Но что её восторгало больше, так это взаимность. Малфой шёл с ней на всё, иногда переигрывая, чем сильнее манил к себе. Взаимное безрассудство, манящее невидимыми последствиями, ощущалось так же ярко, как жадный поцелуй или горячее прикосновение.

Поэтому с Малфоем было иначе, и это причина его появления в её комнате этим вечером.

— Признай, что Морган напоминает Маклаггена, — сказал Малфой, расслабляясь на диване.

— Очень отдалённо, — пояснила Гермиона, перекидывая ногу на ногу. — И не сравнивай, мы учились в разное время.

Малфой усмехнулся и отрицательно покачал головой.

— Меняются лица, имена, фамилии, но фактурные роли есть на каждом курсе, — заявил Малфой. — На Гриффиндоре же есть староста с идеальной успеваемостью.

— Оливия просто очень хорошая девочка, — тут же заступилась Гермиона.

— А по этой причине Розье её трахнет, — улыбнулся Малфой, делая глоток огневиски.

Гермиона прищурилась, недоверчиво рассматривая расслабленного на диване Малфоя. Казалось, что сказанное для него было столь же очевидно, как Амортенция, пахущая тем, что больше всего нравится.

— Не соглашусь, — ответила Гермиона, видя вздёрнутую бровь Малфоя. — Да, они общаются из-за наших занятий. Но это максимум дружба, не больше.

Малфой усмехнулся и наклонился вперёд, опуская бокал на кофейный столик. Его глаза заинтересованно рассматривали Гермиону. Слово он не пытался понять правдивость ответа, а искал точки соприкосновения двух мнений.

Гермиона и сама медленно осознала, что фраза, сказанная в противовес его, — вовсе не её собственные выводы. Она не размышляла о детях в таком ключе в принципе, считая, что, даже если она против, это ничего не поменяет. Говоря об Эрике и Оливии, Гермиона думала о Малфое и себе. Об их отношениях.

— Считаешь, он её не хочет? — склонив голову набок, спросил Малфой. — Или она его оттолкнёт?

Его провокация против её. Игра Малфоя и Гермионы, обязанная закончиться ответами на её вопросы.

— Они несовместимы, — пожала плечами Гермиона. — Вечная борьба Гриффиндора со Слизерином может быть уже не до крови, но и не до постели.

— Ты многого не знаешь о своём факультете, — загадочно сказал Малфой. — Или Забини с Уизлеттой уже не в счёт?

— Их не разделяют кровные распри, — продолжала ставить стены Гермиона.

Она словно испытывала Малфоя, проводя по всем предрассудкам, которыми они могли болеть. И он, судя по улыбке и заинтересованности больше, чем в собственном предмете, это понял.

— Хорошо, а если, — вытягивая каждое слово, говорил Малфой, — нет разницы, какие у тебя кровь и факультет, это вторично и не имеет значения, что-то возможно?

Гермиона усмехнулась и мотнула головой. Встав с кресла, где до этого сидела, она подошла к столику и взяла стакан Малфоя.

— Если так, то вполне, — ответила Гермиона, отправляя посуду к бутылке.

Повернувшись обратно, она вздрогнула, едва не врезаясь в грудь вставшего Малфоя. Подняв глаза на него, она увидела бурю эмоций, разгорающуюся с каждым мгновением всё сильнее. Его бледное лицо, казалось, ненадолго обретало цвет, а дыхание становилось прерывистым.

Постепенно, находясь рядом с ним всё дольше, Гермиона чувствовала жар, несущийся по крови быстрее света. Он грел её, заставляя пылать и гореть перед Малфоем, его вопросами, взглядами и предположениями. Сердце колотилось, но она уже не разбирала, его это или её, казалось, что они бились в унисон, оглушая прошлое и будущее, оставляя настоящее. Здесь и сейчас.

Губы Малфоя встретили её слегка уловимо, нежно, медленно. Будто бы поцелуй жёг каждую клеточку тела — и если он станет яростнее хоть на мгновение, то они оба сгорят. Это были не те эмоции на танцполе, когда в крови играли музыка, алкоголь и безрассудство. Чувство возвышалось, затягивая своими лёгкостью и невинностью на неподъёмную высоту, откуда не будет выхода.

И это осознание пробивало разум, распаяя, раскрывая и будоража. Заставляя Малфоя целовать грубее, словно он не мог насытиться этим моментом. Будто с каждым рваным дыханием и движением губ он голодал сильнее.

Это ощущалось в его действиях, и Гермионе казалось, что она проживала его эмоции так же ярко, как свои. Возможно, они были настолько обоюдны, что сливались в единое целое, откровенно нужное и до боли необходимое.

— Всё-таки она его не оттолкнет? — прошептал Малфой, на мгновение отстраняясь от её губ.

— А он её всё-таки хочет? — улыбаясь, отвечала Гермиона, руками касаясь его груди.

— Только её и хочет, — сказал Малфой, целуя уголки губ.

Адреналин выстреливал в кровь зарядом энергии, подталкивая сердце колотиться, а руки — беспорядочно бродить по телу. Гермiona не знала, повторится это или нет, не рассчитывала на будущее и не строила планов. Поэтому хотела просто насладиться, запомнить каждый мускул, изгиб и сохранить это в памяти на ближайшую вечность.

Её пальцы лихорадочно описывали широкую грудь и крепкие плечи сквозь льняную ткань белой рубашки. А Малфой словно становился другим, не вторящим её движениям, не пытающимся запомнить. А изучающим, познающим и забирающим. Касаясь её талии, сжимая до боли и опускаясь ниже по бедру, он будто впитывал каждую клеточку её тела.

И эти крепкие движения, ощутимые сотней эмоций прикосновения и обжигающие дыханием поцелуи подталкивали её к нему. Гермiona прижималась к Малфойю грудью, чувствуя, как он трепещет, и позволяла дотрагиваться до себя везде, запоминая каждое действие.

Он медленно опустился на диван позади себя, Гермiona подалась вперёд, упираясь коленями по обе стороны от его бёдер и кладя ладони ему на плечи. Её губы вновь встретили его, смакуя вкусы украденного огневиски, безрассудства и потребности, пока его руки скользили по её спине вниз, касаясь края свитера.

Малфой оторвался от Гермiony всего на мгновение, стягивая и отбрасывая от себя её одежду. Носом он уткнулся в её грудь, с жадностью целуя кожу и пальцами расстёгивая бюстгальтер. Гермiona запрокинула голову назад, ощущая грубые укусы, нежные поглаживания на сосках, ладони, сжимающие её талию, и дрожь, звучащую в собственном теле.

Не выдержав, Гермiona слегка оттолкнула Малфоя, произнося заклинание и избавляя его от рубашки. Заставив его откинуть голову на спинку дивана, она прильнула к губам, целуя уголки, линию челюсти, опускаясь к шее и оставляя там едва заметные следы. Гермiona надеялась, что они останутся, возможно, совсем незаметно, но достаточно, чтобы он вспомнил о ней, её прикосновениях и эмоциях.

— Сгораем, Малфой, — прошептала она, ухмыляясь.

Хитрые искры в его глазах были последним, что она заметила, прежде чем рухнула на диван и оказалась под ним. Кожаная обивка неприятно липла к телу, но это осталось за границами понимания, когда губы Малфоя дотронулись до её сосков, опускаясь ниже к застёжке брюк.

И насколько бы чётко она ни чувствовала каждое его прикосновение, секунду, когда он освободил её от одежды, она уловить не успела. Только ощущение прохлады и лёгкий поцелуй в районе лобка, заставивший выгнуться навстречу.

Он улыбался, она видела эту довольную ухмылку на его лице. Малфой добивался того, чего хотел, и это был вовсе не секс, а её одержимость, зашкаливающее желание почувствовать и ощутить его полностью. Но он не позволял, дразнил, целовал везде, кроме места, ноющего от жажды его действий.

— Ты издеваешься? — тяжело дыша, спросила она.

Мгновение, и он уже навис над её лицом, обжигая своим дыханием и улыбаясь, провоцируя молить, требовать и просить.

— Ты не была такой раздражительной, когда танцевала, — заметил он, касаясь кончика её носа своим.

— Мстить девушке так неблагородно, — хмыкнула Гермиона и громко застонала, чувствуя, как он сжал клитор подушечками пальцев.

Ощутимая боль выливалась в наслаждение, негой распространяющееся по телу и сбивающее дыхание. А он смотрел, улыбался, впитывал все её эмоции, вздохи и стоны. Его поцелуй под ухом отдавал нежностью, как и лёгкие круговые движения внизу живота, заставляющие почти кричать.

— Моя месть сладка, Грейнджер, — шептал он ей на ухо, разжигая под собой. — И она нравится тебе.

Его неторопливые прикосновения плавил сознание, заставляя бёдра двигаться вперёд, желать большего. В один момент Гермиона не выдержала, и её рука легла на его брюки, чувствуя возбуждение и слегка касаясь пряжки ремня. Мгновение, и он схватил её за запястье, отрываясь от издевательской ласки.

— Я знаю, что мне понравится ещё больше, — сказала она.

Пальцы медленно вытянули ремень из пряжки, пока Гермиона неотрывно смотрела на него, видя грань, на которой Малфой покачивался. И в ту самую секунду, когда до края оставались считанные мгновения, она подалась вперёд и поцеловала его, заставляя сдаться. Он сам освободился от остатков одежды и тут же запрокинул её руки над головой, предотвращая дальнейшие игры.

— Неужели не понравилось? — невинно хлопав глазами, спросила Гермиона.

Но он не ответил, а резко вошёл в неё, выбивая звучный стон, эхом отскакивающий от стен комнаты. Ощущение заполненности застилало сознание, а в груди встал ком из всех криков, которые она сдерживала.

— А тебе? — спросил Малфой, медленно двигаясь в ней.

Он смотрел в её глаза, в которых, она была готова поклясться, плескались все её неозвученные чувства. Гермиона испытывала не удовольствие, а нарастающее с каждым толчком желание большего. Будто она качалась на тонком канате над пропастью, в которую жаждала сорваться, но он не позволял.

Малфой не был нежен или весел, как обычно. Он безрассудно издевался над ней, наслаждаясь властью, безмолвным согласием и стонами удовольствия, вырывавшимися из её горла с каждым движением. А она их ему дарила, запоминая все детали, чтобы после прокрутить это в голове не единожды. Происходящее было настолько важным и нужным, что она хотела прожить это ещё раз, стереть из памяти, чтобы коснуться снова и с большей силой.

— Отпусти их, — прошептала она, смотря в его глаза. — Пожалуйста.

И в эту секунду пальцы на её запястьях ослабли, и Гермиона ухватилась за мужские плечи, своими губами касаясь его. Чувственно, нежно, необходимо, пока её ногти впивались в его кожу с каждым рваным толчком, выбивающим из неё стоны.

Ощущая подступающий оргазм, Гермиона откинула голову назад, метаясь под Малфоем, постанывая в ответ на его движения. Пока он целовал её шею, толкаясь резче, грубее, безрассуднее.

Она качалась над пропастью, ловя всё больше адреналина и почти падая. Каждая фрикция толкала её вниз, пока одна не заставила сжаться вокруг Малфоя. Гермиона, крепко обхватывая его, почувствовала, как оргазм накрывает и его. Ударной волной со звуками стонов, крепкими объятиями и бескрайними эмоциями.

Тело ещё подрагивало, когда он вышел из неё и лёг рядом, притягивая к своей груди, а прерывистое дыхание было единственным, что она могла слышать.

Это было Рождество. Одно из лучших.

Утро встретило Драко и Грейнджер лучами солнца сквозь незанавешенные окна. Горячие потоки бродили по их телам, пока не коснулись лиц, заставляя всё-таки проснуться. Первой веки подняла Гермиона, неосознанно улыбаясь от ощущения прижимающегося к ней Малфоя, уже целующего обнажённое плечо.

Но в то же мгновение её глаза обратились к циферблату часов, на которых короткая стрелка указывала на цифру десять.

— Малфой! — закричала она.

— Пора учить тебя называть моё имя, — хмыкнул он.

— На сколько у тебя портключ? — она повернулась к нему, видя сведённые брови.

— На десять, — сказал Малфой и тут же взглянул на часы, осознавая её беспокойство.

Оба тут же подскочили с дивана, судорожно одеваясь и ища чемоданы, приготовленные с вечера. Они даже не успели посмотреть друг на друга в последний раз, прежде чем Гермиона надела на себя свитер, а он застегнул брюки, хватая вещи и монеты, служившие их ключами.

Хлопок аппарации, и Драко встретили две удивлённые пары глаз родителей.

— Нет, я всё-таки введу дресс-код праздника, — отметила Нарцисса, делая пометку в своём свитке.

примечание к части

Да! Это то, чего вы так долго ждали (наверное, я ждала вам показать). Мне нравятся их диалоги здесь, сравнения с Эриком и Оливией и зажигательная концовка с Нарциссой. Безумно жду вашей реакции и спасибо, что вы со мной)
Жду всех также у себя в тг <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 15 «Проект «Solitudo»

Рождество в поместье Фоули, как правило, отмечалось в тесном семейном кругу. Зачастую на празднике присутствовали лишь родители, Кларисса и Персей, и их сыновья, Персей-младший и Каспер. Крайне редко приходили друзья или родственники. На памяти Каспера это произошло всего пару раз, и сегодня был второй.

Мисс Бронте, как она сама просила себя называть, не была частым гостем в их доме. Но являлась очень близкой подругой его матери. Они познакомились около шести лет назад на одном из приёмов в Министерстве.

Каспер хорошо помнил тот день и вовсе не из-за мисс Бронте. Тогда в доме стоял жуткий гам, а от родительских криков закладывало уши. Для него это было удивительно, потому что мать и отец практически никогда не ругались и имели одинаковые взгляды абсолютно во всех направлениях. Но именно тогда Каспер узнал, что было одно-единственное исключение — *образование*.

Когда в семье встал вопрос о школе, куда будет поступать Персей, отцу пришлось уступить матери. В то время Хогвартсом управляли Пожиратели смерти, и отправить туда ребёнка, несмотря на их взгляды, было достаточно опрометчиво. А о скором будущем никто и не осмеливался думать. Поэтому выбор пал на Дурмстранг, куда принимали с десяти лет.

Мама была очень этим довольна, считая образование болгаров одним из самых лучших. Её всё чаще радовала мысль, что ребёнок точно будет обучаться с равными себе. В Хогвартсе же, с и раньше почти демократической позицией, она не видела подобного величия. Поэтому намеревалась отправить в Дурмстранг и Каспера. Но восстановление школы чародейства и волшебства не позволило ей это сделать.

Во второй раз решение было в пользу отца, и Каспер отправился именно в Хогвартс. Мама и до этого обычно хвалила только Персея, как первенца и наследника, который её никогда не разочаровывал, а когда Каспер заставил её появляться в Хогвартсе, показалось, будто она стала слегка ненавидеть младшего сына.

Каспер не хотел об этом думать, но всё чаще приходил к подобным выводам. Ему было больно, обидно, но он мирился, стараясь всегда подчиняться матери. Её довольная улыбка была для него светом и причиной для гордости. Но с каждым годом учёбы её просьбы становились сложнее...

— Какая же потрясающая форма, — мечтательно говорила мама, смотря на Персея.

— А в следующем году их тренер уходит на пенсию, — высокомерно сказал тот, усаживаясь за стол. — И тренировать квиддичную команду Дурмстранга станет...

Мать сразу захлопала в ладоши и встала из-за стола, обходя его и целуя в щёки сына, приговаривая, как она им гордится. Отец всё это время одобрительно кивал, одним глазом посматривая в документацию своего магазина на соседнем стуле. Лишь Каспера в этот рождественский вечер не

радовали успехи старшего брата. Напротив, всё больше раздражали.

Поэтому он, подперев рукой подбородок, лениво перекатывал ужин по тарелке. Его взгляд практически каждые пять минут бросался к циферблату. Он ждал, пока ненавистные пару часов, что он должен высидеть по правилам хорошего тона, пройдут. В такие моменты Каспер даже слегка ненавидел Эрика, который подгонял его на поезд, чтобы не опоздать.

По крайней мере, если бы он не успел, провёл бы Рождество в своей комнате с вкусным ужином и в одиночестве. Всё было лучше бесконечных восхищений братом и нескончаемых историй о его успехах и грандиозных планах.

Тем временем сидеть осталось ещё сорок минут.

Вдруг послышался звук камина из соседней гостиной, и мама стремительно двинулась к арке между ними. Каспер бросил хмурый взгляд туда и заметил, как в гостиную вошла мисс Бронте. Они начали восхищённо оценивать одежду друг друга и поздравлять с праздником, пока остальная часть семьи молча сидела за столом.

— Как в школе дела, Кас? — толкнув брата в плечо, спросил Персей.

Каспер перевёл скучающий взгляд на брата и безучастно пожал плечами. У него не было желания разговаривать.

— Квиддич, занятия, еда, сон и так по кругу. Каждый день, — сухо ответил Каспер.

— Видел твоих в «Венике» в начале года, кстати, — вскользь упомянул Персей. — Что там за группа у вас собралась?

— На перевоспитание, — пояснил Каспер, отпивая сок.

Отец, услышав их, тут же прищурился.

— Не та ли, в которую тебя хотели отправить? — строго спросил он. — И Эрика в том числе.

— Эрика и отправили, — выдохнул Каспер. — Ходит теперь, магловские причуды изучает...

От услышанного Персей даже подскочил на месте и удивлённо, даже с долей некоего восхищения посмотрел на брата. Отец же нервно сжал зубы и отвёл взгляд в сторону, стараясь не придавать этому особого значения.

— Мне нравятся преобразования Поттера, — улыбнулся Персей. — Соблюдение многовековых традиций это, конечно, здорово. Но в инновациях есть нечто манящее, да, отец?

— Хогвартс всегда был прогрессивен, — спокойно ответил папа, слегка улыбнувшись, и продолжил уже тише: — Как бы ваша мать ни ненавидела это, но скоро и она поймёт, насколько подобный подход хорош.

Каспер едва сдержался, чтобы не усмехнуться. Он прекрасно знал, что мать

не смирится с этим. В её голове уже давно был чётко выстроенный план. А создание группы трудных подростков лишь подталкивало к понимаю, что он начинал действовать.

Для Каспера не было секретом: его мать и мисс Бронте хотят закрыть Хогвартс. Но это было неизвестно отцу и Персею. Потому что являлось их с мамой «*маленькой тайной*» ради достижения её же целей.

И она не сдавалась перед лицом трудностей, как истинный гриффиндорец. Искала всё новые и новые пути, подталкивала Каспера на нужные идеи и проецировала выгодные поступки.

Поначалу это было несложно — всего лишь поддержка уже разгоравшихся конфликтов, подначивание маглорождённых и громкие фразы. Позднее всё стало перерастать в короткие действия, вроде приклеенных на спину надписей или подложенных записок с насмешками. Но в этом году идея с соком была выше него самого, и Каспер даже оказался рад, что Эрик оценил её по достоинству.

Если бы не Эрик, возможно, у Каспера бы и не получилось сделать это в одиночку. Но благодаря другу он смог, Эрик и сам не понимал, насколько важную роль сыграл в, казалось бы, безобидном плане матери Каспера.

— Линда, добрый вечер, — сказал отец, как только мисс Бронте подошла к столу.

Персей тут же встал и приблизился к ней, наклоняясь и целуя тыльную сторону её ладони. Она тут же громко засмеялась, выдавая притворное смущение, а после опустилась на стул рядом с Каспером.

Ощущая её колкий взгляд, Каспер приветственно кивнул, стараясь быстрее жевать и всё время смотреть на отца. Но тот, к его несчастью, уже в первые минуты после позвал Персея с собой в кабинет, оставляя младшего сына наедине с дамами.

— А разве Кас не пойдёт с нами? — свёл брови к переносице Персей.

— Ему ещё рано вести такие разговоры, — намекая на алкогольный подтекст, сказал отец.

Как только они вышли, Каспер тоже встал из-за стола, поправляя одежду и прощаясь.

— Постой же, дорогой, — ласково попросила мама, когда Каспер уже развернулся, собираясь уйти.

Он замер, смотря в пустоту перед собой и медленно прикрывая веки. Каспер знал, что последует дальше, и слегка боялся, какую на этот раз задачу на него взвалят. Он хотел бы отказаться, противостоять, сказать, что не хочет. Но малая вероятность, что мама будет им довольна, что блеск в её глазах и восхищение наконец будут обращены к нему, а не к Персею... Это взяло над ним вверх практически сразу, заставив повернуться обратно.

— Да, мама, — присев рядом с ней и мисс Бронте, ответил он.

— Каспер, ты большой молодец, — тут же сказала мисс Бронте, широко улыбаясь. — Произошедшее первого сентября невероятно продвинуло нас к цели, но я знаю, что в Хогвартсе сейчас всё спокойно.

Последнее она говорила с заметной горечью в голосе, пока мама с лёгким осуждением смотрела на самого Каспера. Будто бы он сделал недостаточно, чтобы всё было плохо, словно это зависело всецело от него.

Обида болезненными уколами царапала сердце, подталкивая едва не к слезам и желанию высказать всё, что накопилось. Но надежда, крохотная и миниатюрная, метавшаяся в его сознании, всё ещё побеждала.

— Твоя задача вернуть всё на круги своя. Вновь разогреть угасающую войну, — пояснила мисс Бронте.

— Я не знаю как, — пожал плечами Каспер. — Эрик души не чает в маглорождённых гриффиндорцах. И другие начинают разделять его мнение.

— Им всего лишь нужно напоминание, — улыбнувшись, сказала мисс Бронте. — Но тебе потребуется союзник. Неужели все слизеринцы стали безразличны?

Первое и единственное имя, прозвучавшее сейчас в голове Каспера, было ему не в радость. Он не хотел, чтобы этот человек хотя бы на малость имел отношение к его поступкам и решениям. Но понимал — это могло их сблизить. Да и завоевать её расположение, предоставив призрачную возможность получить желаемое. *Это было слишком заманчиво, чтобы не сдаться.*

— Сабрина Слизнорт, — медленно произнёс Каспер, привлекая внимание мамы и мисс Бронте. — Если бы вы могли решить её проблему...

— Я всегда рада помочь детям, — обеспокоенно сказала мисс Бронте, кладя руку поверх его. — Что хочет девочка?

— Если Хогвартс закроют, вы сможете устроить ей и профессору Малфю места в Дурмстранге? — выпалил он, вызывая на лицах женщин недоумение.

Он не решался назвать истинную причину недугов Сабрины, по крайней мере потому, что надеялся, что она перегорит своими чувствами к Малфю. А он, сам Каспер, окажется для неё добрым другом, который выполнил её желание. Может быть, тогда она станет к нему ближе и забудет о Малфое.

— Между ними что-то... — медленно начала мисс Бронте.

— Сабрина очень ценит профессора, — непринуждённо пояснил Каспер. — И считает, что работа с профессорами, вроде Грейнджер...

— Портит его, — тут же перебила его мама. — Абсолютно согласна. Малфой становится всё невыносимее в своей сдержанности от истины. Мы сможем это организовать?

Мисс Бронте довольно улынулась и удовлетворительно кивнула. Это и правда не доставило бы больших хлопот, ведь её родной брат занимал не последнее место в Дурмстранге. Собственно, отчего и шло желание матери

отдать сыновей туда.

— Союзника мы нашли, — довольно сказала мисс Бронте. — Перейдём к сути. Каспер, ты слышал о заклинании *Сектумсемпра*?

В доме Грейнджеров в это Рождество царила полная неразбериха. Когда Гермиона собиралась к родителям, то и не подозревала, что в этом году у них соберётся огромное количество родственников. Будто все разом вспомнили о существовании Джин и Джона Грейнджеров, у которых есть большой дом и которые всегда рады гостям.

Поэтому, когда практически обнажённая Гермиона появилась перед ошарашенной матерью в ванной, семье было сложно объяснить, как она прошла мимо них. Но отец смог это сделать, а как именно — и для Джин, и для Гермионы тайна. Благо после никто не интересовался способностями Гермионы к тихой ходьбе, а были озабочены своими новостями и проблемами.

Причём последние начинались уже на кухне.

— Если ты будешь так подавать овощи, то от тебя разбегутся все потенциальные женихи, — хмыкнула тётя Мэри, проходя мимо своей дочери.

— Райан же не убежал, — самодовольно отметила Эмили, сбрасывая перцы в общую тарелку.

— А ты хоть раз ему сама готовила? — слегка ударив Эмили по носу, спросила тётя Мэри и прошла к холодильнику.

На это Эмили не ответила, лишь опустила глаза и с нервной улыбкой потянулась за огурцами. Гермиона тихо усмехнулась, наблюдая за их шутивными фразами. Эти две женщины были как сёстры, настолько они друг друга понимали и находились, казалось, в своём собственном мире.

У Гермионы с Джин были не менее тёплые, но всё же более сдержанные отношения. Между ними существовала осязаемая грань дочери и матери, где вторая всегда была старшим товарищем и опорой, а первая приходила к ней за поддержкой.

У тёти Мэри и Эмили было немного иначе. Возможно, это произошло после ранней смерти мужа и отца, из-за чего им пришлось стать друг для друга намного большим, чем казалось. Но точно Гермиона не знала, могла лишь предполагать и наблюдать за их взаимоотношениями. Тёплым и дружескими.

— Ещё одна неудавшаяся невеста, — покачала головой тётя Мэри, смотря на проделанную Гермионой работу. — Джин, мне кажется, что нам придётся готовить им даже после свадьбы.

Мама тихо рассмеялась и подошла к столу, забирая у Гермионы нож и кивая на огромную миску с овощами, которые требовалось разложить по тарелке.

— Ладно тебе, Мэри, — улыбчиво сказала мама. — Таланты девочек просто раскрываются не на кухне.

— Боюсь предположить, что у них за таланты, — ворчливо ответила тётя Мэри, вставая позади Эмили. — Хотя если судебные дела будешь стругать так же, как несчастный картофель...

— А вот и буду, — самодовольно ответила Эмили, перебивая. — Награду, как лучшей ученице на курсе, дают не всем.

Услышав это, Гермiona искренне улыбнулась и восторженно посмотрела на довольную Эмили, явно гордившуюся сказанным.

— Поздравляю, Эмили, это же так престижно, — восторгалась Гермiona.

— Вот так надо радоваться этой новости, мама, — указав на Гермionу, возмутилась Эмили.

Тётя Мэри лишь закатила глаза, но всё-таки подошла и поцеловала Эмили в щёку, шепнув короткое поздравление. Возможно, она пыталась скрыть свою искренность, оставив её за грудой смеха и сатиры, но во взгляде тётя Гермiona видела гордость, приятно обжигающую сердце.

— А как твои дела, дорогая? — спросила тётя Мэри у Гермiony. — Джин говорила, ты преподаёшь в школе, где училась.

Поймав слегка обеспокоенный взгляд Гермiony, мама тут же переняла инициативу на себя.

— Да, жутко дорогой пансион, — восторгалась мама. — Ещё и находится за пределами Великобритании.

— Наверное, много иностранцев, — мечтательно сказала Эмили. — Тебя взяли как лучшую студентку? Помню, твой друг говорил, что ты отлично училась. Как его...

Эмили на секунду задумалась, вероятно пытаясь вспомнить имя, но больше размахивала ножом, отчего тётя Мэри быстро его забрала.

— Гарри, точно! — улыбнулась Эмили. — Такой милый мальчик. Он сейчас там же?

— Да, его назначили директором, — пояснила Гермiona.

— Вот это у вас там карьерный рост, — усевшись на диван, сказала Эмили. — Вроде только недавно закончил школу, а уже директор. Невероятно.

Следом Эмили быстро переключилась к обсуждению своего университета и дисциплин. Она стремительно увела разговор подальше от Гермiony, чему последняя была несказанно рада. Большое количество вопросов всегда вызывало пропасть несостыковок и не потому, что не хватало фантазии, чтобы оправдать всё.

Со временем, рассказывая больше о таинственном пансионе без адреса, названия и точки на карте, Гермiona медленно выстраивала выдуманный мир, которому приходилось соответствовать. И иногда старые объяснения

практически не вязались с новыми.

Это вызывало подозрения и, что ещё хуже, интерес.

В течение часа все блюда наконец были доставлены в гостиную, где собралась большая часть семьи, обсуждая последние новости и успехи. На радость Гермионы, тщеславию отличалось поразительное количество родственников, поэтому о её существовании очень быстро забыли. Ей оставалось только добродушно улыбаться и поддерживать разговоры короткими фразами, медленно поедая ужин.

Гермиона надеялась, что так всё и пройдёт, но в один момент раздался звонкий стук в окно из коридора. Все мгновенно замолчали и стали удивлённо переглядываться между собой. Встав из-за стола, отец вышел и открыл дверь, а вся семья с непониманием замерла.

Отец вернулся через пару минут с небольшой коробкой в руках и заинтересованным взглядом.

— Дорогая, это тебе, — сказал он, протянув подарок Гермионе.

Она свела брови к переносице и, встав, тут же подошла к отцу, забирая у него коробку.

— И передай друзьям, что совиная почта слегка заметна, — шепнул он ей, прежде чем вернуться за стол.

Гермиона кивнула ему и скорее отправилась на кухню, разворачивая подарочную коробку. В ней лежали небольшая записка и бархатный удлинённый футляр, в котором обычно дарили украшения. Не сразу поняв, от кого такое могло прийти, ведь всеми подарками они обменялись ещё в Хогвартсе, Гермиона раскрыла записку.

«А ещё он хочет, чтобы хотя бы один дракон всегда был рядом с ней».

Почерк Малфоя она бы узнала из тысячи. А фраза в контексте третьих лиц заставила Гермиону улыбнуться и покраснеть. Мгновение, и в разуме всплыли мысли, от которых она была слишком далека последние несколько часов, находясь в суматохе родного дома.

Его прикосновения. Поцелуи. Руки. Глаза. Грубость и страсть, перекликающиеся с нежностью и искренностью. Всё это каруселью закрутилось в голове на пару минут, возвращая её в сладостную ночь, где хотелось остаться.

Переведя взгляд на коробку, Гермиона открыла её и тихо засмеялась, поджав губы и покачав головой.

Он ей не сказал о значении, хотя знал.

В футляре лежала серебряная подвеска с созвездием дракона, камни которой сверкали ярче её глаз, когда она видела Малфоя. И именно это украшение вторило той самой, подаренной Паркинсон заколке, на которую он так заворожённо смотрел.

— Боже, как это красиво, — слышался восторженный вздох позади Гермионы.

Обернувшись, она тут же увидела стоящую Эмили, которая рассматривала украшение. Подойдя и присев рядом, Эмили стала разглядывать подвеску, оценивая каждый камень, вложенный в созвездие.

— Ты спишь с родителями своих учеников? — спросила Эмили. — Это же стоит...

— Не думаю, что это важно, — нервно улыбнувшись, сказала Гермиона, забирая футляр.

— Твои родители в курсе? Вы уже назначили дату...

— Эмили, подожди, — выставив руки перед собой, попросила Гермиона. — То, что между нами, сложно назвать отношениями, о которых ты говоришь.

Брови Эмили тут же поползли вверх, и она непонимающе посмотрела на Гермиону. Мгновение это вторило взглядам Джинни.

— Вы спите? — провоцировала Эмили.

Гермиона замешкалась, не зная, что ответить. Потому что приурочить одну ночь к постоянству было странно.

— Значит, спите, — махнула рукой Эмили. — Он дарит тебе дорогие подарки. Что это тогда, если не серьёзные отношения?

Гермиона молчала.

Она не хотела и не желала называть это так. Гермиона в принципе не думала ставить ярлык на происходящее между ней и Малфоем. Потому что все предыдущие отношения заканчивались плачевно. В основном потому, что она с ними спешила, гналась за твёрдой землёй под ногами и чётким пониманием будущего. Это и тянуло её на дно, отгородив ото всех.

И с Малфоем она этого не желала. То, что Гермиона чувствовала рядом с ним, было настолько невероятно, что терять это не хотелось. Но и думать о будущем вместе с ним у неё не получалось, её устраивала позиция «здесь и сейчас». Их флирт, игра на провокацию, требовательные поцелуи и секс, полный самоотдачи и желания.

Она боялась, что дальше *в так называемых отношениях*, к которым она привыкла, этого уже не будет. А что ещё важнее, она не желала подобными намерениями отдалить от себя Малфоя. Но, как верно напомнила Эмили, происходящее между ними походило на большее, чем просто секс.

По крайней мере, простой коллеге такие драгоценности не дарят, а значит, он либо рассчитывал на большее, либо подталкивал её к этому. И впервые за последние несколько месяцев она сомневалась в отношении Малфоя.

После ужина Драко долго не мог закончить беседу с отцом о младших детях его некогда друзей. Это было обычной темой для разговора, когда Драко приезжал домой. Люциус считал обязательным обсудить неуспехи чужих отпрысков. А особенно тех, кто нелестно отзывался о семье Малфой и их наследии после принятия стороны Ордена Феникса.

Поначалу Драко думал, что так Люциус подпитывал чувство превосходства над другими, которое так любил. Но со временем понял, что это стало для Люциуса некой терапией, словно подтверждением правильности собственного выбора. Он, будто возвращаясь обратно, в день битвы за Хогвартс, ещё раз убеждался, что сделал всё верно. Шагнул в нужном направлении и остался цел.

А те люди, которые и по сей день скрытно ненавидели их, не понимали, за чем будущее. Они не осознавали: однажды собственные дети обвинят их в несоответствии новой идеологии. Возможно, это грело душу Люциуса намного сильнее, чем Драко мог себе предположить.

— Сегодня даже рано, — с улыбкой отметила Нарцисса, когда Драко вошёл в гостиную.

— Я подготовил ему письменный отчёт, — ухмыльнулся Драко, усаживаясь рядом с ней на диван.

Читавшая Нарцисса тут же отвлеклась от книги и удивлённо посмотрела на Драко, выгнув одну бровь.

— Я всего лишь пошутил, — тут же сказал Драко, получив лёгкую улыбку матери.

— Любопытно, — протянула она. — Если она ценит в тебе чувство юмора, дорогой, то потренируйся.

Драко тут же свёл брови к переносице и внимательно посмотрел на Нарциссу. Её хитрая улыбка медленно рисовалась на лице, а в светлых глазах играл интерес.

— Что меня выдало? Отправленный подарок или появление? — прищурившись, спросил Драко.

Нарцисса мило улыбнулась и закрыла книгу, отправляя её на полку. Повернувшись к Драко, она протянула к нему свою руку, пальцами обхватывая челюсть и слегка приподнимая голову. Её ноготь едва коснулся небольшого участка чуть ниже шеи.

— Не до конца стёртая помада, — ласково ответила она, отпуская его. — Да и полуобнажённые мальчики передо мной лет двадцать не аппарировали.

— Может быть, я проспал, — защищался Драко.

— Ты встаёшь на час раньше меня с шести лет, — сладко сказала Нарцисса, тыльной стороной ладони поглаживая щёку Драко.

Не собираясь и дальше сопротивляться, Драко замолчал, ловя заинтересованный взгляд Нарциссы, жаждущий продолжения истории.

— Мама...

— Ты пригласишь мисс Грейнджер на свой день рождения? — подперев кулаком подбородок, спросила Нарцисса.

— С чего ты взяла, что это Грейнджер? — устало спросил Драко, поражаясь пронизательности матери.

Ему нравилось, когда этот её талант был наградой сугубо для Люциуса и его попыток сделать ей сюрприз. Но иногда подобное касалось самого Драко, и он проклинал эту её особенность, поражаясь, как Нарцисса ещё не заскучала от своего всевидящего ока.

— О других девушках ты не говоришь последние года два, — пожалала плечами Нарцисса. — Но не увиливай от темы. Когда я смогу с ней пообщаться?

Глаза Нарциссы горели, а подушечки её пальцев, постукивающие друг по другу, выдавали нежелание ждать.

— Давай сначала я с ней пообщаюсь? — предложил Драко, ловя недовольный взгляд. — И обязательно пришлю сову.

Нарцисса несколько секунд внимательно смотрела на него, но всё-таки согласилась. Она быстро отпустила тему Грейнджер, начав рассказывать о последних событиях высококультурного общества. Её истории начинались с количества приёмов, на которых она успела побывать, и заканчивались числом склок и едва ли не дуэлей, случившихся на её глазах.

Драко любил слушать Нарциссу. Как минимум за красочность речи и умение донести историю настолько невероятно, что можно было в неё погрузиться. Но сегодня он пришёл к ней не только в роли зрителя. Она поняла это довольно быстро, то и дело ловя заинтересованные взгляды и попытки подобрать удобный момент для своего вопроса.

— Что тебя беспокоит? — аккуратно спросила она, замечая его улыбку.

— Линда Бронте и Кларисса Фоули... Давно они стали друзьями?

Брови Нарциссы тут же поползли вверх, и она даже сделала глоток из бокала с вином, вероятно ожидая чего угодно, но точно не этого.

— Откровенно говоря, думала, ты задашь мне этот вопрос лет шесть назад, — сказала она. — Что-то случилось?

— А должно? — парировал Драко.

— Учитывая, как они хотели получить в распоряжение замок, — да, — хмыкнула Нарцисса. — Впрочем, не только они, все участники «*Solitudo*».

Драко задумался, название отдалённо говорило ему о чём-то важном, но он либо не придавал этому значение изначально, либо потерял его с течением лет. Поэтому Нарцисса, заметив непонимающий взгляд, продолжила:

— После войны Министерство запустило в работу проект для чистокровных, не знаю, на что он там был направлен, но большинство семей вложило туда минимум половину ячеек Гринготтс, — пояснила Нарцисса.

Мысль, что дело в галлеонах, была вполне очевидна. Возможно, за годы войны и торжества манипуляций Драко забыл о существовании самой обычной жажды наживы.

— Представь их недовольство, когда замку вернули статус школы, — ухмыльнувшись, пояснила Нарцисса. — Бронте вела проект, а Фоули были одними из тех, кто вложил средства. Так они и познакомились.

После сказанного картина настоящего очень быстро вырисовалась перед Драко во вполне понятный и, главное, полностью выстроенный план. В нём не было места студентам, школе, борьбе за мир или против него.

Только деньги, как банально...

Примечание к части

Я очень хотела показать вам эту главу в первую очередь, чтобы показать насколько глубоко на самом деле находится проблема в Бронте. Здесь мы видим причины и истинный корень проблемы, когда без постоянного подначивания всё бы давно улеглось.

Что скажите о Каспере? Его поступке? И изменилось ли ваше отношение к нему?

Больше о работе, спойлеры и многое другое у меня в тг-канале
<https://t.me/friendmalfoy>

Глава 16 «Всё ещё трудные студенты»

— Это ведь была ты, — сказал Курт, останавливая Сабрину.

Та резко замерла, сверху вниз посмотрела на Курта и высокомерно фыркнула, давая понять, что не собирается продолжать с ним разговор. Она сделала шаг в сторону своего купе, но Курт тут же преградил ей путь, не позволяя пройти дальше.

— Морган, если не можешь смириться, что Брэдли хвостиком бегают за Розье, то я здесь ни при чём, — ядовито ухмыльнулась Сабрина. — С дороги.

— Я никуда не уйду, пока не признаешься, — грубее сказал Курт. — Из-за тебя началась драка в клубе, не так ли?

Услышав это, Сабрина резко поменялась в лице, словно её окатили ведром холодной воды. Но почти сразу вернула прежнее, практически непроницаемое выражение.

— Вести себя не умеют такие, как ты, а виновата я? — возмутилась она.

С силой оттолкнув Курта с дороги, Сабрина показательно прошла вперёд, смахнув короткие волосы.

— Такие, как *мы*, хотя бы не ревнуем профессоров, — строго сказал Курт.

Он не хотел использовать этот способ добычи информации, помня, как она реагировала на Фоули. Но вместе с этим Курт понимал, что, если Сабрина была готова сделать подобное, ничего ей не помешает совершить шаг смелее. Он и сам бывал в ситуациях, когда эмоции ищут выход. Причём настолько безудержно и стремительно, что притупляют сознание, толкают на ужасные поступки, о которых потом жалеешь.

Сабрина замерла на месте и спешно оглянулась по сторонам, убеждаясь, что рядом никого нет. Посмотрев на Курта, она быстрыми шагами приблизилась к нему и уже достала палочку, собираясь приставить её к его горлу. Но он тут же схватил Сабрину за запястье, слегка оттолкнул от себя и заставил убрать древко.

— Не смей приплетать мне и профессору подобное. Это возмутительно, — продолжала препираться она. — И способствует потере языка.

— Прости, но я не слизеринец, — пояснил Курт. — И не боюсь всемогущей старосты, как ты.

— А стоило бы, — прищурившись, сказала она.

Курт звучно выдохнул и на мгновение посмотрел в окно, где с бешеной скоростью сменялся пейзаж. Ему стоило быть с ней мягче хотя бы потому, что Сабрина не была плохим человеком. Возможно, она поступила не совсем правильно. Но всё это было продиктовано не злодейскими мотивами, а влюблённостью. *Обречённой*. Ему не хотелось обвинять её, лишь убедиться, что больше она так не поступит.

— Когда в следующий раз ты будешь чувствовать злость и желание сделать другим больно, — медленно сказал Курт, — пожалуйста, приди ко мне, а не совершай то, что потом, скорее всего, вскроется.

Он увидел, как на мгновение её взгляд смягчился. Вероятно, Сабрина и сама ожидала агрессии, на которую хотела ответить, но её отсутствие подтолкнуло к облегчению и мнимому спокойствию. Скорее всего, неосознанно, но она коротко ему кивнула, прежде чем он ушёл.

— Смотри вперёд, Морган, — грубо бросил Фоули, сталкиваясь с ним между вагонами.

Курт застыл, проводив Фоули взглядом. Тот быстро подошёл к ошарашенной Сабрине и взял её за руку. Курт не знал, что он ей сказал, но надежда, загоревшаяся в её глазах, пугала.

И пока студенты прибывали обратно в школу, расходясь по комнатам и готовясь к занятиям, все профессора суетились в своём крыле. Гарри искренне считал, что педагогические собрания после праздников важно проводить непосредственно в день прибытия. Потому что после небольшого отдыха утренние новости воспринимались в разы хуже, чем после хорошего отпуска.

Возможно, это было одно из предложений портрета Дамблдора, от которого Гарри не смог избавиться. Может быть, авторской разработкой, основанной на нелюбви к ранним подъёмам и длинным речам после них. До конца Гарри не признавался даже Гермионе, но профессоров собирал. Поэтому, пока Джинни взбудораженно рассказывала о своих каникулах, Гермиона переодевалась.

— Восхищаюсь миссис Забини, — мечтательно говорила Джинни. — В её возрасте. На лыжах. Да ещё и с хозяином комплекса флиртвала.

— Удачно? Скоро он будет её? — усмехнулась Гермиона, примеряя бордовую блузку.

— Проект «Николас» в разработке, — отметила Джинни. — Надень тёмно-зелёную. Я специально выбирала.

Гермиона бросила взгляд на шкаф, где висел вышеупомянутый подарок с непростительно глубоким вырезом. Когда Джинни презентовала ей блузку, Гермиона на секунду подумала, будто это больше для Малфоя, чем для неё, но тут же отбросила такую мысль.

Джинни же не могла узнать, что между ними что-то было? Причём на том же диване, где она сейчас сидела. Впрочем, кто знает? Насколько Малфой любит рассказывать друзьям об интимных победах?

От подобного Гермиону бросило в жар, и она поспешила к окну, слегка его приоткрыв. Поймав удивлённый взгляд Джинни, Гермиона мило улыбнулась и тут же сменила блузку.

— Я гениальна, — восхищённо сказала Джинни, хлопая в ладоши. — Просто посмотри.

Слегка смутившись, Гермиона подошла к зеркалу и не смогла сдержать улыбки. Казалось, будто одежда была сшита строго по её фигуре, облекая самые выгодные и скрывая наиболее неудачные части тела. А декольте, всё ещё казавшееся Гермионе непростительным, подчёркивало грудь, отчего дыхание Малфоя должно перехватить.

Подойдя к Гермионе со спины, Джинни довольно обвела глазами отражение.

— В этом и пойдёшь, — сказала Джинни.

— А после спрячу в шкаф, — покачала головой Гермиона. — Если в этом я проведу хотя бы одно занятие...

— Пропусков точно станет меньше, — развела руками Джинни, задев вещи позади себя.

Послышался глухой грохот, и они обе тут же обернулись, увидев упавшие со столика духи.

— Прости, — выдохнула Джинни.

Опустившись на пол, она поставила флакон обратно на тумбу, и пригнулась ниже, почти ложась. Её рука нырнула под диван, и она достала оттуда крышку от духов, но не встала, а свела брови к переносице и вновь протянула ладонь. Гермиона удивлённо посмотрела на Джинни, пока та не вытащила чёрный галстук и не поднялась на ноги, внимательно его разглядывая.

Мгновение, и Гермиона узнала ткань, что лихорадочно стягивала с Малфоя накануне.

Выгнув бровь, Джинни перевела взгляд на Гермиону.

— Давно носишь мужские галстуки? — пропела она.

— Экспериментирую со стилем, — пожала плечами Гермиона и протянула руку, чтобы забрать вещь, но Джинни лишь прижала улику к себе.

Перевернув галстук, она стала рассматривать внутреннюю сторону, пока не зацепилась взглядом за небольшой тёмно-зелёный стежок.

— Я подарила его Малфою на прошлое Рождество, — прищурившись, сказала Джинни.

Улыбка медленно стала расстилаться по её лицу, пока Гермиона краснела. Все лезущие в голову объяснения не убеждали даже саму Гермиону. Что говорить о Джинни, которая уже нафантазировала себе больше произошедшего.

— Ах да, — разыгрывая озарение, сказала Гермиона. — Он заходил ко мне перед Рождеством, мы немного пообщались о занятиях и разошлись.

— Так хорошо пообщались, что он решил раздеться? — облизнув губы,

спросила Джинни.

Её эта ситуация не только веселила, но и, казалось, ужасно радовала. Джинни разве что не парила над землёй, вытягивая из Гермионы подробности путешествия Малфоевского галстука из его шкафа в её спальню.

Но, как показалось Гермионе, на счастье, раздался стук в дверь.

— Наверное, Забини, мы уже опаздываем, — быстро идя к выходу, сказала она.

Мысленно Гермиона благодарила любого, кто был по ту сторону. Потому что достоверной легенды у неё не было. Стоило говорить или нет, она ещё не решила. А вопросы Джинни всегда выводили на чистую воду. Иногда через манипуляции, порой с помощью компрометирующих намёков и подначиваний, но абсолютно всегда.

Открыв дверь, Гермиона замерла, тут же забирая все объявленные Мерлину благодарности обратно. Перед ней стоял сам Драко Малфой — с довольной улыбкой на губах, расстёгнутыми сверху пуговицами и небольшим букетом алых роз. И Гермионе следовало пригласить его быстрее, чем он перешёл к своему приветствию.

Приблизившись к ней в считанные секунды, Малфой накрыл её губы в поцелуе. И он, перечёркивая все её домыслы о серьёзности, переживания и вторящие в разуме слова Эмили, заставил её задохнуться. Казалось, будто все потребности ежесекундно исчезли, оставляя лишь это мгновение, пока Малфой касался её, нежно поглаживая подбородок большим пальцем.

Но звучный кашель Джинни, всё ещё стоявшей за спиной Гермионы, заставил его оторваться.

— А это у вас вместо «привет», да? — довольно спросила Джинни, приближаясь к двери.

Гермиона нервно закусил губу и прикрыла веки, представляя список вопросов Джинни в их следующую встречу и уровень радости в её сердце сейчас. Могло даже показаться, что этот поцелуй принёс больше желанного Джинни, нежели Гермионе или Малфою.

— Встретимся в кабинете, — с ухмылкой протянула Джинни, прижимая к груди Малфоя его же галстук.

Подмигнув, Джинни скрылась в коридоре. Гермиона же, стараясь не пересекаться с Малфоем взглядом, тут же посмотрела на розы, что он держал.

— Нужно поставить в воду...

Драко был достаточно терпеливым человеком. Жизнь заставила его научиться выжидать и при этом сохранять каменное выражение лица. Даже в те моменты, когда хотелось кричать и рвать грудь от желания вытащить клокочущее чувство злости. Это не было легко и уж тем более приятно, скорее

вынужденно и едва сдерживаемо. Но он это делал.

Несколько дней в родном доме хоть и были наполнены исключительно положительными эмоциями и насыщенными радостью минутами, но тянулись долго. И нет. Часы не замирали, мир не останавливался, всё шло своим чередом, совершенно так же, как обычно. Но желание встретиться и поговорить с Грейнджер словно замедляло настоящее, заставляя думать только о будущем. *Жить им.*

Поэтому, приехав, Драко быстро трансфигурировал букет самых изумительных роз, которые мог вообразить, и отправился к ней. Предполагая, что Грейнджер в привычной для себя манере начнёт рационально оценивать всю ситуацию, он её поцеловал. Специально, умышленно, чтобы этот жест выбил из её груди вместе с сердцем всё желание объясняться.

Он не хотел рассуждать — только чувствовать и любить. Слушать её размышления о вечном, задорный смех и игривые намёки, появляющиеся в унисон с красными щеками и блестящими глазами. Такой Грейнджер он восхищался, но проблема в том, что до неё нужно было добираться. Абсолютно всегда.

Драко нравилось, что путь становился всё короче с каждой их встречей, её вдохом и взглядом, но раздражало, что он вообще существовал.

Стоило надеяться, что наступит день, когда границы сотрутся. Но не сегодня — её опущенные глаза, короткая фраза и быстрые шаги в сторону кабинета дали понять, что говорить Грейнджер не намерена. Она словно опять играла с ним, но не в «Горячо-холодно», где ухмылялась и провоцировала на решительные действия, а в «Ничего не произошло». Будто Грейнджер не целовала его, не стонала под ним, не наслаждалась каждой проведённой минутой в минувшее Рождество...

— Если Грейнджер сгорит, я буду свидетельствовать против тебя, — медленно протянул Блейз, наклоняясь к Драко.

— Так заметно? — сухо спросил Драко.

— Как Лорд, смотрящий на единорога, — шепнул Тео, откидываясь на спинку кресла.

Сжав челюсть, Драко отвёл взгляд на рядом сидевшего Уизли, непрерывно записывающего практически всю речь Поттера. Словно они были не на собрании по поводу важных ситуаций Хогвартса, а делали конспекты по директорской речи.

— Уизли дали на одно задание больше? — усмехнулся Драко.

— Слышал о факультативе по драконам? — пожал плечами Блейз. — Говорят, приедет Чарли.

— Три Уизли на педагогический состав, — покачал головой Драко. — Этой школе скоро придёт конец.

— Слышал, Блейз? Пора исправлять, — сказал Тео и толкнул Блейза в бок.

— Ненавижу вас, — выдохнул Блейз.

Драко довольно улыбнулся и завёл руку за спинку кресла, ударяя по ладони такого же ухмыляющегося Тео.

Но это отвлекло Драко ненадолго, и уже через несколько секунд он вновь поймал себя на мысли, что смотрит через весь стол на Грейнджер. Она умиротворённо сидела рядом с Долгопупсом и Уизлеттой, делая небольшие пометки в своём излюбленном ежедневнике.

Интересно, а о нём там что-то есть? Или он пока не стал важнее меню ближайшего дня рождения?

— Переходя к дисциплинарным вопросам, — между делом сказал Поттер, смотря на пергамент перед глазами. — Курилка за Хогвартсом.

Сидящий рядом Тео даже поперхнулся воздухом. Поттер же прошёлся по нему осуждающим взглядом и тяжело выдохнул.

— Прячьте сигареты лучше, — внимательно смотря на Тео, добавил Поттер.

— Воруют у меня, а я ещё и виноват, — тут же возмутился Тео, разводя руками.

Поттер сразу же выдохнул и уже хотел, вероятно, провести речь о вреде табака, когда его перебил подорвавшийся Долгопупс.

— Радуйся, что вообще не запретили, — возмутился тот. — Ваши испарения вредят моим растениям в теплицах.

— Между ними...

— Пахнет от учеников, которым ты подаёшь пример, — развёл руками Долгопупс. — Причём ваших.

Его взгляд тут же коснулся Грейнджер и самого Драко. Столько возмущения в нём Драко не видел уже очень давно.

— Невилл, дорогой... — Грейнджер встала с кресла и положила ладонь на плечо Долгопупса, помогая присесть.

— Не нужно меня успокаивать, — ещё громче сказал он, убирая от себя руки Грейнджер. — Почему с моими студентами никогда нет проблем, а ваши...

— Если ты думаешь, что пuffedуицы самые прилежные, то у меня для тебя плохие новости, — начиная злиться, отметил Тео.

Ситуация медленно накалялась, и даже Поттер, сдерживаемый лёгким жестом Пэнси, уже закипал. Хоть и был сторонником обсуждения всех проблем совместно. Но, вероятно, не настолько громко...

— Зато они дуэли не устраивают, а сидят спокойно в теплицах и выращивают редкие виды растений, — парировал Долгопупс.

— А потом с ними и приходят в курилку, — развёл руками Тео. — И портят твою же рассаду.

Все резко замолчали и переглянулись между собой. Опешивший Долгопупс несколько секунд хлопал глазами, не понимая намёка. Пока первой не сообразила Грейнджер, с опаской смотря перед собой.

— Что ребята сейчас выращивают? — прищурившись, спросила она.

— Тебе понравится, — тут же расцвёл в улыбке Долгопупс. — Магловское растение.

Он стал копаться в своём небольшом блокноте, листая его почти в самое начало. Драко бросил взгляд на довольного Тео, который, казалось, только и ждал всеобщего озарения, откинувшись на спинку стула.

— Марихуана, — сказал Долгопупс и восторженно посмотрел вокруг.

Взгляд Драко мгновенно упал на обескураженную Грейнджер, а после на побледневшего Поттера. Все преподаватели в кабинете разделились на две категории: те, кто не знал, что это, и радовался с Долгопупсом увлечённостью детей травологией, и те, кто знал. Драко относился к последним и едва сдерживал смех.

— Невилл, это запрещённое во многих странах растение, — медленно начала Грейнджер.

— А что? Ядовито? — тут же удивился он.

Она не смогла ему ответить, лишь застыла, смотря в одну точку и, кажется, пытаясь подобрать лучшие слова.

— Мы обязательно к этому вернёмся, — прочистил горло Поттер. — Последнее, что я хотел бы объявить сегодня, — закрытие группы трудных подростков.

И эта новость в мгновение переключила Драко с истории Долгопупса на свою собственную. Посмотрев на Поттера, Драко заметил гордую улыбку, а переведя взгляд на Грейнджер, слегка поникшие глаза, которые она пыталась скрыть милой улыбкой. Но Драко видел: её эта новость расстроила так же, как и его.

И дело было не в детях, совсем нет.

Драко и Грейнджер понимали, что это означало окончание их совместной работы и отсутствие поводов для встреч. Несколько месяцев назад они оба бы радовались и благодарили Поттера за это. Но сейчас, когда всё стало двигаться с мёртвой точки... Драко нужны были эти занятия, кураторство с Грейнджер и её нахождение рядом.

Без этого есть риск вернуться к изначальному, отработанному годами и уже забытому общению. А Драко этого не хотел, в его планах не было перспективы терять чувство, сладость которого он вспомнил совсем недавно.

— Я выражаю огромную благодарность Гермионе и Драко, — сказал Поттер, запинаясь на втором имени, чем вызвал несколько смешков. — Они сделали невозможное...

Посмотрев на Грейнджер, Драко встретился взглядом с ней и увидел в нём едва заметную тоску, вероятно, как и она в его.

— Скажите, где находится самое тихое место в Косом переулке? — с улыбкой начал Тео, вставая перед студентами.

— Книжный, потому что туда никто не ходит, — сказал один из гриффиндорцев и громко рассмеялся.

Несколько однокурсников тут же подхватили его и стали отпускать шутки о самых непопулярных местах.

— А люди, прочитавшие больше названия учебника, что скажут? — продолжил Тео, садясь на край стола.

Некоторые студенты тут же поникли, а оставшиеся стали задумчиво листать свои конспекты в поисках ответа на загадку. Тео с ухмылкой наблюдал за ними в ожидании, пока все поймут, что правильного ответа там нет.

— Лавка с Фвуперами, — неожиданно сказала одна из студенток.

Тео довольно улыбнулся и подошёл к её парте, заглядывая в рядом лежащую тетрадь по уходу за магическими существами, где была изысканно выведена розовая птица.

— Молодец, Мекиса, — кивнул Тео. — Десять очков Гриффиндору.

Она застенчиво улыбнулась и продолжила смотреть на Тео с нескрываемым восхищением и доброй улыбкой.

— А кто скажет почему?

В классе повисла тишина, даже смешки, слышавшиеся с задних парт последние несколько минут, утихли. Тео вновь посмотрел на Мекису, в глазах которой едва не горел правильный ответ на его вопрос.

— Давай, дорогая, — кивнул он.

— Их песни могут свести с ума, — пояснила Мекиса. — Поэтому при продаже на них накладывают заклятие немоты.

— Эй, Малнотт, — окликнул её один из слизеринцев. — Может, на тебя наложим? От твоего всезнания скоро и мы пострадаем.

— Не переживай, Питерс, — очаровательно улыбнувшись, ответила она. — Для этого нужен ум.

По классу слышались смешки, а Питерс недовольно хмыкнул, отводя

взгляд. Тео обречённо выдохнул и оттолкнулся от стола, подходя к доске, где мел уже выводил название заклятия. Мгновение, взмах палочки, и на партах перед всеми появились небольшие клетки с квакающими лягушками, на которых и требовалось тренироваться.

— Вот с тебя, Питерс, и начнём, — ухмыльнувшись, сказал Тео.

Питерс посмотрел на Тео, но всё же взял палочку и попробовал наложить заклятие, но то ему не поддавалось. Более того, Питерс несколько раз спутал его, и лягушка остолбенела и едва не легла замертво посреди клетки.

— Давай покажу, — улыбнулась Мекиса, вновь повернувшись назад. — Силенцио!

Однако заклятие попало не в лягушку, а в самого Питерса. Он тут же подскочил и стал активно жестикулировать, вызывая у окружающих ещё больше смеха.

— Извини, — разыгрывая сожаление, сказала Мекиса. — Много знаний в голове, вот координация и страдает.

С этими словами она вместе со всеми громко рассмеялась. Лишь Тео, в душе радующийся, что Питерс замолчал, сдерживался, просто наблюдая за его попытками заговорить. Но вдруг из коридора послышался душераздирающий крик, заставивший всех студентов замереть и устремить взгляды на дверь.

Тео тут же схватил со стола палочку.

— Всем сидеть, Мекиса за главную, пять баллов тому, кто найдёт контрзаклятие, — быстро проговорил он и тут же направился в коридор.

Несколько профессоров, тоже услышавших крик, так же начали стремительно выходить из кабинетов, идя по направлению к звуку. Через пару минут, войдя в один из коридоров, где уже столпилась дюжина учеников, они увидели случившееся.

Каспер Фоули лежал посреди коридора, едва дыша, пока из ран на его груди медленно вытекала кровь. Слизнорт сидела на коленях рядом с ним, пытаясь помочь. По её щекам текли слёзы, а руки слегка потряхивало от волнения.

Вдруг в конце коридора появился Поттер, стремительно бежавший к ним. Подойдя, он тут же сам рухнул на колени перед Каспером, осматривая раны едва дышавшего студента.

Застывший рядом с Тео Малфой взмахнул палочкой, создавая вокруг Каспера небольшую ванну, постепенно наполняющуюся водой. Заливающуюся слезами Слизнорт трясло, и она едва смогла подняться, чтобы укутаться в объятиях подруги.

Поттер, тяжело дышавший, с заметным тремором рук опустил своё древко на грудь Фоули, медленно произнося заклинание.

— Вулнера санентур, — размеренно говорил он, проводя древком и тем самым заживляя свежие раны.

Увидев это, несколько студентов затаили дыхание, надеясь, что всё будет в порядке. Через пару минут Каспер выглядел вполне здоровым, но всё ещё держался за грудь, тяжело дыша и прося о помощи. Это заставляло студентов закрыть рты руками и замереть на местах.

— Всё будет в порядке, — тихо сказал Поттер, левитируя небольшую ванну в сторону больничного крыла.

— Это всё вы, — тут же воскликнула Слизнорт, глядя на Брэдли. — Месть подаётся холодной?

Слизеринцы тут же посмотрели в сторону нескольких гриффинорцев, стоящих немного дальше от остальных.

— Что ты несёшь? — непонимающе воскликнула Брэдли. — Мы этого не делали.

— Тогда почему заклятие полетело с фразой «Умри, чистокровное отродье»? — в сердцах закричала Слизнорт, едва не вырываясь из объятий подружки.

Все студенты и профессора замерли, видя в лицах детей злость, готовую вырваться наружу.

Примечание к части

Я обожаю сцену с Джинни и Гермионой (сцена с декольте посвящается Алёне за вдохновение), а ещё люблю оставлять интригу в конце главы. На что ещё готов пойти Каспер?)

А больше спойлеров и обсуждение глав у меня в тг <https://t.me/friendmalfoy>, всех жду

Глава 17 «Охота на правду»

Гарри часто разочаровывался, делал неправильные шаги, принимал не всегда верные стратегические решения. Зачастую это были ситуации, в которых он уже сомневался и предполагал, что успехом они не увенчаются. Но сегодня, впервые за много лет, крушение потерпел вывод, казавшийся ему неоспоримым.

Трудные студенты. Дети, способные ещё первого сентября бросить друг в друга проклятие и не повести даже бровью. Люди, устроившие дуэль на палочках практически без запретов и мыслей о последствиях. Настолько они горели ненавистью. Волшебники, для которых понятие «достойный» определялось по праву рождения, а не заслугам, преодолённым трудностям или навыкам.

Гарри видел, что они изменились. Никто не был готов бороться, сражаться, унижать или пытаться. Напротив, появилось понимание дружбы, радости, поддержки, взаимопомощи и полное безразличие к чистоте крови.

Жест Эрика, самого яростного противника подобных взглядов, в отношении Оливии — он пришёл к Гарри и попросил об одолжении, не желая получить взамен хорошую оценку, баллы или благосклонность. Эрик хотел помочь другу, важному для него человеку, которому было тяжело.

А Курт? Пожимавший руку волшебнику, угрожавшему его родной сестре расправой. Насколько он стал открыт к когда-то врагу? Что уж говорить об Оливии, души не чаявшей в Эрике. Или о Сабрине, в принципе никогда не доставляющей проблем, но всё равно старающейся проводить больше времени в их компании.

Они все выходили на новую ступень и достигали именно тех высот, которые и пророчил Гарри.

Как? В какой именно момент они вернулись к изначальной точке — и ситуация обострилась заново. Будто этого полугода не существовало. Неужели некто был готов переступить через всё, чтобы продолжить утихающий конфликт?

Раздался звук шагов, и Гарри тут же поднял голову, прогоняя от себя все отрицательные мысли. Кто бы там ни был, он не должен видеть растерянности директора и опущенных рук в подобный момент.

— Выстраиваешь цепочку подозреваемых, Поттер? — хмыкнул Малфой, проходя в кабинет и бросая взгляд на заснувшего на портрете Дамблдора.

Гарри усмехнулся и взмахнул палочкой, занавешивая посапывающее полотно. Малфой опустился на диван, раскидывая руки по его спинке и внимательно смотря на Гарри.

Взгляд, пропитанный превосходством и издёвкой, бродил по Гарри, заставляя каждую мышцу напрягаться, а глаза прищуриваться. Малфой любил смеяться, когда приходил с важными новостями, его забавляли нетерпение и эмоциональность Гарри. Порой Малфой даже говорил, что иногда придумывал

различные унижения только для этого.

Но с годами у Гарри появилось оружие — терпеливое безразличие. Оно быстро надоедало Малфоя, и тот, не забывая высокомерно фыркнуть и отметить, насколько Гарри скучен, выкладывал всю информацию.

— Был я тут на Рождество в мэноре и поинтересовался у Нарциссы, — он сделал театральную паузу, ловя заинтересованный взгляд Гарри, — что может связывать Клариссу Фоули и Линду Бронте.

— Плохой вкус на причёски? — усмехнулся Гарри, вспоминая слова Пэнси.

— Не только, — ухмыльнулся Малфой, вставая с дивана.

Он убрал руки в карманы брюк и медленно прошёл к столу Гарри, вставая рядом и сверля того насмешливым взглядом.

— После битвы за Хогвартс был создан проект «Solitudo», предназначенный для спокойствия чистокровного наследия.

Последнее Малфой произнёс с такой издёвкой, будто в одно мгновение переродился полукровкой.

— Линда Бронте стала его куратором, несколько семей, включая Фоули, инвесторами. А Министерство даже выделило здание, единственное им подходящее, — сказав это, Малфой обвёл пальцем кабинет Гарри и замолчал, с улыбкой наблюдая за осознанием.

Гарри сообщил об открытии Хогвартса спустя три месяца, этого было достаточно, чтобы собрать хотя бы очертание важного проекта.

— Но тут появился я и забрал его для восстановления школы, — кивнул Гарри, понимаяюще глядя на Малфоя.

— Проект отправили в заморозку, галлеоны никому не вернули, а Бронте всё не оставляет попыток забрать Хогвартс, — многозначительно осмотревшись, завершил Малфой.

Прошла секунда, пока весь пазл в голове Гарри сложился в единую причинно-следственную связь. Малфой вернулся на диван, внимательно осматриваясь и ожидая вердикта. Но даже в его объяснении была деталь, не дававшая Гарри покоя. Момент, который не сходился даже в самой изощрённой фантазии и при всех существующих рисках.

— Считаешь, Кларисса могла заставить сына лечь под Сектумсемпру? — спросил Гарри.

И на лице Малфоя не отразилось сомнения, что пугало Гарри гораздо больше, чем ответ «не знаю». *Уверенность.*

— Но из доказательств у нас только слова Нарциссы и рациональное мышление, — развёл руками Малфой и нагнулся вперёд, упираясь локтями в колени. — Не особо ценно для Кингсли и тем более для Визенгамота.

— Значит, отлично, что у нас есть это, — улыбнулся Гарри.

Он завёл руку за спину и достал конверт с характерной печатью Дурмстранга, с которым ознакомился за несколько минут до прихода Малфоя.

— Письмо от младшего Персея Фоули, просящего разрешение на посещение школы в ближайшее время.

Сказав это, Гарри поднял взгляд на ухмыляющегося Малфоя, который преодолел расстояние между ними за пару мгновений и уже забрал письмо, с упоением вчитываясь в каждую строчку. Гарри видел, как искры загораются в глазах Малфоя.

В его голове точно зрел проворный план по выводу Фоули на чистую воду. И это был один из немногих случаев, когда Гарри готов был отдать решение в руки Малфоя.

— Допрос? — выгнув бровь, спросил Малфой, поднимая взгляд на Гарри.

— Лучшая провокация, на которую ты способен, Малфой, — ответил Гарри.

И он кожей чувствовал, насколько Малфой доволен и готов решить проблему одним из любимых для себя способов. Стратегия формировалась, план готовился, и впервые Гарри не переживал, что противник может пострадать. Чем сильнее ответ Малфоя ударит Бронте, тем счастливее Гарри будет спать по ночам.

Он мог простить многое. Но не издевательство над ребёнком в угоду собственным низменным целям, нет. Гарри был по ту сторону...

Убрав заявление на анимагическую регистрацию, Гермиона подошла к небольшой ширме около шкафа и забросила на неё халат. Последний раз оглядев комнату, она прикрыла веки и глубоко вдохнула, чувствуя, как тело меняется. Ощущение лап и хвоста всё ещё было необычно, но, посмотрев в зеркало, она повеселела.

Глядящая из отражения выдра была изумительной и не вызвала сомнений в своём происхождении. Сделав несколько оборотов вокруг себя, Гермиона размяла лапы и улыбнулась. Пospешив к заранее незапертой двери, она, царапая коготками пол, промчалась в сторону выхода. Приоткрытый портрет всё ещё ворчал, когда она вышла, но остался в прежнем состоянии.

Поэтому Гермиона, убедившись, что за ней никто не следит, скорее отправилась в сторону слизеринского подземелья. Дорога занимала больше времени, чем обычно, а лапы быстро уставали. Но Гермиона, нацеленная на получение результата в первую очередь, старалась этого не замечать.

Как преподаватель, Гермиона должна была доверять студентам. Это указывалось в большинстве справочников, книг и пособий. Но, вспоминая годы, когда она сама училась, Гермиона сразу забывала о них. Хоть сама она и считала себя прилежной ученицей, но, только задумавшись, что другие могут делать то

же, что и она, Гермиона ужасалась.

И если гриффиндорцы, которых она лично держала в узде и постоянно контролировала, не вызывали у неё больших переживаний, то слизеринцы, дети Пожирателей смерти, местами изничтоженные, а где-то и вовсе преданные, её беспокоили. Поэтому она всегда старалась уделять их поведению чуть больше внимания.

И всё было в порядке. До сегодняшнего дня. Разумом Гермиона понимала, ей стоило вместе с другими преподавателями заняться поисками виновного, которого искали среди её студентов. Но она не предполагала имя гриффиндорца, который мог бы так поступить и осмелиться поднять палочку со столь сильным проклятием.

Это не укладывалось в её голове, и она достаточно быстро обвинила в содеянном слизеринцев, не веря словам Сабрины, насколько бы чиста ни была у неё репутация. Малфой бы осудил Гермиону, она это понимала, но сердце, подсказывающее, что она права и ответ кроется в подземелье, не унималось.

Поэтому у неё не было официального разрешения, напарника или списка утверждённых Гарри вопросов. Гермиона не хотела показывать свою предпочтительность Малфю. Поэтому действовала одна. И раз ни один студент — пока что — не знал о её анимагических навыках, отработанных до успешного совсем недавно, этим стоило воспользоваться.

Добравшись до подземелья, Гермиона спряталась за стоящей рядом скамейкой, выжидая начала обхода старосты. Сегодня дежурила Сабрина, поэтому вот уже в считанные минуты она должна открыть дверь, в которую Гермиона и планировала проникнуть. У неё будет не так много времени, чтобы всё разузнать, пока Сабрина не вернётся. Но это лучше, чем ничего.

Послышался звук каблуков, и Гермиона тут же напряглась, глядя на портрет. Мгновение, и он открылся, а оттуда показалась Сабрина, в ожидании смотрящая позади себя.

— Тебя точно не проводить в комнату? — спросила она.

— Нет, я ещё посижу, — послышался голос из темноты коридора.

— Как знаешь, — бросила она и направилась прямо.

Портрет медленно начал закрываться, и Гермиона скорее поспешила прыгнуть внутрь, едва не прищемив хвост. Клубком прокатившись на пару метров вперёд, она упала на спину, лапой проверяя целостность всего тела. Нашупав острый конец, она выдохнула и тут же поднялась, быстрее проходя в слизеринскую гостиную, где сидел Каспер с книгой в руках.

Затаившись рядом с креслом, она прилегла, внимательно наблюдая за ним и надеясь поймать его за доказательствами. Но тот спокойно читал, будто бы не замышлял абсолютно ничего плохого или предосудительного и не был ранен. Впрочем, навряд ли слизеринцы были настолько глупы, что обсуждали злодейские планы в гостиной, куда в любую минуту мог зайти студент или того хуже — Малфой.

Вероятно, этот её поступок выстроит между ними стену ещё выше и крепче, чем сейчас. И Гермiona слабо понимала, желала она это или нет. Она не хотела размышлять о Малфое в контексте будущего, потому что этот факт ломал её стратегию. Но и не думать она не могла, потому что те чувства и эмоции, что рождались в ней рядом с ним... Она хотела их испытывать, познавать и помнить, знать, что всегда может прийти за новой порцией и быть принятой.

Но как ей стоило поступить в этой ситуации? Оттолкнуть его, как сегодня? И получить многозначительные взгляды, лёгкую злость и раздражительность? Или идти ему навстречу, ощущать неповторимое ранее и непознанное? Но при этом остерегаться мыслей о будущем, которые сравниют всё полюбившееся с землёй.

Мысль за мыслью — и все сводились к Малфое, заставляя переживать и свернуться клубочком. Гермiona и сама не заметила, как от наблюдения за читавшим Каспером стала засыпать.

Неизвестно, сколько она пролежала на полу за креслом в гостиной Слизерина, но проснулась Гермiona от резкой боли в области хвоста и дикого крика. Распахнув глаза, Гермiona тут же подскочила на лапы и стала с опаской оглядываться по сторонам.

— Это крыса? — закричала одна из первокурсниц, указывая на Гермionу пальцем.

От услышанного Гермiona не сразу сообразила, что не может говорить. Поэтому громко пропищала правильное название, привлекая к себе ещё больше внимания. Несколько других студентов тут же оказались рядом, и Гермiona в страхе осознала, что среди них уже не было ни Каспера, ни Сабрины, ни кого-либо из старших курсов. Лишь дети, удивлённо смотрящие на неё.

— Это выдра, — сказал один из мальчиков. — Лови её!

Гермiona тут же стала убегать, желая выбраться из закрытой комнаты. Но куда бы она ни пыталась проникнуть, все входы были либо слишком маленькими, либо заперты. Отчего Гермione пришлось несколько минут, в конце уже из последних сил, уносить лапы, но её всё-таки схватили.

— Дай сюда! Мне как раз нужен питомец! — закричала одна из девочек, беря Гермionу за хвост.

— А я устала от этой жабы, хочу выдру! — завопила вторая, хватая Гермionу за передние лапы.

— То есть никто не подумал, что она может чем-то болеть? — скептически спросил второкурсник.

Обе девочки тут же отпустили Гермionу, и та с грохотом рухнула на пол. Не успев даже ощутить боли, Гермiona попыталась убежать, пока взмах палочки не заключил её в небольшой купол. Один из студентов подошёл к ней, хитро улыбаясь и покачивая пальцем прямо перед её носом.

Теперь Гермiona поняла манию животных кусать. Она оголила зубы и грозно запищала, желая выбраться, но детям было всё равно. Они стали подходить и разглядывать её, как экспонат в музее, отчего становилось ещё более неуютно.

— Предлагаю отдать её профессору Малфоя, — застенчиво предложила одна из девочек.

— Ещё чего, он её заберёт. А я давно хочу попробовать заклинание левитации на...

Гермиона тут же ужаснулась, представляя, что её ждёт, когда за спинами послышался строгий мужской голос. Все столпившиеся дети тут же замерли и медленно отошли от купола, открывая дорогу Малфоя.

— Вас слышно из преподавательского крыла, — выругался Малфой. — Живо все по комнатам.

— Но, профессор, здесь выдра... — начала одна из девочек.

— Я сам с ней разберусь, Виктория, — строго сказал Малфой и посмотрел на студентку.

Несколько секунд она пыталась сопротивляться, скрестив руки на груди, но быстро сдалась и с опущенными глазами поспешила уйти. Убедившись, что никого нет рядом, Малфой присел перед куполом и снял его, с улыбкой глядя на Гермиону.

— Не бойся, — тихо произнёс он, выставляя ладони перед собой. — Я хочу помочь.

Если бы Гермионе сказали, что Малфой будет аккуратно говорить с из ниоткуда взявшимся животным, она бы посмеялась. Но так и было, он сидел перед ней, добродушно улыбался и протягивал свои руки, чтобы она забралась на них.

Гермиона моргнула и стиснула зубы, чувствуя ещё лёгкую боль в хвосте, а после поглядела на сидевшего перед ней Малфоя. Положив передние лапы на его ладони, она замерла, вновь смотря на него. Лишь потом она забралась полностью и позволила ему поднять себя. Малфой выпрямился и прижал её ближе, нежно погладив.

— Прости их, — улыбнулся он. — Дети жутко несносные.

Гермиона утвердительно гукнула, чем вызвала на лице Малфоя радость. Он аккуратно водил по её шерсти пальцами, едва касаясь, учтиво и приятно. Настолько, что она медленно расслаблялась на его руках, забывая о том, что происходило.

— Пойдём в мою комнату, а утром отнесу тебя в лес, — сказал он, закрывая портрет.

Услышав это, Гермиона тут же возмущённо запищала и посмотрела на Малфоя так, как делала это обычно. И она не понимала, что именно в этот момент щёлкнуло, но он остановил свой взгляд на ней. И он казался другим: до этого в нём не было и доли тех теплоты и понимания, которые отражались прямо сейчас. Складывалось ощущение, будто он забрался в её голову и прочитал историю всего сегодняшнего вечера.

Неужели её выдал всего лишь взгляд? Тот, которым она обычно смотрела именно на него.

— Грейнджер? — спросил он.

Не в состоянии ответить, Гермиона положила лапы на мордочку, прикрываясь, а после аккуратно взглянула на Малфоя одним глазом.

— Салазар, поражаюсь твоим затеям, — тяжело выдохнул он. — Пойдём в твою комнату.

Гермиона удовлетворённо гукнула и удобнее присела в его руках, смотря перед собой, пока он её нёс.

— Нет, правда, чем ты думала? — не унимался Малфой. — А если бы я не пришёл?

Она старалась не обращать внимания на его слова, лишь ждала, как в скором времени окажется в своей комнате и эта ситуация закончится. Но Малфой, будто специально, шёл ужасно медленно и продолжал ругать её. Вероятно, пользуясь тем, что она ничего не может ему ответить.

— Это безрассудно, профессор Грейнджер, ты слышишь меня? — спросил он, наклоняясь к ней.

В ответ Гермиона возмущённо запищала, недовольная тем, что он остановился, чтобы дождаться от неё ответа.

— А ну прекрати, — потребовал он и слегка ударил её по хвосту.

От удивления она даже подскочила в его руках и ещё громче запищала, поворачиваясь к нему корпусом и недовольно осматривая.

— Что? Нечего сказать? — усмехнулся он, пользуясь ситуацией.

Гермионе тут же захотелось обернуться человеком и поделиться с ним всем, о чём она думала. Но перспектива оказаться посреди Хогвартса обнажённой её совершенно не радовала. Лучше уж потерпеть его поучения, чем объясняться перед Гарри или другими профессорами.

— Малфой, ты чего тут так поздно? — удивлённый голос Нотта заставил обоих замереть.

Гермиона только и успела открыть пасть, чтобы запищать, когда Малфой посмотрел на подходящего Нотта.

— А кто это у тебя такой милый? — улыбнулся Нотт.

Он наклонился к ладоням Малфоя и уже потянул руку к Гермионе.

— Можно погладить? — спросил Нотт.

— Нет, — тут же сказал Малфой.

Он рывком притянул Гермиону к себе, а она, сама того не осознавая, прижалась к нему, лапами обнимая пресс Малфоя. Брови Нотта поползли вверх, но он не задал вопроса. Лишь выпрямился и бросил взгляд на портрет перед входом в их гостиную.

— Вы с мисс выдрой первые? — спросил Нотт.

— Иди уже, — хмыкнул Малфой.

Как только Нотт вошёл внутрь и скрылся из гостиной в направлении своей комнаты, Малфой быстрыми шагами направился к Гермионе, усмехаясь приоткрытой двери, в которую сразу же вошёл.

— Знаешь, это выглядит как приглашение, — сказал он, выпуская её из рук.

Гермиона, быстро перебирая лапами, побежала за ширму и уже через пару мгновений вновь ощутила себя человеком. Блаженно прикрыв глаза, она тут же скользнула руками по обнажённой коже, радуясь. А уже после вспомнила о Малфое, стоящем у двери и ждущем её. Стянув с вешалки халат, Гермиона быстро надела его и повязала узел на талии, выходя к Малфоя.

— Продолжаешь меня удивлять, — с ухмылкой сказал он, спиной опираясь на стену и хищно осматривая Гермиону.

— Ты меня ударил, — тут же возмутилась Гермиона, преодолевая расстояние между ними и вставая к нему вплотную.

Малфой в ответ криво улыбнулся и склонил голову набок.

— Шлёпнул, а это флирт, — пояснил он, наклоняясь к её лицу. — Ничего не хочешь мне сказать?

— Пошёл вон? — уточнила Гермиона.

— Так ты платишь за спасение, да? — обречённо спросил Малфой.

Поняв, к чему он клонит, Гермиона тяжело выдохнула. Хотя в глубине души она хотела его поблагодарить и даже больше. Поцеловать и не только за это, а просто потому, что после всех переживаний нуждалась в его обществе. Тёплом, приятном, нужном, но она тут же оттолкнула себя от подобных размышлений.

— Галлеонами берёшь? — ухмыльнувшись в такт ему, спросила Гермиона.

Малфой усмехнулся и на несколько секунд задержал взгляд на ней, будто прогуливаясь по её душе, чтобы забрать важные слова и моменты.

— Просто не пищи больше, — сказал он и пригнулся к ней.

Едва ощутимо и практически невесомо его губы коснулись её щеки, заставив в душе Гермионы взорваться пожар, что она сдерживала. Он был мимолётный, но словно подпитывал её сознание и наполнял тело приятными и любимыми чувствами.

— Спокойной ночи, Грейнджер, — бросил Малфой, прежде чем скрыться за дверью.

И с его уходом Гермиона ощутила лёгкую пустоту, обдувавшую оголённые участки тела. Будто исчезло нечто важное.

— Я думал, что поражённые Сектумсемпрой ведут себя иначе, — хмуро сказал Эрик.

Каспер, в этот момент спокойно куривший в приоткрытое окно, закатил глаза.

— Считаешь, я должен лежать со скучной магловской книгой? — выгнув бровь, спросил Каспер.

Эрик, читавший в этот момент одно из предложенных Оливией произведений, недовольно фыркнул и захлопнул литературу, убирая её на прикроватную тумбочку. Подойдя к Касперу, он стащил из лежащей на подоконнике пачки сигарету, прикуривая от палочки.

— Ты вообще запомнил, кто это был? — уточнил Эрик.

— Не увидел, не услышал, не запомнил, — раздражённо ответил Каспер. — И не хочу больше поднимать эту тему.

Сказав это, Каспер затаился и отвёл взгляд, смотря как в окно вылетает дым. В этом был плюс прихода Малфоя на пост декана — благодаря ему у Слизерина появилось больше комнат. И никто не будет искать сигаретный дым у основания замка, где была спальня Каспера и Эрика. Поэтому курить здесь можно было совершенно спокойно. Эльфы обычно ничего не говорили, а Малфой редко посещал их комнату. Хотя, по мнению Эрика, он должен был зайти проведать Каспера.

Но складывалось чувство, что многих из преподавателей, да и самого Каспера вместе с семьёй, в принципе не очень волновала эта ситуация. Кто это сделал? Чего он добивался? Это повторится? Ждёт ли подобное других чистокровных? Почему Каспер после такого вообще остался здесь? Даже самому Эрику, хоть он и отличался хорошей реакцией, было бы не по себе после полноценного покушения.

А ощущение будто в него снитч с поля угодил. Это настораживало Эрика настолько сильно, что в один момент он даже стал сомневаться в правдивости произошедшего. Но рациональное мышление и сама мысль, что должно было произойти, чтобы Каспер так поступил, успокаивали Эрика. Хотя порой больше пугали.

Раздался стук в дверь. Каспер тут же выбросил окурок и ринулся к зеркалу, поправляя причёску и одежду. Если бы все игроки двигались так же, как раненый Каспер, то видит Салазар — они бы играли в разы лучше.

— Привет, Бриана, — воодушевлённо сказал Каспер, открыв дверь.

— Ты нужен мне, — она бросила взгляд на Эрика, а после повернула голову в сторону коридора. — Срочно.

Каспер тут же вышел следом за ней — с улыбкой шире, чем когда они выиграли кубок школы. Эрик всё ещё подозрительно смотрел на дверь и даже задумывался пойти за ними, чтобы послушать, какой важный вопрос мог так оживить Каспера. Но его остановила сова, подлетевшая к окну с письмом в клюве.

— Ричи, — кивнул Эрик, забирая конверт с фамильной печатью Фоули.

Подойдя к небольшой вазочке, он бросил сове лакомство, и та мгновенно улетела. А Эрик спокойно положил письмо на кровать Каспера и уже собирался дочитать книгу, как замер. Всё, что он видел у Каспера раньше, — небольшие любовные записки, которые тот отправлял Брине. Пара валентинок от младшекурсниц после квиддичных побед. Обычно они здорово смеялись над текстами.

Но письмо от матери... Эрику не хотелось читать, какие планы она строит на сына или её вопросы о том, хорошо ли он ест. Эрика интересовало, что ей не всё равно, что в этом письме есть сожаления, обещание приехать, хоть что-то, что делают даже чистокровные матери.

Поджав губы, Эрик схватил письмо и тут же открыл его. Но прочитанное не то что не успокоило его. Напротив, заставило усомниться в лучшем друге, с которым они много лет бок о бок жили, играли в квиддич, сидели за одной партой...

«Надеюсь, всё идёт по плану? Ты обязан сделать так, чтобы конфликт между чистокровными и грязнокровками вновь запылал ярче солнца...»

И это были слова разве что военачальника, нежели матери или любого другого члена семьи, которому не всё равно на ребёнка.

Примечание к части

Обожаю эту главу за сцену с выдрой! Когда я только придумала эту идею, то кричала и доставала всех своих друзей. Считаю, что это гениально в своей милости и юморе! Делитесь, как кажется вам) А пообщаться о главе можно будет у меня на канале <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 18 «Провокация»

— У меня дежавю, — хмыкнул Драко, заводя руки за спину.

— Именно, — поддержала Пэнси. — Предлагаю сменить церемонию приёма гостей.

— Обязательно приму ваши предложения, когда в коридорах школы закончатся покушения, — осадил обоих Поттер, выходя вперёд.

Грейнджер, Драко, Пэнси и Поттер стояли во внутреннем дворе школы, где медленно начинал таять снег. С крыш звучно капала вода, а без заклинания пройти по каменной кладке было практически невозможно. Не лучшее место для приёма гостей, но единственное посадочное для карет, на которых они прибывали.

Устав ждать, Драко взглянул на циферблат и в очередной раз тяжело вздохнул, косо поглядывая на стоявшего чуть дальше Поттера.

— Зря ты купил огневиски, Поттер, — выдохнул Драко. — Им бы не помешали часы.

Но не успел он закончить фразу, как в воздухе показалась чёрная карета. Сделав два поворота вокруг, словно очертив внутренний двор, она начала снижаться. С каждой секундой всё ближе к земле, пока не коснулась каменной кладки и её двери не распахнулись.

Оттуда сразу же вышел Чарли Уизли, с улыбкой осматриваясь по сторонам и тут же направляясь большими шагами к Поттеру. Крепко обняв и даже приподняв Поттера, Уизли широко улыбнулся, покачиваясь в разные стороны. Поттер сразу начал свою приветственную речь, но тут же был перебит словами об излишнем официозе.

— Гермиона! — добродушно воскликнул Уизли, отпустив Поттера и подойдя к Грейнджер.

Раскинув руки, она приблизилась к нему и с улыбкой обняла. Внимательно следя за этой картиной, Драко ощутил необузданное желание бросить колкость, озвучить замечание, сделать что угодно, способное стереть это счастье с их лиц. С ним она не улыбалась с начала года, лишь уходила, отвечала короткими предложениями и ссылалась на занятость.

Драко ощущал себя одной из бывших Тео, которых бросали после первого секса. Разница в том, что Драко она не могла использовать, он хотел в это верить. Да и произошедшее между ними едва походило на одноразовую акцию. Слишком много чувств, самоотдачи и горящих искр в карих глазах. Но что тогда было не так? Драко стоило с ней поговорить, вывести Грейнджер начистоту и получить все ответы.

Но как...

— Перси, ты там идёшь? — хмыкнул Уизли, смотря на карету.

И если бы Драко предстояло угадать брата Фоули из тысячи, он бы справился за секунду. Те же короткие тёмные волосы, слегка глуповатые и излишне доверчивые черты лица, немного наивный взгляд и попытки приподнять голову настолько высоко, что важность в мире должна увеличиться. Одна разница: слизеринская форма Касперу явно шла больше, чем мантия Дурмстранга Персею.

— Персей. Не Перси, — недовольно фыркнул Фоули, приближаясь.

— Обязательно исправлюсь, — хмыкнул Уизли и указал подойти.

Фоули широко улыбнулся и ровной походкой, как на министерскую премию, прошёл вперёд, подавая руку Поттеру.

— Гарри Поттер... — уже начал Уизли.

— Избранный, победивший Тёмного Лорда, и директор, восстановивший школу с нуля, — восхитился Фоули, пожимая руку Поттеру. — Безумно рад знакомству.

Брови Поттера поползли вверх, и он даже растерялся, пока не получил толчок от Пэнси, которую всё ещё не представил.

— Пэнси Паркинсон, — с улыбкой сказал Поттер, пропуская её вперёд. — Заместитель директора, декан Когтеврана, профессор астрономии...

— И безумно красивая девушка, — отметил Персей и пригнулся, оставляя поцелуй на тыльной стороне её ладони.

Казалось, будто Фоули готовился к этой встрече не пару недель, в течение которых планировал приехать, а куда больше. Отчего подозрения Драко о его причастности к делу только нарастали.

— Позвольте представить остальных, — улыбнулся Поттер.

— Гермиона Грейнджер, героиня войны, умнейшая ведьма поколения, декан Гриффиндора и профессор трансфигурации, — ласково перечислил Фоули, прежде чем пригнуться и поцеловать тыльную сторону и её ладони.

И от Грейнджер взгляд Фоули тут же переместился на Драко, по глазам которого тот сразу должен был понять, что руку целовать точно не надо.

— Драко Малфой, — тише добавил Поттер. — Лучший зельевар, декан Слизерина и, соответственно, профессор зельеварения.

— Много слышан о вас, — сказал Персей, протянув ладонь для рукопожатия. — В основном хорошее.

Драко ухмыльнулся.

— Вам предстоят замечательные два дня в школе, — проговорил Драко. — Убедитесь, насколько люди лживы.

Крепко сжав ладонь Персея, Драко отпустил её и сделал шаг назад, равняясь

с Грейнджер и её твёрдым взглядом в его сторону.

— Я ожидал вас гораздо раньше. После подобного, — разыгрывая сожаления, покачал головой Драко.

— Подобного? — улыбнулся Фоули, явно не понимая произошедшего.

— А вы не знаете? — удивился Драко. — Каспер уже пару недель не ходит дальше комнаты и больничного крыла, на него напали. Миссис Фоули вас не оповестила?

Мгновение, и на лице Персея не осталось и грамма позитивного настроения или доброжелательности. Он в страхе осмотрелся по сторонам и остановился на Поттере, едва ли не взглядом спрашивая, куда идти.

— Позвольте вас проводить, — тут же предложил Поттер, кладя руку на плечо Фоули.

Как только Поттер, Фоули, Пэнси и Уизли поспешили в замок, Драко тоже хотел последовать прочь, когда Грейнджер схватила его за запястье и требовательно развернула к себе. Заинтересованность в её глазах вызвала у Драко ухмылку, а сведённые брови подогревали желание не отвечать на вопросы сразу.

— Что вы задумали? — прищурившись, спросила она.

— С чего бы мне начать? — хмыкнул Драко. — Если Поттер не посвятил тебя...

— Малфой, — сквозь зубы процедила она.

Драко ухмыльнулся и пригнулся ближе к её лицу.

— Грейнджер, — вкрадчиво произнёс он, смотря в её глаза.

— Издеваешься? — скрестив руки на груди, спросила она.

— А ты? — твёрже сказал Драко, склонив голову набок. — Ведёшь себя так, будто между нами только работа.

— Так и есть, — невозмутимо добавила она, пожав плечами.

Предполагать это было менее больно, чем слышать.

Да, между ними не было клятв на крови, обещаний или любовных записок о предстоящем. Но пестрили эмоции, ходящая по грани действительности провокация, подталкивающая друг к другу. *Он это знал, она чувствовала.* Но Драко хватало мужества признаться и любить. А она будто пыталась сойти с несущегося на скорости света поезда.

— Раз так, то я не обязан перед тобой объясняться, — грубо ответил Драко.

Отшагнув от неё, он увидел едва заметное разочарование, но не повёлся, отдаляясь.

— Поиграй в анимагию, — он пожал плечами. — Может, что и выяснишь.

— Малфой, ты не можешь просто так уйти от вопроса, — возмутилась она, подходя ближе.

— Ты же можешь заявить, что у нас рабочие отношения, — издевательски улыбнувшись, сказал он.

Развернувшись, Драко быстрыми шагами направился в школу, слыша позади многочисленные возмущения. Может быть, завтра он сдастся, пойдёт на уступки, чтобы она улыбнулась, но не сейчас. Сегодня ему слишком больно видеть и слышать её, чтобы хотя бы на секунду задуматься о помощи.

Эрик ненавидел занятия Малфоя и Грейнджер. И не потому, что они были неправильными или плохо велись. Ни с одним из перечисленного он не столкнулся. Но именно эти уроки заставили Эрика сомневаться. До определённого момента в жизни Эрика всё происходящее было предельно просто и понятно.

Есть взгляды и убеждения — нужно подчиняться и соответствовать. Нет исключений, сомнений и даже попытки думать иначе. Это было хорошо, даже больше — являлось идеальным раскладом. Эрик не размышлял о мире, он не делил свои поступки на правильные и неправильные, его не заботили чувства сурового большинства.

Теперь всё изменилось. Постепенно, с каждой неделей всё больше, он находил изъяны в идеальном проекте жизни. Мысли стали уходить всё дальше от побед в квиддичных матчах и углубляться в попытки понять мир, где он жил.

Маглорождённые. Некоторые были гораздо лучше, умнее и сильнее чистокровных. В Оливии, что всегда его раздражала, он находил отдушину, радость и помощь. В Моргане, от упоминания которого раньше чесалась палочка, друга и очаг беззаботного юмора. Да даже в Венди он видел доброту забитого ребёнка, как и многие его сокурсники. Только она тянулась к спасению, а большинство слизеринцев нет.

Весь мир изменился, перевернулся, и теперь предстояло принимать решения, не зная заблаговременно, насколько они верны. И это его ломало, иногда не так сильно и резко, чтобы придать значение. Но сейчас, после прочитанного письма, он не знал, что делать.

По одну сторону был Каспер. Лучший друг, который всегда прикроет, выслушает, встанет на его сторону, поможет и поддержит в чём угодно. С самого начала они были бок о бок. Одна комната, команда, парта, все проекты и занятия. Каспер был неотъемлемой частью всего безумно дорогого для Эрика, чтобы тот ни говорил.

Но Каспер становился причиной закрытия Хогвартса. Школы, где Эрик находил отдушину вместе с тем же Каспером много лет. Здесь стирались слова и недопонимание родителей, рождались сотни лучших воспоминаний, пророчили

прекрасное будущее. Тут его научили почти всему, что он знает, и Эрик был благодарен этому месту.

И он не знал, как поступить. Пойти к Малфою и сейчас же рассказать обо всём или смириться с планом Каспера и поддержать его так же, как Каспер поддерживал его. *Остаться хорошим студентом или другом?* Раньше Эрик бы, даже не задумываясь, выбрал сторону Каспера, потому что она была чистокровной, но сейчас... Эта школа была важна для Малфоя и Грейнджер, которые относились к нему намного лучше многих, для Морганов, ведь не факт, что их примут куда-то ещё, для Лив...

Последнее было особенно ценно, потому что Эрик знал, если Хогвартс закроют — дорога ему в Дурмстранг. И едва ли маглорождённая Оливия там появится, а он не хотел отпускать её.

— Эрик? — удивлённый голос профессора заставил оглянуться.

— Здравствуйте, — шумно выдохнув, сказал он.

— У тебя всё хорошо? — обеспокоенно спросила Грейнджер, подходя к нему.

Раньше он бы нахамил или ответил, что всё в порядке, и ушёл. Но сейчас Эрик чувствовал, что нельзя отступать. Напротив, впервые за многие годы стоит спросить совет у человека, к которому он никогда не думал обратиться. Но именно она, вероятно, стояла уже на подобном распутье. По крайней мере, героиня войны внушала убеждение, что тяжёлый выбор бывал и на её пути.

— Нет, вообще, нет, — покачал головой он и сел на скамейку, вдыхая воздух.

Она опустилась рядом, кладя руку ему на плечо и едва ощутимо сжимая. От неё веяло спокойствием, рассудительностью и теплом, настолько приятным и комфортным, что хотелось поделиться, рассказать, да даже пожаловаться.

— Профессор, что бы вы выбрали между дружбой и долгом? — резко спросил Эрик.

Он не заботился о конспирации, подборе слов или возможных домыслах. Переполняющие его эмоции не позволяли и задуматься об этом. Ему хотелось совершить шаг, причём тот, о котором потом не придётся жалеть годами.

— Я бы нашла выход, где не нужно выбирать, — спокойно сказала она.

Ласковый голос слегка успокаивал Эрика, пока Грейнджер слушала его в попытке помочь. Но сам Эрик не видел других путей, если бы они были — он бы давно ими пошёл и не метался в агонии.

— А если выхода нет? — собственный голос слышался царапающим скрипом.

Он посмотрел в её глаза, наполненные теплотой и пониманием. Казалось, в эту секунду он осознал, откуда в гриффиндорцах, которых он унижал, оставались свет и желание идти дальше несмотря ни на что. Одного взгляда профессора Грейнджер хватало, чтобы вновь поверить в лучшее.

Положив ладонь поверх его руки, Грейнджер крепко сжала её, улыбаясь.

— Выход есть всегда, Эрик, — кивнула Грейнджер. — И помни, что здесь тебе помогут его найти.

Её взгляд легко коснулся портрета, ведущего к кабинету директора, перед которым он и ходил всё это время. Эрик задумался: что, если он признается хотя бы ей? Возможно, она не пойдёт к Поттеру сразу? Попробует выслушать? Поймёт? Исходя из слов Морганов и Лив, Грейнджер была из тех, кто мог поступиться правилами, возможно, это тот случай?

Выудив из складки мантии то самое письмо, Эрик протянул его Грейнджер. Она свела брови к переносице и раскрыла его, читая.

— Я не хочу предавать лучшего друга, профессор, — произнёс Эрик, смотря в её глаза и видя понимание в ответ.

— Ты разве не должен лежать в постели? — удивлённо спросила Пруэтт, усаживаясь на лавку рядом.

— *«Тебе нужно больше воздуха, Каспер. Пойдём посмотрим, какой я классный»*, — передразнивая брата, ответил Каспер.

— Он и правда классный, — пожала плечами Пруэтт, устремляя взгляд вперёд.

На небольшом импровизированном поле, где обычно профессор Уизли показывал различных магических существ, Чарли Уизли и Персей готовились к предстоящим занятиям. Сегодня урок проводили они — в рамках предстоящего факультатива по драконам, который будет вести очередной профессор Уизли.

Эта семья всегда вызывала у Каспера много вопросов. Начиная мыслью, откуда у части из них мания к преподаванию, и заканчивая тем, как дружно они вели себя друг с другом. Сколько раз он слышал их диалоги, заставлял беседы и просто издали наблюдал за отношениями: никаких борьбы, желания показать, насколько один лучше другого, или холода.

Шутки, поддержка, советы, помощь в школьных вопросах. Будто они были хорошими друзьями, а не братьями и сестрой. Это поражало Каспера, выросшего в тени Персея и до сих пор находящегося в ней.

— Так иди, а то первый ряд займут, — хмыкнул Каспер, кивая Пруэтт вперёд, где уже собирались студенты.

Она в ответ закатила глаза, но всё-таки встала и скорее поспешила к остальным, занимая места вокруг небольшого выпущенного дракона. Персей аккуратно передвигался вокруг него — хоть тот и не был огромных размеров, но выглядел всё равно внушительно и моментами даже пугающе. Сам бы Каспер ни за что не приблизился к нему, страшась последствий, а Персей...

Касперу иногда казалось, что тот специально шёл на подобные поступки, забывая о самосохранении, только бы привлечь больше внимания к своей и без того популярной персоне. Даже здесь, где Каспера знают все и очень давно, тот

умудрился выделиться.

И Хогвартс, место, где Касперу удавалось не зависеть от брата и отношения к нему, вдруг потерял свою значимость.

Рана от Сектумсемпры отдала болью, и Каспер напомнил себе, что пора написать матери, так как того самого громоздкого появления министра и мисс Бронте не случилось. Будто бы за пределами школы ещё не было известно о случившемся. Впрочем, Каспер начинал задумываться, что это действительно так.

— Фоули, а ты что здесь делаешь? — удивлённо спросил профессор Уизли, усаживаясь рядом. — Мал... — он тут же оборвался фразой и закашлялся. — Профессор Малфой сказал, что ты освобождён временно.

— Как же я мог пропустить триумф любимого брата? — хмуро бросил Каспер, подпирая кулаком подбородок.

— В этом мы похожи, — улыбнулся Уизли и похлопал Каспера по плечу. — Мой сегодня тоже красуется.

На мгновение Каспер задумался и поджал губы, наблюдая, как всеобщее внимание привлекают Уизли и Персей, рассказывающие о драконе. Вокруг них восхищённо вздыхали остальные, задавая вопросы и говоря всё больше комплиментов.

Раздражало.

— Вам не обидно? — не выдержав, спросил Каспер.

Профессор Уизли, казалось, даже не сразу понял вопрос. Он свёл брови к переносице и с ног до головы осмотрел Каспера.

— За что? — спросил Уизли.

— Он отобрал у вас занятие, и теперь все восхищаются им, а не вами, — пояснил Каспер.

Для него обида в подобной ситуации была чувством само собой разумеющимся. Каспер практически всегда испытывал его, находясь рядом с Персеем, и для него логично, что у других братьев и сестёр так же. Хоть Уизли его и удивляли, но не настолько же они отличались.

— Чарли занимается этим годами, он заслужил восхищение, — пожал плечами Уизли. — Тем более он будет вести такие факультативы у нас, я только рад поддержать его в этом начинании.

— Зачем поддерживать соперника? — непонимающе сказал Каспер. — Он же может забрать всё, что предназначалось вам.

В одну секунду Каспер не заметил, как его голос стал громче, и несколько студентов стали оглядываться на него. В ответ профессор Уизли добродушно улыбнулся и помахал им, давая знать, чтобы они возвращались к занятию. Сам он тут же перевёл взгляд на Каспера, грустно улыбаясь.

— Брат не может быть соперником, — пояснил Уизли. — Он твоя помощь, поддержка. Видит Годрик, если бы не братья, то наказывали бы меня раз в двадцать больше.

Сказав это, он засмеялся, а после запустил руку в мантию, протягивая Касперу несколько конфет.

— Однажды мы с Фредом и Джорджем выкрали профессора Поттера из дома, — улыбнулся Уизли. — Как мама ругалась...

— На всех? — недоверчиво спросил Каспер.

— Кроме Гарри, — тихо возмутился Уизли. — Нам всем досталось одинаково, по-семейному.

Он ещё долго смеялся и рассказывал истории из жизни, когда они попадали в передраги, из которых приходилось выбираться. В его словах не было ни зависти, ни пренебрежения, ни явной предпочтительности. Совершенно нет. Только радость, восхищение и безоговорочная любовь.

На несколько мгновений Каспер даже представил, что бы было, будь у них с Персеем такие же отношения. Наверное, он бы рвался домой, как и многие его однокурсники, не ради ужинов или подарков, а чтобы увидеться с братом, словно он лучший друг.

Увы, но Эрику, особенно в последнее время, доводилось рассказывать не всё. Хотя бы потому, что тот чаще находился рядом с гриффиндорцами и своей Оливией, нежели с Каспером. А если бы Персей был с ним близок, возможно, Каспер бы и смог поделиться происходящим. Он чувствовал потребность высказаться, но не знал кому...

Взгляд остановился на улыбающемся Персее, который повернул голову к Касперу и широко улыбнулся, подмигнув.

— Малфой, как бы ни было обидно признавать, но твой план, судя по всему, терпит крах, — отметил Гарри, покручиваясь на кресле.

— Крах терпят твои попытки успокоить Дамблдора на портрете, — сухо ответил Малфой, бросая взгляд на стену. — Чем ты его напоил?

Гарри ухмыльнулся.

— Пропитал полотно медовухой.

Малфой поначалу выгнул бровь, не веря в услышанное, а через несколько секунд заулыбался и тихо рассмеялся. Идея была не особо долгоиграющей, но пара часов тишины в кабинете директора точно обеспечены.

— А Розье скоро придёт, — пояснил Малфой. — Кому, как не тебе, знать, что выбор между долгом и дружбой тяжёл.

— Или он выбрал дружбу и сотрудничать с нами не собирается, — хмыкнул Гарри.

— Спорим? — склонив голову набок, спросил Малфой.

Он быстро встал с дивана и подошёл к Гарри, убрав руки в карманы брюк. Гарри недоверчиво осмотрел Малфоя, чувствуя лёгкий подвох и понимая, что стоит отказаться, ведь идея выгорит. Но лёгкое нетерпение, свойственное ему, не давало покоя. Поттер думал хотя бы спором ускорить решение.

— На что? — спросил Гарри.

— На желание, — пожал плечами Малфой.

Представив, что будет можно потребовать от Малфоя, Гарри с радостью согласился и пожал ему руку, уже собираясь огласить срок, когда раздался скрип рамы. На мгновение Гарри решил, что происходящее шутка, но уже через пару секунд на пороге появился Эрик Розье, а позади него стояла Гермиона.

— Мы хотели с вами поговорить, — сказала Гермиона и приподняла письмо.

То самое, написанное Малфоем несколько недель назад и отправленное именно в тот момент, когда он лично вызвал Каспера на беседу. То, которое должно было стать отправной точкой их плана и означающее его мгновенный проигрыш Малфоя.

Примечание к части

Я не знаю за что люблю эту главу больше. За сцену Гермионы и Эрика? За доверие чужому декану, за то, что он ею проникся. Или за Драмиону в начале? Буду ждать ваших ответов, а также обсуждения глав и спойлеров у себя на канале <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 19 «Здесь и сейчас»

Прибытие министра магии в Хогвартс никогда не было событием из ряда вон выходящим. Кингсли часто посещал школу во время открытия новых классов, проведения важных мероприятий, различных наградений или праздников. Драко даже иногда казалось, будто тот искал лишь поводы, чтобы приехать.

Но сегодня его посещение мало того что было неожиданным, так и сопровождалось тайной до самого появления в кабинете Поттера. Обычно Кингсли использовал карету, пафосно приземляющуюся во дворе школы, дверь в которую ему открывали. Сегодня же он прибыл через камин и сразу же направился к директору.

Настолько он был зол и настойчив, что даже встретившиеся преподаватели, попытавшиеся уладить ситуацию, не помогли. Лишь Уизлетта успела отправить патронус, исчезнувший за минуту до прибытия Кингсли в кабинет Поттера.

— Настолько глупо я никогда себя не чувствовал, — в очередной раз возмутился Кингсли, меряя шагами комнату.

Поттер, стоявший перед своим столом, и Драко, сидевший рядом на диване, всё не могли дождаться, пока пламенная и полная эмоций речь закончится. До момента, пока Кингсли не выскажется полностью, перебивать его совершенно не хотелось. Оба понимали: пусть вся злость выйдет сейчас, чтобы он спокойно мог выслушать их после. А главное — ответить на животрепещущие вопросы.

— Я вещаю о ваших успехах, а через минуту встаёт Бронте и рассказывает о раненом студенте, — развёл руками Кингсли, замирая.

— Вы не пробовали отрезать ей язык? — не выдержав, хмыкнул Драко.

Кингсли тут же бросил на Драко злой взгляд, отчего тот ощутил лёгкий холод по коже и замолчал.

— И произошло это не сегодня днём, не утром и даже не вчера, а месяц назад, — он едва не топал ногами, продолжая возмущаться. — Сколько вы планировали это от меня скрывать? Какие меры приняты? Это ваше решение ситуации? Гарри?

Порой Драко было интересно, чего ожидали люди, задающие по сотне вопросов в минуту и требующие ответы на них здесь и сейчас. Обычно так себя вели родители его студентов, которым не нужны были объяснения. Им просто требовалось место, где можно безнаказанно вести себя, подобно Тёмному Лорду.

Поэтому ничего, кроме безразличия Драко, они не получали. А их крики разбивались о его спокойствие и слегка грубое объяснение.

Поттер же был не такой, напротив, человеком он являлся эмоциональным. Но он учился быть спокойнее, например, иногда сосредотачивался на мелких деталях собственного кабинета или счёте. Это ему подсказал Драко, такое успокаивало и его самого.

Многословные речи на повышенных тонах гораздо легче переносились, когда мозг занят пересчётом кирпичей за спиной кричащего.

— Мы не стали оповещать вас, так как ещё не до конца разобрались в ситуации, — спокойно ответил Гарри.

— Проверить палочки на предмет заклинания для вас стало проблемой? — издевательски спросил Кингсли.

— В школе не нашлось дровца, из которого выпустили проклятие, — пояснил Поттер, едва сдерживаясь от напора. — Но мы не проверили одно.

— И какое же? Отвечайте чётко, я устал вытягивать из вас ответы, — выпалил Кингсли.

Драко, заметивший, что терпение и спокойствие Поттера стремительно заканчивались, тут же встал и положил руку на плечо Кингсли, приглашая присесть и протягивая огневиски. Тот прищурился, недоверчиво оглядывая Драко, но бокал всё-таки взял.

— Кингсли, на самом деле мы ждали, пока вы узнаете об этом лично, — пояснил Драко, усаживаясь в кресло рядом. — Эта ситуация раскрыла важные карты.

— Малфой...

— И мы не могли позволить человеку, стоящему за происходящим, понять, что мы раскрыли её план, — продолжил Драко, вызывая на лице министра интерес.

Люди в своём большинстве любили, когда к ним относились по-особенному. И даже такой важный и высокопоставленный человек, как Кингсли, не был исключением. Ему, как и другим, нравилось обладать тайнами, узнавать о вещах, недоступных остальным. Драко даже иногда казалось, что это одна из причин его вступления в Орден Феникса — всё-таки организация поначалу была подпольной.

— Скажите, что вы знаете о проекте «*Solitudo*»? — спросил Драко.

Кингсли на секунду свёл брови к переносице, не ощущая связи, но всё-таки ответил:

— После войны мы планировали переселить несогласных с новой политикой, — сказал Кингсли. — Они должны были попасть в среду, где находились бы только чистокровные. Мы хотели успокоить распри.

И в этот момент пазл сложился окончательно. Мотивы, причины, значимость, желание и цели. Вот зачем был нужен Хогвартс: необъятное место, полное магии и скрытое от маглов. *Второго такого нет на свете.*

— Но проект закрыли, давно. К чему вопрос? — злился Кингсли.

— Именно он стал причиной всех наших бед, — пояснил Драко, готовясь к

длинной речи.

Это была вторая часть его плана. Рассказать Кингсли всю правду, выложить карты и ждать, пока он спросит сам: «*И что делать?*». Вопрос, ответ на который у Драко был настолько яркий и насыщенный, что ослепло бы даже солнце.

Иногда Каспер жалел, что не обладал талантом матери высказывать весь перечень не устраивающих его ситуаций залпом. Обычно именно благодаря этому большинство её вопросов решалось быстро, без лишних прелюдий и с максимально положительным результатом. Да, были свои минусы, после этого с ней все отказывались работать, но её такое не сильно тревожило. Главное — текущий вопрос решался.

Каспер же был более спокойным и податливым. Даже несмотря на слизеринскую природу и игры в квиддич. Если он что-то и делал, то обязательно в компании, если и выступал против кого-то — всегда с другими. В одиночестве Каспер вёл себя тихо. Посмотрев на него, невозможно представить, сколько школьных неурядиц было на его совести.

Он мог работать, но всегда через кого-то, подпольно и ни в коем случае один. Поэтому, когда его палочку забрали на проверку, а самого Каспера усадили в небольшой переговорной комнате, он поддался. Не кричал о своих правах, о том, кто может это делать, а кто нет. Возможно, дело было в характере, но в глубине души чувствовалось, будто он хотел раскрытия правды.

Да, мама будет не в восторге, Сабрина отвернётся, да и Эрик, скорее всего, не оценит. Но, может быть, у него появится возможность начать всё сначала? Без попыток показать, что он лучше Персея. Потому что казалось, будто Персею это было совершенно безразлично.

После недавнего разговора с профессором Уизли Каспер стал всё чаще размышлять о случившемся. Он быстро понял, что его попытки получить любовь матери с помощью интриг — ничто. Профессор Уизли любил братьев, семью и друзей не потому, что они что-то для него делали, а потому, что были ему близки.

Так, может, и несчастье Каспера не в Персее? А в маме, которая, маня его едва ощутимой любовью, подталкивала на худшие поступки. Это понимание всё прочнее обосновывалось в сознании Каспера.

Настолько, что он задумывался о признании.

— Кас, вот ты где, — сказал вошедший Эрик, замирая перед ним.

Каспер поднял на него взгляд и улыбнулся. Первый и единственный, кто примчался к нему, узнав о произошедшем, — лучший друг. От осознания, что он есть, Касперу стало немного легче и теплее на душе.

— Видимо, моя очередь отбывать полугодовое наказание, — ухмыльнулся Каспер, смотря на Эрика.

— Они просто перестраховываются, — махнул рукой Эрик. — Убедятся, что

палочка чиста, и порядок.

Каспер напрягся, понимая, почему именно у него отобрали древко. Поначалу он решил, что будет допрос для получения информации. Но нет, его древко проверяли, а это означало скорое раскрытие дела. И либо ему стоит сказать правду, либо придумать хорошую ложь. Последнее отталкивало своей перспективой.

— Ты даже побледнел, — протянул Эрик, покачав головой. — Не зря взял.

Эрик выудил из складки мантии небольшой пузырьёк, протягивая его Касперу и наполняя рядом стоящий стакан водой.

— Успокоительное, по личному рецепту, — улыбнулся Эрик.

Каспер благодарно кивнул. Ему и правда стоило прийти в себя хотя бы ненадолго и притупить эмоции. Зелье должно было помочь трезво оценить ситуацию и принять решение.

Откупорив склянку, Каспер занёс её над бокалом и на секунду замер, возвращая взгляд к Эрику.

— Сколько капель?

И, казалось, впервые Каспер заметил в друге сомнение. Тот словно не знал правильного ответа, хоть и идеально разбирался в дозировке подобного зелья. Сам часто использовал его перед важными матчами.

— Две, — спокойно ответил Эрик и оттянул воротник рубашки. — Будет достаточно.

Каспер опрокинул пару капель в воду и отдал зелье Эрику. Опустошив бокал залпом, тот благодарно кивнул и тут же бросил взгляд на дверь, за которой слышались шаги и перешёптывания.

Ответ быстро придёт.

— Тебе пора, — сказал Каспер. — Скоро они явятся.

Эрик многозначительно кивнул и занёс руку, чтобы похлопать его по плечу, но замер. Он несколько секунд смотрел на Каспера, пока не пригнулся и не обнял его. От удивления Каспер даже не сразу ответил. Между ними в принципе никогда не было подобного проявления чувств, отчего Касперу становилось не по себе.

— Всё будет хорошо, — выдохнул Эрик, прежде чем уйти.

Каспер свёл брови к переносице и проводил друга взглядом. Но не успел он проанализировать произошедшее, как дверь вновь открылась и в комнату влетел Персей. Его налитое краской лицо пугало, а сжатые в кулаки ладони предвещали не лучшее развитие событий. Всегда умиротворённый Персей злился, причём настолько, что его мантия постепенно становилась в один тон с щеками.

— Они утверждают, что ты сам себя проклял, — возмутился Персей, разводя руками. — Понимаешь? *Сам себя*, каков абсурд.

Неожиданно Каспер почувствовал приятную дрожь, прошедшую по телу от макушки до кончиков пальцев, уходя в никуда. Ощущение, что встают на твою защиту, даже когда ты безоговорочно виновен в случившемся. Это было непередаваемо и настолько ярко, что Каспер и забыл о грядущих последствиях.

— Но мы разберёмся, — заверил Персей. — Я сейчас же отправлю сову отцу, он-то расскажет Поттеру, что значат беспочвенные обвинения.

Казалось, что Персей говорил со стеной, рассказывая планы в никуда. Но настолько яростно и безоговорочно, что Каспер медленно стал забывать всё плохое, что связывал с Персеем. Уходил соперник, который вызывал зависть, забирал внимание матери и всегда казался лучше. Наступал брат, готовый защищать, даже когда Каспер неправ.

Чувство было новым, неизведанным, но настолько приятным и нужным, что поглощало медленно и практически без остатка.

— На тебе лица нет, — покачал головой Персей.

Он быстро подошёл к Касперу и опустил перед ним, легко хлопая по плечу в знак поддержки.

— Всё будет хорошо, Кас, — улыбнулся Персей. — Никто не обвинит тебя в том, чего ты не совершал.

И эту идиллию, картину, которая не могла присниться даже в самом желанном сне, разрушили слова, которые Каспер не сумел удержать в себе.

— Совершал, — тут же сказал он, вызывая на лице Персея недоумение. — Проклятие наслали из моей палочки и по моей просьбе.

Персей, не веря в услышанное, смотрел на Каспера, а тот медленно понимал замешательство Эрика. Это было вовсе не успокоительное, даже близко им не являлось. Каспер выпил Сыворотку правды.

— Но... зачем?

— Чтобы мама была довольна мной так же, как и тобой. Хотя бы ненадолго, — говорил Каспер, смотря в глаза Персею. — Я делал многое для неё.

— Мама? Но зачем ей это? — озадаченно спросил Персей.

Каспер пожал плечами, он и правда понятия не имел о целях матери. Для него была важна лишь его собственная: получить признание, любовь, понимание и фразу «Я горжусь тобой» так же искренне, как мама говорила её Персею.

— Я лишь хотел стать для неё таким же хорошим сыном, как и ты, — медленно говорил Каспер.

— Я? Не понимаю, Кас, что с тобой?

— Думаю, Эрик принёс мне Сыворотку правды вместо успокоительного, — выдохнул Каспер.

Персей тут же бросил взгляд на стакан и уже собирался встать и отправиться к Поттеру, чтобы высказаться об их методах, но тут же был остановлен рукой Каспера. В глазах последнего стояли слёзы, но он чувствовал непреодолимое желание признаться в содеянном и понятом, чтобы избавиться от этого.

— Прости меня, Персей, — сказал Каспер. — Я ненавижу тебя, презирал. Делал мелкие пакости, вроде испорченной одежды или съеденных конфет.

Персей свёл брови к переносице, усаживаясь перед Каспером и смотря в его лицо, пока тот, словно на духу, вещал обо всём наболевшем.

— Мне казалось, что ты забираешь у меня всё: любовь мамы, заслуги, награды и счастье, — рассказывал Каспер. — Но лишь сейчас я понимаю, что дело было не в тебе.

— Кас, я никогда...

— Знаю, — покачал головой Каспер, горько улыбаясь. — Поэтому прости за это. Мне стоило задуматься о поступках мамы, просящей бросить в себя проклятие, а не о том, что всё Рождество она расхваливала тебя и твою мантию.

Слова лились подобно воде по подземной реке. Быстро, беспорядочно, иногда сталкиваясь с преградами и разбиваясь о них в агонии исповеди. Но Каспер физически ощущал, как с каждым признанием ему становилось легче, как взгляд брата теплел, наполняясь пониманием и поддержкой.

Персей не отталкивал, как безразличный отец, не пытался манипулировать, как мать. Он слушал и внимал, предлагая помощь, готовя варианты развития событий. Персей словно становился родителем, о котором Каспер мечтал, и лишь сейчас он понимал...

Персей был таким всегда, просто Каспер, пропитанный злобой и недоверием к нему, обычно сторонился этой братской стороны. Всепоглощающей, отдающей и принимающей, где неважно, что ты сделал и как поступил. Ты будешь важнее и главнее любого проекта, желания или друга. Потому что ты *семья*.

— Всё будет хорошо, Кас, слышишь меня? — говорил Персей, удерживая лицо Каспера в ладонях. — Я с тобой и всегда останусь на твоей стороне.

— Спасибо, — медленно сказал Каспер, поджимая губы.

Наверное, это то, что сейчас ему требовалось услышать и понять. Ощущение поддержки вопреки самому ужасному.

— Но скажи, кто, кроме мамы, причастен к этому? — спросил Персей.

И Каспер был уверен, что признается прямо сейчас, хотя именно об этом хотел умолчать, но он не заговорил. Будто бы с него спало проклятие, заставляющее рассказывать все самые потаённые моменты жизни.

— Не могу выдать, — пробормотал Каспер, подняв взгляд на Персея.

Тот схватился за бокал и внимательно осмотрел его, не понимая, почему действие зелья закончилось.

— Сколько капель ты добавил? — спросил он.

— Две, как сказал Эрик, — пожал плечами Каспер.

Услышав это, Персей усмехнулся и покачал головой. Каспер непонимающе смотрел на него, пока тот не ответил.

— Чтобы она действовала длительное время, нужно три, — пояснил Персей.

Усмехнувшись, Каспер мысленно поблагодарил Эрика. Даже в ситуации, когда тому требовалось сделать подобное, он нашёл выход. Именно для Каспера — тот самый, который может помочь ему сейчас. Это возвращало осознание дружбы и братских уз. Всё-таки у Каспера есть важные люди — и незачем столько лет добиваться внимания матери.

Именно сейчас Каспер понимал, что, что бы он ни сделал, оно бы не появилось из ниоткуда. Любовь либо есть, либо нет, и в его случае всё-таки нет.

Выпрямившись, Персей окинул взглядом комнату и остановился на Каспере.

— Что? Готов переводиться в Дурмстранг? — с улыбкой спросил Персей.

Каспер непонимающе посмотрел на брата. Ожидая всего, от отчисления и до Азкабана, но только не этого.

— Но как?

— С верой, что отношениями с Дурмстрангом Кингсли и Поттер дорожат больше, чем правдой на поверхности, — сказал Персей. — Скоро вернусь.

И он отправился туда. Ради Каспера, чтобы тому было лучше и легче. Это грело душу и сердце настолько, что можно было сгореть.

Гермиона нашла злившегося Малфоя на Астрономической башне. Он стоял на краю, рассматривая покрывающиеся весной окрестности и затягиваясь магловскими сигаретами. Она не сразу осмелилась подойти. Несколько минут стояла у входа, наблюдая за напряжённой спиной, тихими ругательствами и чувствующимся за версту недовольством.

Малфой явно рассчитывал на другой финал истории Каспера. В его представлении созданный план должен был привести к разоблачению Бронте, её громкому увольнению из Министерства и отчислению Каспера. Сабрине бы он помог. Но, благодаря таланту к переговорам Персея, обошлись они малой кровью. Настолько, что фамилия Линды даже не прозвучала в итоговой договорённости.

Историю о раненом студенте выдали за презентацию грядущих в следующем

году занятий по ЗОТИ. Кингсли снял все обвинения и даже извинился перед Гарри и Малфоем, а Каспер был мирно переведён в Дурмстранг под руководством брата. Последний заверил, что вопрос с его матерью будет улажен, и пообещал поспособствовать скорому решению межшкольных вопросов.

Они быстро пожали руки и радостно разошлись. Казалось, все выиграла в этой истории, кроме человека, преследующего совершенно другие цели. Как Малфой сдержался и не высказался прямо там, до сих пор было для Гермионы загадкой. Потому что льющийся из него негатив сейчас было можно резать ножом.

Любой человек, узнав, в каком настроении Малфой, не подошёл бы к башне и близко. Но не Гермиона, и дело было даже не в просьбе Гарри поговорить с Малфоем, она и сама хотела к нему прийти. Это не объяснялось с рациональной точки зрения. Не относилось к домыслам о серьёзных отношениях с Малфоем, которых она думала избежать и одновременно желала.

Гермиона чувствовала, что должна это сделать, ноги сами вели её в нужном направлении, а разум подсказывал слова и действия. Гермиона будто бы сердцем ощущала, что нужна Малфоем сейчас. Без громких речей, аргументов и доказательств справедливости. А просто рядом — настолько, чтобы он смог забыться и отпустить ситуацию.

— Грейнджер, ты меня там проклинаешь? — раздражённо спросил Малфой, не оборачиваясь.

— Всего лишь наблюдаю, — протянула она, выходя из своего укрытия.

Медленно приблизившись к нему, она ощутила аромат табака, заставивший закашляться.

— Не замечала у тебя пристрастия к сигаретам, — сказала Гермиона, замирая за его спиной.

— Ты многого не замечаешь, — хмыкнул Малфой.

В нём не было и грамма понимания, желания идти на контакт или предрасположенности к диалогу. Все его поведение, слова и отношение сейчас кричали, чтобы она уходила, что он не хочет никого видеть, ни с кем контактировать. И что любой, приблизившийся к нему, рискует оказаться в потоке из оскорблений, нелестных замечаний и вполне обидных речей.

Но ей было всё равно.

Гермиона подошла к Малфоем, прижимаясь грудью к его спине и кладя ладони на широкие плечи. Его пальто слегка покалывало сквозь толстовку, а аромат табачного дыма, сквозящего через парфюм, вызывал головную боль. Но она только прикрыла глаза и провела руками ниже, равномерно поглаживая Малфоя.

Пальцы Гермионы переплелись в районе его сердца, и она щекой прижалась к его спине, чувствуя, как равномерно он дышит.

— Не припомню, чтобы просил о физическом контакте, — хмыкнул он, продолжая злиться.

— Не нравилось бы — оттолкнул, — улыбнувшись, сказала Гермиона.

— Считаешь, что можешь успокоить меня своими объятиями, Грейнджер? — протянул Малфой, туша сигарету.

Она звучно усмехнулась и расслабила руки, обходя его вокруг. Замерев перед Малфоем, Гермиона закрыла собой обзор на окрестности Хогвартса, забирая всё внимание. Её пальцы потянулись к его воротнику, аккуратно поправляя шарф и пальто, в котором он сейчас был. Малфой же, будто под гипнозом, стоял и наблюдал за ней, не показывая и грамма эмоций.

Он сохранял практически каменное выражение лица, пока она аккуратно касалась его. Приводила в порядок шарф, дотрагивалась до воротника, разглаживала невидимые складки и постоянно бросала короткие взгляды в его глаза. Она ждала, пока озлобленный холод начнёт теплеть и отдавать привкусом спокойствия и принятия.

— Объятиями, может, и нет, — пожала плечами она, легко касаясь его груди. — Но ты уже несколько минут не пытаешься оттолкнуть меня.

— Не хочу объяснять, как ты улетела с Астрономической башни, — ухмыльнувшись, ответил Малфой.

— Шутишь, — с улыбкой сказала она. — Это хороший знак.

Он пару секунд неотрывно глядел в её глаза, будто пытался увидеть там ответы на известные лишь ему вопросы. Возможно, ей стоило оборвать его фразой, отвлечь внимание или пошутить, но она могла только стоять и смотреть на него в ответ. Это была концентрация копившихся чувств, что она сдерживала в ожидании его шага.

Гермионе нравилось, когда Малфой срывался, так она получала постоянное подтверждение, что это реальность.

И ежесекундно, как он искренне любил, Малфой поцеловал её. Яростно, желанно, голодно. Будто он был человеком, всегда мечтавшим ощутить вкус её губ и наконец-то добравшимся до них.

Эмоции, чувства, ответы на каждую крупницу потребности — это опьяняло, возвращая в клуб, рождественскую ночь и все мгновения, когда он её касался. Это было ощущение дома, будто опускаешься в желанную негу, из которой никогда не захочешь выходить.

— Во что ты играешь? — прошептал Малфой ей в губы.

В начало любви без намёка на продолжение. В эмоции, которыми наслаждаешься и надеешься пронести сквозь время. В настоящее, не желающее знать будущего.

— В здесь и сейчас, Малфой, — ответила она, смотря в глаза.

— Какова вероятность, что завтра ты станешь всё отрицать? — он выгнул бровь, прищурившись.

— Настолько же высокая, как поцелуй в следующую секунду, — вырвалось у неё прежде, чем она вновь коснулась его губ, рвано вдыхая воздух.

На мгновение она подумала, что он её оттолкнёт, признается, что это ему не нужно. Но Малфой, вероятно одурманенный в большей мере, чем она, целовал в ответ. Да, завтра, скорее всего, они поссорятся. Но после вновь окажутся в одной постели или другом тесном пространстве.

Неважно, что будет потом. Имеет значение *сейчас*.

Примечание к части

Как я ждала разговора Каспера и Персея и этого долгожданного понимания, что не брат виноват во всех твоих проблемах с матерью. Мерлин, скажите, что я не одна такая и что не только я прослезилась на сцене Каспера и Персея, как же я хочу их обнять, кто бы знал.

Ну, а что до Драмионы...Это странно, но им это нужно, не могут ребята у нас по здоровому и по-человечески, наши тараканы порой самые злейшие враги.

Какие впечатления у вас сегодня?) Больше о главах и обо мне в тг-канале <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 20 «Новый адресат»

— Это худшая работа в классе, Сабрина.

Нравоучительный тон профессора Паркинсон заставлял студентов обходить один из коридоров школы стороной. Первые, кто прошёл рядом, были награждены тяжёлыми взглядами и угрозой вызова на следующем занятии. Поэтому остальные не рисковали, стараясь находить другие пути.

— Да, я вас поняла, обязательно исправлюсь, — сухо ответила Сабрина.

Казалось, ей было абсолютно всё равно на слова профессора. Возможно, отвечай Сабрина более эмоционально или хотя бы менее безразлично, эти нравоучения закончились бы ещё полчаса назад. Но Сабрина, напротив, всем своим видом хотела показать, насколько не желает интересоваться данной темой.

— Разумеется, ты справишься, — сказала Паркинсон. — Потому что сегодня я поставлю вопрос о снятии тебя с поста старосты.

От озвученной угрозы Сабрина ощутила болезненный укол под ребром. Сама мысль, что её лишат и этого, не только подавляла душу, но и отзывалась в сердце лёгкой тяжестью. Но сказать или показать свои чувства она не осмеливалась. Дать понять Паркинсон, что её это беспокоит, значило всучить в руки рычаг давления, а такого Сабрина не хотела.

Так уже было, когда её отлучили от помощи в больничном крыле, заставляя рассказать, что произошло с Фоули. Ею пытались манипулировать, когда забирали место в организационной команде квиддичных матчей. Она не сдалась тогда и не собиралась сейчас. Постепенно Сабрина смирилась, что свобода означала потерю слишком многого, но ничто из этого не было ценнее её.

— Снимайте, — пожала плечами Сабрина.

Лицо Паркинсон напряглось, и она сжала зубы, пронизывающе гуляя взглядом по Сабрине, пока та сохраняла безмятежность, находясь в паре шагов от длинной речи о причинах и следствиях. Это было нужно, и со временем Сабрина поняла, что в её отлучении от всего важного существовал один плюс.

Малфой. Рано или поздно он должен был прийти к ней. Поговорить, выведать, почему она себя так вела. Сабрина на это надеялась. Ухудшая свою жизнь, она верила, что получит от него гораздо больше внимания, чем до этого. По крайней мере, она не знала других способов, как повернуть его от профессора Грейнджер, совершенно ему не подходящей, к себе.

Это стало второй мыслью, которая посещала её ежедневно. Если раньше Сабрину волновал Малфой, его отношение к ней и внимание, то теперь наравне были его пересечения с Грейнджер. Причём ходили они не на нормальные, как у всех людей и профессоров, что были вместе. А на глупые детские игры, которыми сама Сабрина переболела ещё в прошлом году.

Переглядывания, тихие подначивания, «случайные» касания и долгие разговоры в коридорах, когда они думали, что оставались одни. Это всё было

заготовкой под хорошее будущее, но никак не подходило под описание взрослых отношений. А Малфой в них нуждался, Сабрина была в этом уверена, и дать их ему могла именно она.

Чистокровная, красивая, умная, видящая в нём исключительно положительное — что ещё ему было необходимо, Сабрина не понимала, но знала, что должна соответствовать. И этого было достаточно, чтобы каждый раз придумывать новые манипуляции в надежде, что он поведётся.

— Жди завтра вызов к директору, — едва сдерживаясь, сказала Паркинсон.

Она быстрыми шагами направилась в сторону своего кабинета, пока Сабрина с легко вырисовывающейся улыбкой провожала её взглядом.

— Неужели? — покачала головой Сабрина и, развернувшись, поспешила в соседний коридор.

Зная директора, Сабрина была уверена, что он отправит к ней именно Малфоя. При подобных ситуациях ранее, с её предшественником, поступали именно так. Разница в том, что к Сабрине Малфой относился с хотя бы небольшой долей теплоты. Она чувствовала это, поэтому их разговор мог вылиться в нечто более приятное.

Сабрина хотела этого.

— Цела и невредима, — медленно протянула Сандра, перемешивая колоду таро в руках.

— Карты сказали? — прищурившись, спросила Сабрина и села рядом.

Перекинув ногу на ногу и положив сумку, Сабрина достала палочку и одним взмахом заставила «худшую работу» сгореть дотла. Повернувшись, она встретилась с насмешливым взглядом Сандры.

— Между прочим, у меня уже отлично получается, — сказала Сандра. — Профессор Лавгуд мною довольна.

Ухмыльнувшись, Сабрина опустила локоть на колено и кулаком подпёрла подбородок.

— Разложишь?

— Конечно, — улыбнулась Сандра. — Какой вопрос?

— Что меня ждёт с Малфоем? — быстро проговорила Сабрина.

Сандра, отвечающая на это уже в четырнадцатый раз, закатила глаза и тяжело вздохнула, отодвигаясь, чтобы выложить колоду на скамейку. Но карты мгновенно стали вылетать из её рук и складываться на подоконнике, пока не создали послание:

«Ищи другого».

Обе девушки посмотрели на них, а после Сандра перевела взгляд на

Сабрину, пожимая плечами.

— Ужасные карты, — фыркнула Сабрина, отворачиваясь.

В эту секунду одна из них подлетела в воздух и шлёпнула Сабрину по плечу, а после отправилась в уже сложенную колоду.

— Попробуй задать новый вопрос, — улыбнулась Сандра. — Не о Малфое.

— Другое меня не волнует, — бросила Сабрина, открывая одну из своих тетрадей.

Иногда Сабрину раздражали подначивания Сандры, и она задумывалась о наложении Силенцио или Обливиэйта. Но после вспоминала, что, кроме как с Сандрой, обсудить накипевшее она не могла. Поэтому, чтобы не взорваться от собственных мыслей и эмоций уже на следующей неделе, Сабрина сдерживалась.

— Пруэтт, вот ты где, — услышался голос Розье рядом с ними.

Он, ярко улыбаясь, едва не рухнул между девушками на лавку, откидываясь на подоконник позади себя. Недалеко от него виднелась идущая Брэдли, чьё счастливое лицо раздражало Сабрину даже больше.

— Что говорят карты о моих экзаменах? — спросил Розье, смотря на Сандру.

Та прищурилась и вытянула одну из колоды.

— Что ты до них не доживёшь, если продолжишь лезть в наши разговоры, — ухмыльнувшись, ответила Сандра.

— А ещё «превосходно» по прорицанию, — хмыкнул Розье, вставая обратно.

— Что? Карты тебя проигнорировали? — сухо спросила Брэдли, вставая вплотную к Розье.

— Это ты их заколдовала, да? — улыбнулся он, прижимаясь ближе к ней.

От этой картины Сабрине искренне хотелось бросить в них Непростительное, настолько они её раздражали. Раньше она и не замечала, до какой степени эта пара может быть невыносима рядом друг с другом.

Захлопнув книгу, Сабрина с грохотом опустила её на скамейку.

— Может быть, перенесётесь в спальню? — спросила она, склонив голову набок.

Розье замер, ровно на мгновение смотря на Брэдли, а после медленно повернулся на Сабрину.

— В твою? Она точно свободна, — хмыкнул он. — То-то и злишься.

И вся сдержанность, которая была с Сабриной последние пару месяцев, сохранялась при Паркинсон и осталась при Сандре, закончилась. Подскочив со

скамейки, Сабрина тут же схватила палочку и направила её на Брэдли, уже собираясь произнести заклинание, как её остановил Морган.

Находясь сбоку от неё, он едва не пробежал оставшееся расстояние, чтобы сбить её с ног и повалить.

— Молодец, Морган, — улыбнулся Розье. — Ей не хватает тесных контактов.

Сабрина тут же столкнула Моргана с себя и поднялась, тяжело дыша и злобно осматривая присутствующих.

— Что? Больше съязвить нечего? — едва не выплюнул Розье, подходя к Сабрине.

— Есть, — ответила она. — Остолбенеи!

Заклинание тут же поразило Розье, и он рухнул на пол, привлекая всеобщее внимание. К ним стали сбегаться другие студенты, чтобы посмотреть, и Сабрина, довольно улыбаясь, уже собиралась бросить новое проклятие, но перед ней мгновенно появилась Брэдли с выставленным древком.

— Стой на месте, — грубо сказала Брэдли.

— А то что? — спросила Сабрина и уже хотела бросить заклинание в саму Брэдли.

— Сабрина, опусти палочку, — голос профессора заставил замереть руку в воздухе.

— Конечно, — покачала головой Сабрина, разворачиваясь.

Профессор Грейнджер быстрыми шагами двигалась с дальней части коридора прямо к ним. Столпившиеся студенты сразу стали расходиться, пропуская её вперёд, пока она не замерла. Её обеспокоенный взгляд тут же метнулся к лежавшему Розье, а после к самой Сабрине.

— Ты же староста, Сабрина, — словно не веря увиденному, сказала Грейнджер. — Как ты можешь так себя вести...

И нет. Сабрина больше не собиралась слушать нравоучения. Не от Грейнджер, точно не от неё.

Скрестив руки на груди, Сабрина высоко подняла подбородок, смотря на профессора.

— Вы же можете зажиматься с профессором Малфоем на глазах у всех студентов, — бросила Сабрина и, схватив свою сумку, тут же отправилась прочь.

Она слышала крики преподавателя, других студентов, стук каблуков Сандры, что бежала за ней. Но ей было всё равно. Чувствуя подступающие слёзы, она быстро шла в свою комнату, чтобы хотя бы ненадолго остаться одной и забыть о случившемся. Она знала — за это придётся отвечать, но ни капли не жалела, сделав то, что напрашивалось уже несколько месяцев.

Поставить на место Розье и нахамить Грейнджер. *Идеальные желания.*

Один из фактов, всегда удивляющий Драко в Хогвартсе, — с какой скоростью здесь расходились слухи. В своём большинстве омрачающие, неприятные и едва ли положительные. Чтобы человек, о котором они были, всецело ощутил, насколько гнилы окружающие его люди.

Поэтому о предстоящем разговоре с Пэнси, крайне недовольной Сабриной, он узнал значительно раньше, чем встретил саму Пэнси. И идя к ней, уже был готов к многословной тираде о студентах, их поведении и отношении к преподавателям. Но нет, вместо этого Пэнси встретила его усталым взглядом и обречённо опущенной над столом головой.

— Найди нового старосту Слизерина, — сказала она, делая пометки в одном из бланков.

Драко свёл брови к переносице и подошёл к её столу, упираясь кулаками в крышку. Пэнси остановилась и подняла на него взгляд. Идеальная бровь выгнулась, и она тяжело выдохнула, вероятно разочаровываясь, что не удалось сделать это быстро.

— Сабрина не справляется со школьной программой, — Пэнси опустила перед ним бланки с оценками. — И ведёт себя неподобающе студентке, не то что старосте.

— А ты у нас была сплошное благоразумие, — отметил Драко, скрестив руки на груди.

Пэнси нервно закусила губу, сжав пальцами перо.

— Тебе сложно найти нового старосту? — прищурившись, спросила Пэнси.

— Меня вполне устраивает текущий, — пожал плечами Драко. — А об этом...

Он взял лист с оценками и тяжело выдохнул, видя положительные результаты исключительно по зельям.

— Я решу вопрос.

Пэнси пару мгновений смотрела на Драко, будто не понимая, почему он хотел это сделать, но после коротко кивнула, возвращаясь к своим записям. Драко свёл брови к переносице, внимательно наблюдая за ней. На несколько секунд у него даже промелькнула мысль, что впервые за всю свою жизнь он так просто заменил её решение своим.

— Скоро узнаешь, — ухмыльнувшись, сказала она и посмотрела на Драко.

— Как ты...

— Не нужно быть легилиментом, — отметила Пэнси, и её глаза заблестели. — Достаточно знать тебя пару десятков лет.

Драко усмехнулся и уже собирался уйти, когда она вновь его окликнула. Посмотрев на Пэнси, он выгнул бровь.

— Она намекнула Грейнджер на ваши недоотношения, — добавила Пэнси.

Сердце пропустило несколько звучных ударов.

Это означало, что к Грейнджер Драко стоило пойти раньше. Хотя бы потому, что озлобленная Сабрина была гораздо меньшим бедствием для самой себя, чем Грейнджер, чьи переживания подтвердились. Драко стоило немалых усилий подступить к ней, сохранить это положение и продолжать в нём балансировать. И он понимал: подобное вполне могло заставить Грейнджер оступиться, совершить тот шаг, который сделает больно им обоим.

Драко не ответил Пэнси, а поспешил в сторону кабинета трансфигурации, где Грейнджер проверяла задания. Она всегда делала это по пятницам, когда большая часть волшебников отдыхала и отпускала себя после тяжёлой недели. Драко не нравилось это правило, но только потому, что желал проводить с Грейнджер больше времени. Иногда ему хотелось наплевать на всё и подтолкнуть её к нарушению выверенного расписания жизни, но он уважал её предпочтения. От этого Грейнджер чувствовала себя комфортно, а ему нравилось, когда ей с ним хорошо.

Это и звалось отношениями, упоминание которых она отрицала и отталкивала каждый раз, когда он о них говорил. Причина для Драко оставалась непонятной до сих пор.

В его представлении для Грейнджер планирование будущего было смыслом существования — когда после первого поцелуя она начинает выбирать приглашения и решать, как назовёт ребёнка.

Драко ждал именно этого. Строительства планов настолько далеких, что он бы засомневался, доживёт ли. Выборы, реализации которых придётся ждать по крайней мере пару десятков лет. Это означало, что она не исчезнет, останется рядом с ним и у Грейнджер на него большие планы. Это грело душу Драко, но именно подобного он и не получил.

Складывалось ощущение, будто Грейнджер нравились недосказанность, спонтанные встречи, робкие, переходящие в жадные поцелуи, ночи, после которых уходят не попрощавшись. Отношения, которые он мог представить со многими женщинами, бывавшими с ним, но не с Грейнджер.

Она всегда была особенной, лёгкой и одновременно наполненной до предела. Уединённым домом за фасадом высокого и крепкого замка.

И Драко стоило с ней об этом поговорить, но каждый раз она отталкивала его, холодела и показывала всем видом, что ей такое не нравится. И Драко мирился. *Постоянно. Всегда. В своём большинстве.* Потому что не хотел терять и той крупницы, сложившейся между ними.

Недосказанность его озадачивала, но вдохновляло наличие общения. Спонтанные встречи ставили в тупик, но грели сердце своим существованием. Поцелуи отдавали привкусом неизвестности, но ему нравилось касаться её губ. Утро давало чувство отдаления, но его скрашивала трепетная ночь.

Каждый дискомфорт стоил того, чтобы его терпеть.

Войдя в класс трансфигурации, он увидел её, сидящую за столом. Почти в той же позе, что была и Пэнси, но Грейнджер не смотрела на записи. Её взгляд был устремлён в пустоту перед собой, а пальцы нещадно терзали край пиджака.

— Грейнджер, — натянув улыбку, сказал Драко, проходя внутрь. — Учишься невербальной трансфигурации?

Спросив это, он встал позади неё, спиной откинувшись на стену.

— Я ею идеально владею, — пояснила она, делая вид, будто изучает бумаги.

— Надо было и мне лучше заниматься, — розыгрывая разочарование, сказал он.

Оттолкнувшись от стены, он опустил руки на её хрупкие плечи, медленно массируя их. С каждым едва грубым касанием он слышал, как её дыхание сбивается, а тело откликается на его действия. Это вызывало улыбку, подталкивая к более решительным шагам.

Продолжая слегка надавливать пальцами на её кожу и наслаждаясь прерывистым дыханием, Драко пригнулся ближе, оставляя короткий поцелуй за ухом.

— Я соскучился, — прошептал он, опускаясь губами ниже.

Он касался шеи, линии челюсти, наслаждаясь Грейнджер. И в мгновение Драко даже показалось, что она его не оттолкнёт и слова Сабрины на неё не повлияли. Но он ошибался. Снова.

— Не стоит, — прошептала она ему в губы, приподнимаясь со стула. — Думаю, тебе лучше уйти.

Он свёл брови к переносице и сделал шаг к ней.

— Но я не хочу уходить, — Драко улыбнулся, не желая верить, что она всё-таки это делает.

Грейнджер выставила руки перед собой, не позволяя ему приблизиться к ней вплотную, и тяжело выдохнула.

— Нам нужно прекратить эти встречи, — её голос дрогнул, и она опустила глаза. — Студенты уже обсуждают.

— Они и Забини с Уизлеттой обсуждают, — выдохнул Драко. — И никого это не волнует, даже их самих.

Рука Драко потянулась вперёд, чтобы коснуться щеки Грейнджер, но та лишь дальше отодвинулась от него, не позволяя.

— Они пара, — пояснила Грейнджер. — А то, что между нами, выглядит как...

— Только потому что ты так хочешь, — оборвал её Драко.

Фраза, крутившаяся на языке и вылетевшая случайно. Мысленно он проклинал себя, понимая, что так нельзя и следовало быть сдержанным, чтобы не потерять Грейнджер. Но с каждым днём его терпение заканчивалось, Драко нужны были ответы. Даже если она оттолкнёт его и прикажет больше не подходить — он хотел знать причину, по которой лишается настолько важного для себя человека. Человека, которого любит.

Грейнджер сглотнула ком, подступивший к горлу.

— Давай просто закончим, — она подняла на него взгляд.

И Драко видел в нём полное несоответствие словам. Её глаза кричали о нём, желали ощутить его рядом, но Грейнджер говорила обратное. Она хотела его, но отталкивала, и этот парадокс раздражал всё больше.

И он мог сейчас выпытать из неё ответы, заставить рассказать, объяснить. Это бы его успокоило, но Драко не стал.

Те эмоции и чувства, что он испытывал рядом с ней, его любовь к её жестам, словам и ей самой — всё это росло большой оградой между ним и надвигающейся злобой. Не позволяя спрашивать, требовать ответов или грубить.

Просто признать и отпустить.

Он приблизился к ней и мгновенно ощутил ладонь, которая упёрлась в грудь, останавливая. Положив свою руку поверх её, Драко вновь заглянул в глаза Грейнджер, в последний раз, чтобы убедиться — она врёт и хочет совершенного обратного.

И именно это толкало к провокации, очередной и не радующей, но являющейся единственным из возможных выходов.

— Давай, — он кивнул. — Но закончить значит больше ни ко мне, ни к моей спальне не приближаться, Грейнджер.

— Конечно, разумеется, — вздрогнув, сказала она. — Я и не собиралась.

— Чудно, — он криво улыбнулся и обошёл её стол, медленно двигаясь к выходу.

Драко спиной чувствовал, что она провожала его глазами, но не оглянулся. Специально, чтобы Грейнджер уже начала ощущать: он нужен ей настолько же, как и она ему.

— Восемь часов утра, — устало пролепетала Сандра, закрывая голову одеялом. — Другого времени Малфой не мог найти для вашего разговора?

— Может быть, удивлю, — раздражённо сказала Сабрина, поворачиваясь. — Но существуют вещи важнее сна до обеда.

Развернувшись обратно, Сабрина направила палочку на глаза, накладывая гламурные чары и убеждаясь, насколько хорошо выглядит. Она слишком долго ждала этого разговора, чтобы ударить в грязь лицом и не воспользоваться шансом. Поэтому сборы начались около шести часов, а увидела себя идеальной она только сейчас.

— У Грейнджер такая же блузка, — зевнула Сандра, приподнимаясь на локтях.

— Может быть, — пожала плечами Сабрина, будто это не было её целью.

В первый день после каникул она видела Грейнджер именно в этом. Изумрудная лёгкая блузка с вырезом настолько глубоким, что даже слепой бы увязался за ней хвостом. Не то что Малфой, смотрящий на неё с такими вожделением и восхищением, что Сабрине захотелось провалиться под землю.

Он никогда не глядел на неё так, он не воспринимал её как девушку. Для него она была студенткой, и это раздражало особенно сильно на контрасте его отношений с Грейнджер.

Поэтому Сабрина, не зная, как ещё увеличить шансы на свою победу, оделась так же, как она, распустила светлые волосы и накрутила кудри. Да, она лишалась своей индивидуальности, предавая принципы и подстраиваясь под чью-то роль. Именно это она обещала никогда не делать, но нарушала, лихорадочно идя к желанной цели.

Всё теряло значение перед призрачной возможностью получить его внимание. Как к девушке, а не студентке...

Последний раз подведя губы, она выпрямила спину и придирчиво осмотрела себя в зеркало с ног до головы, убеждаясь, что идеальна.

Кивнув сама себе, Сабрина быстрыми шагами вышла из комнаты и спустилась по винтовой лестнице, направляясь к классу зельеварения.

Сердце колотилось, дыхание сбивалось, кожа зудела, а пальцы подрагивали. Волнение накрывало её с головой всю дорогу и в мгновение, когда она замерла перед дверью.

— Давай, Сабрина, ты сможешь, — подбодрила она себя и постучала.

Услышав короткое «войдите», она тут же прошла внутрь и скорее поспешила к большому массивному столу, где Малфой перебирал пробирки. Улыбка проступила на лице от вида Малфоя на рабочем месте, сосредоточенный взгляд всегда вгонял её в ступор.

Она могла долго наблюдать за неторопливыми движениями, слушать спокойный уверенный голос и восхищаться им. За острый ум, точные комментарии, безграничные знания и невероятную улыбку. Ни один студент Слизерина или другого факультета не обладал подобным шармом, все они вели себя зачастую глупо и незрело. Пресный юмор, интимные шутки, употребление слов, значения которых они не знали, и постоянное разгильдяйство.

Так она видела всех окружающих парней, на чьём фоне Малфой казался ещё более идеальным. Поэтому она хотела его внимания, быть рядом с ним и чтобы это было взаимно.

Оторвавшись от дел, Малфой поднял полный сочувствия взгляд на неё и тяжело выдохнул.

— Сабрина, что с тобой происходит? — спросил он, откидываясь на спинку стула.

Она молчала, виновато опустив глаза и поджав губы, выражая сожаление. Это было важно, его злоба не была целью, а вот попытки понять её — да.

— За все шесть лет я не получил на тебя столько жалоб, как за пару месяцев, — медленно говорил он.

— Возможно, я была резка в некоторых моментах, — обречённо выдохнула она и подняла на него глаза. — Мне и правда сложно сейчас.

Его взгляд смягчился, Малфой встал из-за стола и подошёл ближе, вставая напротив.

— Что-то случилось дома? В школе? — предположил он.

Эти слова грели её всё больше, рисуя перед глазами картину, где он её обнимает, прижимает к себе. Ему было важно узнать, что у неё случилось, он не напал, а пытался поддержать, шёл к ней навстречу, вытянув руки.

— Меня одолевает странное чувство, — выдохнула Сабрина, прижимая кулаки к ключице. — Будто я совершенно одна.

Он обеспокоенно смотрел на неё и положил ладонь ей на плечо, медленно погладив.

— Ты всегда можешь поделиться, — вкрадчиво сказал Малфой.

— Мне больно, профессор, — выдохнула Сабрина. — Оттого, что рядом нет поддержки, от лицемерия счастья других, когда получить своё я не могу.

Она перечисляла тихо, когда хотелось кричать, признаться прямым текстом в том, что она к нему испытывала, и примкнуть к нему в поцелуе. Нужном, необходимом и желанном до скрипа сердца.

— Иногда я хочу кричать, беспорядочно бросать проклятия, чтобы кто-то ощутил то же, что и я, — смотря в его глаза, продолжала Сабрина.

— Агрессия не всегда выход, — пояснил Малфой. — Но я понимаю, что ты испытываешь.

— Правда? — не веря, спросила она.

Сабрина считала, будто он отвечает на её чувства, разделяет именно их. И это её вдохновляло, наполняя эмоциями, заставляя их бить через край.

— Профессор Грейнджер планирует создать небольшое сообщество, — продолжил Малфой. — Вчера она расценила твоё поведение...

— Как что?

Мгновение, и вся слабость, которую Сабрина разыгрывала, пытаясь подвести его к важной мысли, пропала. От упоминания этой фамилии она едва не произвела молнию — настолько сильно взорвались в ней негодование и злость.

— Как следствие усталости. Ты всегда была выдающейся, делала много больше остальных, — медленно проговаривал он. — Это нормально, что ты перегораешь...

— Пусть профессор Грейнджер оставит предположения при себе, — фыркнула Сабрина. — Или направит их на своих любимых студентов.

— Сабрина, не нужно воспринимать это как...

— Как что? — выругалась она. — Ваша Грейнджер мне уже поперёк горла. Какое вообще право она имеет лезть на наш факультет?

Гнев становился выше контроля, разума и сердца, забирая власть всех и выплёскивая накопившееся. Без подбора слов, реплик и осторожностей, потому что она сделала всё, чтобы он не говорил о ней, а обратил внимание на Сабрину. А он рассуждал о Грейнджер, предлагал её идеи и решения, забыв, что именно Сабрина находится на его факультете.

— Сабрина, ты не можешь говорить так о профессоре, — строже добавил Малфой.

— Но она может ставить на мне клеймо, будто я фестрал? — срываясь на крик, спросила Сабрина. — Почему вы слушаете то, что говорит она, а не то, что хочу донести вам я?

— Ты повышаешь голос на преподавателя, Сабрина.

Ни теплоты, ни доброты, ни сострадания. Малфой, будто по щелчку пальцев, огрубел и говорил настолько строго, что у неё даже дрогнули колени. Никогда он так с ней не общался, а сейчас это произошло. *Из-за Грейнджер.*

Сабрина не выдержала.

— Снимайте меня с поста старосты, мне плевать, — последним добавила она и тут же выбежала из кабинета, направляясь в сторону спальни по длинному коридору.

Она шла быстро, едва не чувствуя, как пылает кожа и трясутся руки. Злость переполняла, а желание сделать что-то ужасное и непростительное тревожило всё больше. Будто бы все остальные эмоции выжгли, оставляя самые отвратительные и болезненные.

Выдохнув, она прижалась спиной к одной из стен и упёрла ладони в колени.

Мысли путались, план действий рушился, и она не знала и не хотела решать,

что делать и как себе помочь. Ей нужен был кто-то, хотя бы Каспер или, на худой конец, Сандра, но тот, кто сможет стать соратником.

И в эту секунду будто некто услышал её мысли. Сабрина оглянулась на шелест перьев и увидела перед собой белоснежную сову с письмом. Сведя брови к переносице, Сабрина подошла к ней и забрала послание, после чего прочитала автора и удивилась. Она знала, кто подталкивал Каспера к решительным действиям, но не могла предположить, что окажется следующей.

Письмо от Линды Бронте вызывало вопросы, но больше волновал адресат — Сабрина Слизнорт.

Примечание к части

Меня до сих пор не отпускает ощущение, что между 19 и 20 главами нужно ещё одну. Как думаете вы?

Как оцените Сабрину? Малфоя? Грейнджер? Считаю, что Драко раскрывается для Сабрины совсем с другой стороны и мне это нравится. Он именно наставник для неё и это прямо ощутимо прослеживается)

Больше о работе, мне и новых главах в моём тг-канале <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 21 «Я не убийца»

Отчаяние — последняя стадия неприятия. Когда не существует границ, нравственности, моральных принципов и установленных законов. Есть цель и желание прийти к ней. Ни правил, ни терзаний, лишь потребность в реализации. Это пьянящее чувство, замыливающее реальность и подталкивающее к настолько тяжёлым поступкам, что хотелось кричать, срывая голос.

— Что-то желаете? — спросил подошедший официант.

— Нет, спасибо, — раздражённо бросила Сабрина.

Она в очередной раз осмотрелась по сторонам в поисках Бронте, но той всё ещё не было. Это смущало, провоцировало всё больше предположений о возможной ловушке. Но Сабрина продолжала сидеть, любопытство брало верх над здравым смыслом и чувством самосохранения.

— Добрый вечер, Сабрина, — рядом послышался голос.

Повернув голову, Сабрина увидела искомую Бронте. Та, сложив руки на столе в замок и выпрямив спину, расположилась напротив, с интересом смотря на Сабрину.

Её рыжие волосы волнами опускались по плечам, яркие зелёные глаза вглядывались едва не в душу, а острые черты лица отталкивали. Если вспоминать истории маглорождённых о ведьмах в представлении их сказок, они бы были именно такими.

— Мисс Бронте, — смерив её равнодушным взглядом, протянула Сабрина. — О чём вы хотели поговорить?

— Может быть, чаю? Или предпочитаешь...

— Без прелюдий, — возводя руку перед собой, сказала Сабрина. — Ближе к делу.

На мгновение губы Бронте скривились в странной улыбке, и она усмехнулась, наклоняясь ближе к столу.

— Ты знаешь о моих целях?

— Для сотрудника Министерства вы слишком открыто о них намекаете, — хмыкнула Сабрина.

Бронте свела брови к переносице и поджала губы так, что они вытянулись в тонкую линию. В зелёных глазах мелькнуло заметное недовольство, а грудь стала вздыматься немного чаще. Ощувив лёгкий дискомфорт от сверлящего взгляда Бронте, Сабрина успокоила рвущиеся наружу колкости.

— Закрывать школу, — пожала плечами Сабрина. — Об этом в курсе весь Хогвартс.

— Но лишь ты знаешь истинную причину, — отметила Бронте, сохраняя в голосе напускное дружелюбие. — И, как я понимаю, тебе было бы это интересно. Каспер говорил...

Сабрина тут же свела брови к переносице и напряглась. Сердце укатилось к желудку, а дыхание перехватило. Она знала, что Фоули говорил о ней, но не могла и предположить, что он мог выложить ей всю правду. О ней, о Малфое...

— Пришли меня шантажировать? — прищурившись, спросила Сабрина в попытке защититься. — Разочарую, но мои чувства к профессору односторонние.

Бронте изменилась в лице. Практически незаметно для обычного человека, но абсолютно очевидно для Сабрины с опытом чтения едва скрытых эмоций. В эту секунду ей даже показалось, что сказанное было ошибкой. Мог же Фоули солгать? Даже если и так, Сабрина уже сама выложила оружие на стол, загоняя себя в угол.

Ошибка. Опять.

Спустя несколько секунд Бронте добродушно улыбнулась и протянула руку к Сабрине, аккуратно накрыв её ладонь своей.

— Дорогая, — медленно произнесла она, — прошу, не видь во мне врага, я твой друг. Союзник, если так проще.

— Но что-то «союзник» так и не перешёл к основному вопросу, — убрав свою руку, сказала Сабрина.

Бронте выпрямилась и осторожно осмотрелась по сторонам. Убедившись, что рядом никого нет, она опустила перед ними на стол небольшую чёрную пуговицу. Коснувшись её, прошептала заклинание, и на глазах Сабрины исчезло абсолютно все вокруг. Остались лишь пустое помещение и звук собственного дыхания.

— И зачем это? — прищурившись, спросила Сабрина.

— Иногда путь к правильным вещам не совсем допустим законом, — пояснила Бронте.

Сабрина выдохнула, смотря на свою собеседницу в ожидании продолжения. Она не знала плана сомнительного союзника, но наличие подобных артефактов подогрело интерес.

— У нас с тобой есть общий враг, вывод из игры которого поможет обеим, — улыбнулась Бронте, склонив голову набок.

— О ком вы? — выдохнула Сабрина.

Она предполагала ответ, но не осмеливалась его озвучить. Подобное хоть и выглядело отлично в теории — на практике пугало.

— Видела профессора Малфоя и профессора Грейнджер на приёме в Хэллоуин, — медленно сказала Бронте. — Они близки?

Да. Ответ был именно тот. Общий враг являлся профессором трансфигурации. И именно его устранение могло заметно испортить веру маглорождённых студентов в безопасность Хогвартса. А учитывая отношение Кингсли к некоторым преподавателям, в том числе и к ней... Он может закрыть школу.

— Вижу, ты понимаешь, о чём я, — сладко произнесла Бронте и выудила из мантии небольшой свёрток пергамента, кладя его перед Сабриной.

Вытянув шею, Сабрина увидела ингредиенты и рецепт приготовления знакомого зелья. Его описание находилось в Запретной секции библиотеки, и книга, хранившая этот секрет, была выдана ей Малфоем всего раз, на пару дней. Для изучения запрещённых настоев и причин их неиспользования и не изучения.

— Как у тебя с зельями? — спросила Бронте.

— Лучшая на курсе, — медленно произнесла Сабрина, читая состав.

Шестерёнки в разуме крутились, просчитывая все последствия и возможные риски. И уже через пару минут Сабрина могла с уверенностью сказать, что приготовление подобного являлось прямой дорогой в Азкабан, а употребление — почти смертью.

— Вероятность летального исхода семьдесят процентов, — произнесла Сабрина, подняв голову. — *Я не убийца.*

— Тридцать же выживают, — равнодушно пожала плечами Бронте. — Но у тебя есть время подумать.

Бронте устроилась удобнее и пригнулась над столом ниже, чтобы Сабрина чётко слышала каждое слово.

— Через пару недель у вас состоится праздник в честь приближения каникул, — сказала Бронте, переходя на шёпот. — Будет красиво, если один из профессоров рухнет прямо на открытии.

— Вы правда считаете, что я соглашусь? — прошипела Сабрина.

— Я думаю, что ты умная девочка, — улыбнулась Бронте, выпрямляясь. — А в случае закрытия Хогвартса я обещаю, что ты и профессор Малфой окажетесь в Дурмстранге.

Коснувшись артефакта, Бронте тут же убрала его в складку мантии, и помещение вновь наполнилось звуками. Сабрина смяла лист с рецептом и быстро спрятала, убеждаясь, что никто ничего не видел.

Бронте усмехнулась и встала из-за стола, проходя вдоль него и замирая рядом с Сабриной. Пригнувшись, она прошептала совсем тихо, прямо на ухо:

— Сама выбирай, быть ли тебе счастливой.

И она ушла, оставив камень на сердце, шлейф приторных духов и Сабрину на волю собственной совести.

Поставив последнюю оценку в бланке, Тео довольно улыбнулся и подбросил его в воздух, взмахом палочки отправляя к сидевшей поодаль Пэнси. Увидев опустившиеся перед ней записи, она тяжело выдохнула и убрала их в одну из папок, стоящих в огромном шкафу за её спиной.

— Ты ведь понимаешь, что заполнение табелей — твоя обязанность? — прищурившись, уточнила она.

— Не люблю бумажную работу, — пропел Тео, откидываясь на спинку стула. — Предлагаю вместо оценок давать галлеоны, мотивация увеличится.

— Готов выделить собственный счёт? — очаровательно улыбнувшись, спросила Пэнси.

Тео прищурился и отвернулся от неё, слыша тихий смешок. Его взгляд устремился на другую часть стола, где рядом с Лавгуд и Уизлеттой сидела Грейнджер. Опустив голову, она медленно проверяла пергаменты студентов, а в её ушах виднелись волшебные наушники. В это мгновение Тео уловил мысль, что за последние несколько дней от неё не прозвучало ни одного замечания или искромётного предложения.

Это было странно.

Посмотрев на Малфоя, сидевшего с Блейзом, Тео заметил чуть больше раздражения, чем обычно, и короткие взгляды в сторону Грейнджер. Предположение, что эти двое опять не смогли сладить, бегущей строкой пронеслось по сознанию, и Тео покачал головой.

Повернувшись к Пэнси, он встретился с насмешкой в её взгляде, а после поочерёдно кивнул на Грейнджер и Малфоя. Пэнси проследила за ним и тут же свела брови к переносице, вероятно тоже озадаченная, что они, как пару добрых месяцев до, не сидели вместе.

— Грейнджер, где записи о ребятах из группы? — требовательно спросила Пэнси.

Но та не услышала и лишь после короткого толчка Уизлетты подняла голову к остальным.

— Эти наушники меня раздражают, — фыркнула Пэнси.

— Думаю, они не сильно расстроятся, — огрызнулась Грейнджер. — Что случилось? Я всё тебе отдала.

— Записей по трудным студентам не вижу, — строго сказала Пэнси. — Я же просила вас подготовить. Драко?

То, с какой уверенностью Пэнси требовала от них несуществующие пергаменты, заставило Тео усомниться. А все ли его внезапные отчёты были реальны? Или добрая половина придумана за минуту до объявления?

— Когда? — устало спросил Малфой.

— На прошлой неделе, — невозмутимо сказала Пэнси. — Причём обоим. Вы вообще друг с другом не контактируете?

— Не было такого, — уверенно заявила Грейнджер, скрестив руки на груди.

Пэнси раздражённо выдохнула и тут же встала из-за стола, отворачиваясь и подходя к большому окну. Она часто так делала, когда начинала злиться, на несколько мгновений это помогало ей успокоиться и вернуться в разговор без крика. И Тео уже сомневался, не было ли это тоже игрой...

— Сойдёмся на том, что вы оба забыли, — сделав вид, будто взяла себя в руки, сказала Пэнси. — Сейчас займитесь.

Оба переглянулись между собой, словно подавляя монологи, рвущиеся наружу криком.

— На тебе Эрик и Сабрина, — произнесла Грейнджер, сглотнув ком, подступивший к горлу. — Я возьму Курта и Оливию.

— Договорились, — сухо бросил Малфой, возвращаясь к своим записям.

— А Майлз? — встревоженно сказала Пэнси.

Что Грейнджер, что Малфой тяжело выдохнули и устало посмотрели на неё, всем своим видом показывая, насколько это некорректно. Но она не унималась, сверля их настойчивым и требовательным взглядом.

— Я возьму его, — выдохнула Грейнджер.

— А как же Драко? — продолжала Пэнси.

— Я не понимаю, тебе результат нужен или процесс нашей работы? — начала злиться Грейнджер, поднявшись на ноги.

Она быстро подошла к краю стола, замирая практически за спиной Малфоя. Скрестив руки на груди и высокомерно вздёрнув подбородок, Грейнджер застыла.

— Мне нужно, чтобы нагрузка распределялась равноценно, — грубо ответила Пэнси. — Вы работаете в команде, а не ты одна.

— Тоже заметила её любовь к принятию решения за других? — с ухмылкой спросил Малфой.

— Приходится, когда другие не способны это делать, — в такт ему ответила Грейнджер, оборачиваясь.

— А ты у нас мастер оценивать способности, да? — выплюнул Малфой, поднимаясь.

Они встали друг напротив друга, практически вплотную. Импульсы, идущие от них, казалось, ощущали все присутствующие, а некоторые уже собирались прятаться от будущего проклятия. Но всех, как и всегда, спас Поттер.

— Доброе утро, — улыбнулся он, войдя в кабинет. — Малфой, Гермиона, репетируете речь на праздник?

Воодушевлению, с которым это было сказано, позавидовал бы сам Дамблдор. А Тео медленно отвернулся в сторону, не в состоянии сдержать рвущуюся улыбку.

— Да, Поттер, репетируем, — ухмыльнулся Малфой.

— Думаю, вам стоит обняться, — добавил Поттер, указывая на них рукой. — Это окончательно покажет Кингсли и представителям Визенгамота, что у нас всё в порядке.

Грейнджер тут же повернулась к Поттеру, оказавшись к Малфойю спиной, и уже была готова высказать аргументы против, но Малфой её опередил.

— Отличная идея, — шире улыбнулся Малфой.

Его ладонь мгновенно легла на талию Грейнджер, и он с силой прижал её к себе, отчего она опешила и даже не сразу оттолкнула.

— Так нормально? — спросил Малфой у слегка шокированного Поттера.

— Руки убери, — прошипела Грейнджер и отошла от него на пару метров.

Поттер, будучи единственным, кто не понимал происходящего, свёл брови к переносице, но всё-таки кивнул.

— Но вам стоит поработать над финалом, — отметил Поттер и подбросил в воздух несколько листов пергамента.

Они медленно стали разлетаться по кабинету и опускаться в руки преподавателей. Малфой и Грейнджер последний раз бросили друг на друга тяжёлые взгляды, прежде чем разойтись по местам.

И если сегодня они уже не могли сдержаться от накопивших эмоций, то очень скоро это должно было стать гораздо ощутимее. Настолько, что попытки задеть и высказаться выльются во что-то более весомое.

Курт нервно поджал губы и в очередной раз осмотрел стол с рассадой, стараясь понять, что именно в этот раз посадили пуффендуйцы. Именно в такие моменты он осознавал всю ненависть к экзаменам Долгопупса по угадыванию трав. Будучи человеком, не особо сильным даже в магловских растениях, Курт никогда не сдавал этот предмет с первого раза.

На пятом курсе у него это вышло с третьего и то не без помощи Оливии. Но в этом году, вероятно, чуда не случится и «удовлетворительно» по травологии придётся либо наколдовать, либо вымолить. И оба варианта не казались Курту перспективными.

— Лив, — шепнул он.

Но Оливия лишь продолжила собирать нужные ей травы для успокаивающего зелья, что готовила для Розье. Курт обречённо выдохнул и покосился на профессора Долгопупса, всё быстрее приближающегося к нему. Времени оставалось мало, а правильный ответ на вопрос найден так и не был. Курт уже собирался сдаться, когда один из студентов подошёл к нему.

— Выдерни незаметно и сразу понятно станет, — шепнул тот и сразу удалился в дальнюю часть теплицы.

Курт недоверчиво проводил его взглядом и на секунду засомневался в доброте пuffedуицев. Но деваться и правда было некуда, поэтому он схватился за росток и с силой дёрнул его вверх.

Мгновение, и он прикрыл уши от дикого крика, все стоящие рядом тут же пригнулись и едва не упали на землю, чтобы скрыться от напасти. И лишь находившаяся в волшебных наушниках Оливия сразу сориентировалась. Она быстро схватила лежавшую мандрагору и положила её в горшок, засыпая землёй до полной тишины.

— Морган, — недовольно развёл руками Долгопупс.

— Я выяснил, что это, профессор, — виновато улыбаясь, ответил Курт.

Долгопупс закатил глаза и тут же сделал пару пометок в своём журнале, после чего бросил злобный взгляд на Курта.

— Поставил я твоё «удовлетворительно», а теперь иди отсюда, — потребовал он.

— Благодарю, — кивнул Курт. — С вами приятно иметь дело.

Он тут же поспешил покинуть профессора, стараясь не нарваться на очередную тираду о том, как Долгопупс хочет запретить половине студентов посещать его теплицы. Оливия спустя пару секунд тоже вышла следом за Куртом, недовольно прищурившись.

— Мне Кевин подсказал, — пожал плечами Курт.

— Тот Кевин, который утром Сыворотку правды в мой сок пытался подмешать? — скептически спросила она.

Курт нервно поджал губы и тяжело выдохнул.

— Ладно, ты права, не стоило ему верить, — пожал плечами Курт. — И вообще, всё ещё хорошо закончилось.

— Потому что я была в наушниках, — усмехнулась Оливия, убирая их в складку мантии.

— Детали, — махнул рукой Курт и отвернулся.

Но вместо двери его глаза зацепились за выходящую из теплицы Сабрину. Она нервно озиралась по сторонам и раскладывала по карманам несколько

свёртков растений. Посмотрев на Оливию, Курт увидел задумчивый взгляд, отчего они оба поспешили вперёд, окликая Сабрину.

— Чего вам? — грубо ответила та, развернувшись.

Её взгляд едва не пронзал обоих проклятием, настолько от него становилось не по себе. Но Курт, продолжая напоминать себе, отчего шла её озлобленность, даже не хмыкнул. Напротив, он добродушно улыбнулся и осмотрелся вокруг, останавливаясь на теплице, из которой Сабрина выходила.

— Тоже задание готовила для Долгопупса? — доброжелательно спросил он.

— Все мои задания давно сданы, Морган, — фыркнула Сабрина. — Вы для этого меня остановили?

— Что ты делала в теплице? — грубее поинтересовалась Оливия. — Ищешь, кому ещё навредить?

От услышанного Сабрина рассмеялась и покачала головой, осматривая Оливию.

— На твоём месте я бы следила за Розье, — насмешливо ответила Сабрина. — А то вдруг ещё какое проклятие прилетит незаметно.

— Да как ты...

Оливия уже была готова наброситься, когда Курт остановил её, удерживая на месте и продолжая глупо улыбаться. Попытки сохранить нейтралитет или поговорить с Сабриной спокойно уже потерпели крах. Поэтому он хотел хотя бы не усугублять зреющий конфликт.

— Правильно, Морган, — улыбнулась Сабрина. — Держи крепче. Может, тебе поводок для неё подарить?

— Жаль, тебе намордник никто ещё не подарил, — слышался голос Розье, прошедшего вперёд и вставшего перед Сабриной.

— Смотрите-ка, жив, здоров, язвит, не страшась ничего.

Ядовитое восхищение, с которым говорила Сабрина, ощущалось за несколько метров. Отчего Курту сразу стало не по себе, и на пару мгновений он даже прекратил жалеть её. Но в ту же минуту осадил себя, вспоминая, что Сабрине всего лишь нужен хороший друг для того, чтобы она вернулась в прежнее русло.

— Эрик, — отпустив Оливию, Курт положил ладонь на плечо Розье. — А не хочешь с Лив прогуляться до больничного крыла, она такую настойку им приготовить хотела.

Розье, поняв, что сейчас лучше уйти, недовольно фыркнул. Он последний раз посмотрел на Сабрину, но всё-таки взял Оливию за руку, и они вместе поспешили прочь от теплиц, оставив Сабрину и Курта вдвоём.

— Как дела? — улыбаясь, спросил Курт.

— Что ты от меня хочешь? — раздражённо прошипела Сабрина. — Думаешь, я твои взгляды каждый раз не замечаю?

— Надеялся, что наоборот.

Курт рукой упёрся в стекло рядом стоящей теплицы. От его веса то в мгновение треснуло, и через пару секунд послышался звук бьющихся о камень осколков. Сердце Курта провалилось, и он широко раскрыл глаза, смотря на ошарашенную Сабрину.

— Уходим, — тут же сказал он и схватил Сабрину за руку, убегая подальше.

А Сабрина, несмотря на неприязнь ещё несколько секунд назад, едва нагоняла его, стараясь скорее оказаться за пределами теплиц. Позади них слышались крики профессора Долгопупса и студентов, но им было всё равно. В крови играл адреналин, а ноги сами несли вперёд по цветущим окрестностям школы.

На несколько мгновений радость от безнаказанной ошибки взыграла в разуме, заставляя улыбаться и мчаться навстречу ветру. словно с десятков минут назад не произошло неприятного разговора, никто никого не подозревал и все были в мире.

Дуновение лёгкости захлестнуло их на несчастные минуты, ведя к крайней части школы.

Оказавшись достаточно далеко от места преступления, они наконец остановились и замерли, переводя дыхание и улыбаясь. Курт искренне и добродушно, а Сабрина скорее неосознанно, будто сбросив привычную маску.

— У тебя талант влезать в неприятности, — заявила она, указывая на него.

— Зато сколько улыбок они вызывают, — подмигнул он.

И в эту секунду Сабрина словно осознала происходящее и оглядела себя. Её рука опустилась на ключицу, где, казалось, слышалось собственное сердце. Она тут же подняла взгляд, прищурившись.

— Ты специально это сделал? — спросила она.

Курт, притворяясь, будто это и правда так, лишь пожал плечами, многозначительно закатив глаза. Она выходила с ним на разговор, а это уже означало куда больший прорыв, чем ему удавалось добиться раньше.

— Ладно, — выдохнула она, выставив руки перед собой. — Объясни, в чём радость ходить за мной, пока я тебя оскорбляю, а на твоих друзьях проклятия отрабатываю?

— Мазохизм? — усмехнулся Курт.

— Или у тебя извращённый план, — она медленно подошла к нему, прищурившись.

Курт пригнулся к ней, смотря прямо в лицо.

— Ужасный, — изобразил расстройство Курт. — Хочу, чтобы ты вновь начала улыбаться и держать под каблуком Слизерин.

От услышанного Сабрина свела брови к переносице и покачала головой, вероятно не желая верить в его слова.

— Не хочу долгих и громких речей, — пояснил Курт, обходя её сбоку. — Но не помешанной на Малфое истеричкой ты была гораздо лучше.

Произнеся это, он прогулочным шагом направился к школе, оставляя её одну. Сабрина нахмурилась, скрестив руки на груди, а после резко развернулась, видя его спокойно удаляющуюся фигуру. Будто бы он сказал ей нечто обыденное, а не отрезвляющее.

Примечание к части

Вы только на них посмотрите. Курт, давай уже перетягиваем Сабрину на нашу сторону, пока чего не случилось... И да, это намёк. Мы плавно движемся к финалу, до конца осталось всего пару глав и эпилог, так что готовим платочки. Пишите, как вам глава, что думаете?

А я пока оставляю ссылку на свой канал, где можно получать спойлеры <https://t.me/friendmalfoyy> и узнать о печати Педагогов...

Глава 22 «Ярмарка чудес»

Слова Курта ещё долго не выходили из головы Сабрины. Она раз за разом прогоняла их в сознании, желая найти причину обесценить. Настолько, чтобы не обращать внимания не только на эти, но и на все его последующие высказывания в её сторону. Но все попытки оказывались тщетны, и Сабрина возвращалась к пониманию, что он был прав.

И доказательством были не его слова, её поведение или чувства, а факт, что она до сих пор колебалась. Даже сейчас, стоя в давно забытом женском туалете перед котелком с зельем, что должно отправить Грейнджер в сон, она не была уверена, насколько это верный путь.

Да, как и говорила Бронте, Сабрина хотела бороться за своё будущее, за счастье, за Малфоя, чьи действия до сих пор заставляли сердце биться чаще. Но насколько далеко Сабрина была готова зайти, она не знала. Предел и граница дозволенного не ощущались. Но она понимала, что именно этот поступок, треклятое зелье и его подлив в напиток Грейнджер могли стать этим.

Той самой точкой невозврата, после которой она не вернётся к прежней жизни. Одна ситуация, если бы Сабрина знала, что Грейнджер просто поспит. Возможно, дольше обычного, но достаточно, чтобы о ней забыл Малфой. Но совершенно другая, когда вариант оказаться со смертью на руках велик.

Сабрина не была убийцей. Манипулятором, эгоисткой, не признающей нравственности и готовой переступить через многое ради целей — да. Но она не была готова омыть руки в чужой крови, а тем более — если та принадлежала профессору.

Грейнджер не была настолько ужасной. Она являлась отличным преподавателем, деканом, человеком, единственный её минус — Малфой, не сводящий с неё глаз. Но это не могло стоить жизни.

Посмотрев на последний свёрток растения в руках, Сабрина покачала головой и убрала его на подоконник. Прижав ладонь к себе, она медленно потёрла кожу и устремила взгляд к выходу.

Малфой ещё не спал. По четвергам он часто задерживался в своём кабинете, и, скорее всего, она ещё успеет с ним поговорить. Признается в чувствах, расскажет о Бронте... И будь что будет. Но все останутся живы, целы и невредимы.

— Опять она тут зелья свои варит, — недовольный голос Миртл послышался за спиной Сабрины.

Ухмыльнувшись, Сабрина покачала головой и обернулась.

— Последи за котлом, я скоро вернусь, — с улыбкой сказала она и скорее поспешила прочь к классу зельеварения.

— Я вам что, сторож...

Размеренное тиканье часов, шелест ветра из приоткрытого окна, аромат Ноттовских сигарет и проверка заданий перед завтрашним мероприятием — в этом году Драко взял намного больше обязанностей, чем обычно. Как правило, он отвергал все предложения, говоря, что зелья — не фокусы, а точная наука. Но в этот раз сам предложил сварить несколько забавы ради, только бы всем пришедшим было весело.

Драко казалось, что так он сможет отвлечь себя от кипящих в голове мыслей. Это работало в Хогвартсе, причём много лет подряд, но почему-то дало сбой именно сейчас. В тот момент, когда он нуждался в подобном больше всего. Смеялась ли ему в лицо жизнь, собственная натура, не находящие выхода эмоции и чувства? Вполне возможно, хоть он и считал, что выше них.

Попытки забыться, на несколько оставшихся недель отстраниться от Грейнджер — всё закончилось поражением и нарастающей потребностью. Драко проклинал тот момент, когда обещал себе не ждать от неё ответов и не разбираться, что за невидимая граница встала между ними. Потому что сейчас, да и последние дни, он хотел узнать именно это, потребовать объяснений и получить их.

Но невозможность сделать это сковывающим заклинанием висела в воздухе. Нежелание требовать от неё ответы и давить на Грейнджер, которая хоть и была сильной, но при этом сохраняла свою хрупкость, связывало его по рукам и ногам. Эта мысль заставляла Драко оставить свои чувства и эмоции позади, выставляя её вперёд. Как и должно было быть в нормальных отношениях.

Тех, в которых она ему отказала.

Тяжело выдохнув, Драко покачал головой и взмахом палочки отправил все приготовления на одну из полок массивного шкафа. Ему стоило отдохнуть и поспать, чтобы привести мысли в порядок и, возможно, перестать думать о ней. Наверное, тогда станет гораздо проще отговаривать себя.

Послышался стук в дверь, и Драко свёл брови к переносице, не понимая, кто в такой час мог к нему прийти.

— Войдите, — бросил он, устремляя глаза вперёд.

На пороге показалась копна кудрявых волос. Грейнджер аккуратно закрыла дверь и, поправив платье, быстрыми шагами прошла по классу, приближаясь к столу Драко. Её растерянный взгляд блуждал по кабинету, не встречаясь с его, а тонкие пальцы сжимались в попытке успокоиться.

— Чем обязан? — осмотрев её с ног до головы, спросил Драко.

— Малфой, я хотела с тобой серьёзно поговорить, — выдохнула она, сглотнув ком, подступивший к горлу.

— Если скопились претензии, то оставь их на моём столе, — сухо предложил он и встал с кресла.

Обойдя его, Драко быстрыми шагами направился к выходу, двигаясь мимо взволнованной Грейнджер с виноватыми глазами.

— Я уезжаю, — выкрикнула она.

Драко замер. Мгновение он переваривал услышанное, сомневаясь в собственных слухе и восприятии. Драко не верил в то, что она только что сказала. Развернувшись, он выгнул бровь, медленно приближаясь обратно к ней.

— Со следующего года меня здесь не будет, — говорила она, отводя взгляд в сторону. — И наши ссоры...

Она замолчала, словно подбирая нужные слова. Но Драко знал, что зря, потому что нормальных объяснений в их ситуации не существовало.

— Я хочу закончить наше общение на хорошей ноте, — она слабо улыбнулась, подняв на него взгляд.

— И ты пришла, чтобы сказать мне об этом лично? — вдумчиво спросил Драко, ещё приближаясь к ней.

Не понятно почему, но Драко чётко понимал — она не уедет. Не потому, что передумает, откажется или не сложится, а потому, что он не позволит. Не после всего, что между ними было, есть и будет. Потому что именно эти отношения причина её поступка. Драко и сам задумывался о подобном, как о способе лечения от Грейнджер, но отсек эту мысль.

Ни одна свобода, прошлое или настоящее не стоили Грейнджер. Он не был готов лишиться её из-за недосказанности. И именно сейчас, в этот самый момент, он себя предал, забыв каждое данное обещание, оставив лишь желание получить ответы и поцеловать её, вложив в это всего себя. Чтобы Грейнджер была здесь, рядом.

И если потребуется, Драко пойдёт на хитрость, манипуляции и грязные игры. Но не отпустит, не совершит эту ошибку.

— Конечно, мы же...

Грейнджер оборвала фразу и резко замолчала. Но Драко понял всё без длинной речи — она прощалась. Потому что он был ей дорог, а она не смогла бы уйти, не сказав последних слов. В этом была её главная ошибка, ведь он не позволит ей сделать этот шаг.

— Что «мы»? — оказавшись почти вплотную к ней, спросил Драко. — Почему ты испытываешь потребность попроситься со мной лично, Грейнджер?

Она невозмутимо вздёрнула подбородок, будто чувствуя приближающуюся опасность. Подобно зверю, готовому себя защищать.

— Нам было хорошо вместе, — сказала она так, словно между ними было нечто равнодушное.

— Да, очень хорошо, — ухмыльнулся Драко.

Опустив взгляд на её губы и вернув обратно к глазам, он медленно пригнулся к ней, чувствуя дыхание на собственном подбородке.

— Что ты делаешь? — прошептала она, не двигаясь с места.

— Напоминаю, Грейнджер, — ответил он ей, касаясь большим пальцем подбородка. — Ты же сохранишь воспоминания?

Её губы приоткрылись, она коротко кивнула, гуляя взглядом по его лицу, пока Драко не поймал очередной вдох поцелуем. Медленным и тягучим, словно мёд, оставляющий следы и горчащий при чрезмерном количестве. Только эта горечь была приятной, необходимой и насыщенной. А Грейнджер отвечала на неё, касаясь Драко в ответ, скользя руками по его покрытой рубашкой груди и жадно вдыхая едва уловимые потоки воздуха.

И это убеждало его, напоминая, что она любит его так же сильно, как и он её. Чувства абсолютно взаимные, эмоции обоюдные, а желания одни на двоих, отдающие зудящим гулом под пальцами и вибрацией горячей кожи. Оставалось лишь сломать преграды, разрушить выстроенные препятствия и наконец познать любовь целиком.

Подхватив Грейнджер, он обернул её ноги вокруг своих бёдер, продолжая целовать мягкие податливые губы и приближаться к краю собственного стола. Шёпот заклинания, и он посадил её на пустую крышку, широко разводя колени в стороны и задирая юбку. Пальцы блуждали по смуглой коже икр, пока Драко опускался поцелуями к подбородку, едва прикусывая.

Стоны Грейнджер, новый громче предыдущего, ласкали слух, пока её ладони скользили по его плечам, а его руки расстёгивали вверх платья. Он медленно спускал ткань вниз, оставляя на уровне пояса и носом утыкаясь в ложбинку перед собой, касаясь короткими поцелуями скрытой бюстгалтером груди.

И именно в этот момент, когда её руки легли на крышку стола, помогая не упасть, Драко положил ладони поверх её и резко отстранился. Грейнджер, не понимая происходящего, вновь потянулась к нему. Но Драко лишь покачал головой, с силой прижимая её к столу.

— А теперь мы поговорим, — выдохнул он ей в лицо, видя, как глаза округляются.

— Это не смешно, — заволновалась она. — Отпусти.

Она попыталась поднять руки, но он лишь крепче надавил на них, оставляя её, полуобнажённую, в импровизированной ловушке.

— Знаешь, что ещё не смешно? — он смотрел в её глаза. — Не замечать меня, а потом приходить и отвечать на поцелуй.

— Малфой, — предупреждающе сказала она.

— Отталкивать меня, а после стонать от моих прикосновений, — продолжал он, закипая.

— Малфой, — чуть громче добавила она, пытаясь его остановить.

— Приходить попрощаться и смотреть так, будто я самое дорогое, что у тебя

есть, — срываясь, едва не зарычал он.

— Драко! — закричала Грейнджер.

И он остановился, впервые услышав собственное имя её голосом. Будто бы Оглушающее, эхом вторящее в голове сказанное. Он смотрел в её глаза, а она в его, оба тяжело дышали и не знали, кто первый оборвёт тишину.

— Отпусти, пожалуйста, — прошептала она еле слышно. — Мне больно.

Драко ослабил хватку и взял её за запястья, соединяя их и притягивая к себе. Он легко коснулся губами мест, где слишком сильно давил, будто извиняясь за сделанное.

— Прости, — выдохнул он. — Но я не отпущу тебя без ответов, Грейнджер.

И Драко продолжил стоять. Перед своим столом, между её раздвинутых ног, смотря на полуобнажённую Грейнджер. Её руки он медленно целовал, успокаивая каждое место, что могло отдавать болью.

— Зачем тебе ответы? — обречённо спросила она из-под опущенных ресниц.

Драко усмехнулся. Причина была для него настолько же очевидна, как и умысел её прихода. Только Грейнджер отрицала, что собственные жесты могут быть настолько прозрачны.

— Не могу смириться, что любимая девушка пытается избавиться от меня, — он улыбнулся, видя блеск в карих глазах.

Не от боли, сожаления или горя, а от услышанного. Всего одно предложение, и она, обескураженная, сидела перед ним, не зная, что сказать.

— Я не хочу, чтобы это закончилось, — призналась она. — Впервые я чувствую, что свободна и любима...

Грейнджер говорила тихо, едва слышно, с каждым словом отдавая ему часть искалеченной и повреждённой души.

— Мне слишком нравится это состояние, чтобы я пошла вперёд, зная, что всё это потеряю, — она взглянула в его глаза.

— Почему ты должна что-то потерять? — всё ещё не улавливая связь, спросил Драко.

— Это же просто, — пожала плечами она, горько усмехаясь. — Отношения означают большее, чем секс и спонтанные поцелуи.

Её пальцы в его руках заметно напряглись — неосознанно даже для неё самой.

— Едва ли ты думал о будущем со мной...

Он смотрел на неё несколько секунд, поражаясь ответу. Драко ожидал услышать многое, от самого ужасного и элементарного до тяжелого и

непостижимого. Но что причина будет лежать настолько на поверхности и ни капли не совпадать с его мыслями — нет. Грейнджер умела удивлять, и ему стоило ей об этом сказать, но не сегодня, не сейчас.

В ответ Драко лишь улыбнулся. Он аккуратно отпустил её руки и взял её лицо в свои ладони, вытирая большими пальцами едва выступающие слёзы.

— Сексом и спонтанными поцелуями ты от меня не избавишься, Грейнджер, — покачал головой он. — Увы, но ты сама обрекла себя на вечность со мной.

Казалось, Грейнджер не сразу поняла услышанное. Но как только оно отразилось в её глазах, на губах расцвела одна из самых ярких улыбок, что он запечатлел в своей памяти. Она звонко рассмеялась в его объятиях, кладя руки поверх его запястий и медленно проводя вверх по плечам, касаясь воротника рубашки и притягивая Драко к себе.

— Это обещание? — выдохнув, спросила она.

Её пальцы скользили вниз по Драко, расстёгивая пуговицы и освобождая его от одежды, чтобы коснуться разгорячённых плеч. Её короткие ногти едва ощутимо впивались в его кожу, посылая приятные, балансирующие на грани боли и наслаждения импульсы по всему телу. Подталкивая к ней.

Ладони Драко опустились на её талию, поглаживая живот и пальцами перебираясь на спину, медленно двигаясь вверх до застёжки, чтобы освободить Грейнджер и прижать к себе. Он хотел ощутить её ближе, кожа к коже, будто бы они сливались в одно целое и ещё более непостижимое.

— Предсказание скорого будущего, — прошептал он ей в губы.

Он чувствовал улыбку сквозь поцелуй, пока её нежные руки гладили его плечи, касались шеи, обвивая её и прижимаясь к нему. Возбуждение медленно становилось выше сознания, придавая каждому движению отрывистость, резкость и лишая аккуратности.

Драко чуть опустился, легко сжимая грудь, перекатывая соски между пальцев, чем вызвал её рваные вдохи. Очерчивая рёбра, живот и дотрагиваясь до края белья, отчего она попыталась свести ноги, но он не позволил. Аккуратно целуя уголки её губ, подбородок, линию челюсти и шею, он касался промокшей ткани, отодвигая её в сторону.

Едва коснувшись её, он ощутил, как Грейнджер сжалась, крепче обхватывая его за плечи, грудью прижимаясь к его и опуская голову к его шее. Её чувствительность поражала, а одежда, казалось, становилась всё теснее, сковывая его в нетерпении оказаться в Грейнджер. Чтобы, как тогда, в её спальне, запомнить каждую эмоцию, тихие вздохи и наслаждение.

Драко медленно обводил клитор вокруг, слегка нажимая на него и тут же отпуская, играя на прерывистом контрасте, где Грейнджер могла лишь зацепиться, но не получить желаемое. И в одно из таких касаний, вероятно не выдержав, она сжала зубами его кожу между шеей и плечом. А после едва ощутимо дотронулась до неё языком, словно заглаживая вину.

— Ты ведьма, Грейнджер, — усмехнулся он, легко приподняв её, чтобы

избавить от белья.

— Тебе это нравится, — прошептала она ему в ухо.

Её пальцы быстро скользнули вниз, хватаясь за ремень и вытягивая его из пряжки, пока Драко не отстранился, чтобы вернуть её ладони на свои плечи и приспустить брюки. Её руки оказались на его спине, и он придвинул Грейнджер ближе к краю, медленно проникая в неё. От этого она извивалась, до крови закусывая губу, чтобы сдержать вырывающиеся из груди стоны удовольствия.

Обвив руки вокруг его шеи, Грейнджер замерла перед его лицом. В паре сантиметров, чтобы сохранить зрительный контакт, пока он толкался вперёд, придерживая Грейнджер за спину. С каждой фрикцией, встречным дыханием, едва уловимым поцелуем и стоном они приближались к финалу. Она всё чаще сжималась вокруг него, выставляя желанное имя и оставляя следы на его плечах, пока его губы находили её шею, едва покусывая кожу.

Они словно напоминали друг другу, кому принадлежат, подписывая невиданное соглашение о любви и признании. Где оба обязывались не отпускать, быть рядом и не пытаться оттолкнуть. Самая сильная связь, непонятная остальным даже на самую малую часть существующего.

Толчок, новый, следующий, и он почувствовал, как Грейнджер содрогается в его руках. Стоны эхом отскакивали от стен, лаская слух. Очередное движение, и он замер внутри неё, освобождаясь и крепко прижимая обмякшее тело к своему. Будто бы ничего важнее, за что можно было ухватиться, не существовало.

Последнее, что она шепнула ему, прежде чем наконец отпустить:

— Я люблю тебя, Драко Малфой.

И всё стало ничем, кроме Гермiony в его руках и лучших слов, что она когда-либо осмеливалась произнести.

Сабрина приближалась к классу зельеварения, мотивируемая собственными словами, мыслями и предположениями. Спустя долгое время она наконец-то была готова признаться. Рассказать о своих чувствах открыто, без намёков и ходьбы вокруг. Этот заряд желания, веры в лучшее и надежды подталкивал её вперёд, помогая едва не лететь.

Но когда она подошла к классу, замерла, слыша голоса. Первый она бы узнала из сотни — Малфой. Впрочем, факт его нахождения в собственном кабинете не был неожиданностью. Но второй... Возможно, это была игра разума или провокация слуха, но ей казалось, что там Грейнджер.

— Сексом и спонтанными поцелуями ты от меня не избавишься, Грейнджер, — сладкий голос Малфоя отскакивал от стен класса. — Увы, но ты сама обрекла себя на вечность со мной.

— Это обещание? — вторила Грейнджер.

— Предсказание скорого будущего, — ответил он ей.

Сабрина спиной прижалась к стене, откидывая голову и вслушиваясь в происходящее по ту сторону. Глупые идеи, вроде репетиций или просмотра воспоминаний, лезли в голову, успокаивая, поддерживая. Сознание, порой так рьяно воевавшее с ней, пыталось найти опору, причину, почему то, что она воображала, было ложью. Но каждое предположение уничтожалось здравым смыслом, выталкивалось негативом и уничтожало.

Послышались стоны Грейнджер, и Сабрина прикрыла рот ладонью, чувствуя, как слёзы стекают по щекам. Горло сдавила рука осознания, а колени подкосились, заставляя её медленно сползти вниз по стене. Оказавшись на полу, она всё четче понимала происходящее в классе. Ощущала разрывающееся в груди сердце, ломающееся чувство и истерзанное сознание.

Он был с ней. С Грейнджер, которая все эти годы была не нужна ему, а сейчас, именно в тот момент, когда Сабрина наконец добилась всего, чтобы быть рядом, он вспомнил о ней. И не только в поцелуях, переглядываниях, встречах. Прямо за дверью, на полу у которой слезами заливалась Сабрина, он был с Грейнджер.

Хотелось кричать, надрывая горло, ворваться туда и всё прекратить, но она ничего из этого не могла. Дрожащие ладони зажимали рот, слёзы душили, а реальность расплывалась перед глазами, сосредотачиваясь только на происходящем там.

Звуки, голоса, предательство и предпочтение другой разбивали израненное сердце, желавшее любви, взаимности и оказаться сейчас там. Быть важной для человека, который всегда выше остальных. Привлекающим настолько, что теплело ледяное сердце, и заботящимся, даже когда этого делать не следовало.

И в этот момент, чувствуя жалящие капли слёз, текущие по раздражённой коже, она обещала себе вернуться обратно и закончить начатое. Если не ради его внимания, любви и эмоций, то хотя бы в мстительность за её боль и распластанное на полу перед классом тело. Потому что на ногах удержаться Сабрина уже не могла...

— Грейнджер забрала заявление, — с улыбкой сказала Пэнси, замирая около Тео. — И не кури на Ярмарке.

Она отобрала у него сигарету и бросила в ближайшую урну. Тео добродушно улыбнулся, доставая вторую из пачки и опять закуривая. Скрестив руки на груди, Пэнси тяжело выдохнула и покачала головой, поглядывая на сидевшего Забини.

— Хотя бы при министре он перестанет это делать?

— Слёзно обещаю не превращать министра в пассивного курильщика, — ухмыльнулся Тео, затягиваясь и внимательно осматривая все прилавки.

Ярмарка чудес, проходившая ежегодно к началу экзаменов во дворе школы, всегда радовала присутствующих. Для студентов и участников это было

способом заработать лишние галлеоны перед каникулами. А также завести полезные знакомства или показать свои удивительные таланты, чтобы заинтересовать посетителей. Мероприятие посещало много родителей, представительных людей магической Британии и самого Министерства.

Так некоторые студенты после завершения обучения попадали на вполне престижные предприятия или становились помощниками высокопоставленных лиц. Одних привлекали знания в зельях, по большей части колдомедиков и профессоров остальных школ, других — спортивные навыки, иногда тренеры популярных команд тоже приходили. Кого-то интересовало мастерство в прорицании, успехи в травологии или трансфигурации. Но были и те, кто просто любил находиться среди музыки, смеха, различных сладостей и веселья.

К последним в основном относились преподаватели. Они и без презентаций знали способности своих студентов, а вот отдохнуть и ощутить тёплую атмосферу праздника им удавалось крайне редко.

— Профессор Забини, — с улыбкой сказала подошедшая Мекиса, протягивая поднос с кексами.

Блейз добродушно улыбнулся и взял один, а Мекиса, предварительно кивнув Пэнси и Тео, прошла дальше к стойкам с другими сладостями.

— А любимый профессор остался без кекса, — хмыкнул Забини, косясь на Тео. — Думаю, в следующем году я всё-таки поставлю ей *«превосходно»*.

Откусив кусочек, он довольно улыбнулся, пережёвывая десерт и отмечая, что с готовкой у неё лучше, чем с историей магии. Но происходило это ровно до того момента, пока Пэнси не засмеялась, рукой упираясь в плечо едва сдерживающегося от истерики Тео.

— Что? — свёл брови к переносице Блейз.

— Ничего, — едва не плача, сказала Пэнси.

Блейз не сразу понял, что происходит, лишь когда к нему приблизилась Джинни с глазами больше снитчей, он осознал, что что-то не так.

— Смело, — кивнул стоящий рядом с ней Уизли.

— Да о чём вы? — развёл руками Блейз, возмущаясь.

Пэнси и Тео в этот момент едва не лежали на траве, а Уизлетта уже протянула Блейзу небольшое зеркало, где он рассматривал смуглую кожу, отлично контрастирующую со снежно-белыми волосами.

— Надо было ставить оценку в этом году, Забини, — выдавила из себя Пэнси, опускаясь на лавочку рядом.

— Твой план? — прищурившись, спросил Блейз, смотря на Тео.

— Ни в коем случае, — покачал головой тот, подмигивая стоящей за стойкой Мекисе.

И пока Блейз думал, как в кратчайшие сроки избавиться от столь экстравагантной внешности, на горизонте появились Грейнджер и Малфой, идущие не то что не порознь, а едва не обнимаясь. Увидев это, Тео кивнул всем присутствующим на них, замечая, как все расплываются в довольных улыбках.

Подойдя, Малфой тут же рассмеялся, смотря на Тео.

— Она заслужила *«превосходно»* по зельям, — покачал головой Малфой.

И, наверное, Блейз бы возмутился, но немое молчание, встретившее стоящую рядом пару, не хотелось нарушать никому. Все пристально глядели на Малфоя и Грейнджер, на талии которой умиротворённо покоилась бледная рука.

— Ты сказал ей, что я крёстный первенца? — невозмутимо спросил Блейз, смотря на Малфоя.

— Так не пойдёт, — тут же вмешалась в разговор Уизлетта. — Мы не можем быть вместе, а мне должность крёстной пообещали ещё в двенадцать.

— Мы вам не мешаем? — прочистил горло рядом стоящий Малфой.

— Гермiona, скажи им, — тут же потребовала Уизлетта, смотря на Грейнджер.

Та же лишь мило улыбалась, переводя взгляд от одного к другому и, вероятно, понимая, что никогда не доверит им её с Малфоем детей. Но тут поодаль показался Поттер, указывающий министру и остальным представителям Министерства, в том числе Бронте, места в первом ряду перед сценой.

Поспешив к ним, Поттер слегка опешил, с ног до головы осматривая Малфой и Грейнджер.

— Я жду отчёт по этой ситуации, — улыбнулся он, а после осмотрел всех. — Деканы на сцену, пора начинать.

Все скорее поспешили вперёд, даже Долгопупс, почти проспавший начало, успел и уже через несколько минут стоял за Поттером на сцене, пока тот рассказывал о начале Ярмарки и готовящейся программе.

Казалось, что всё проходило как обычно. Все веселились, радовались, с заведенными глазами смотрели и внимали речи директора. Пока деканы с кубками, до верха наполненными напитками, стояли и осматривали всех.

Это был своего рода символизм. Где после громоздкой речи директор и деканы бились бокалами, олицетворяя единство школы, несмотря на кровь, факультет или увлечение. Это должно было стать отличным завершением работы с трудными подростками, о которой Поттер не забыл упомянуть, но вышло не так.

— Поднимем же напитки, друзья, — с улыбкой сказал он.

Грейнджер и Малфой, стоявшие по обе стороны от Поттера, сделали по глотку. И в первые секунды не было ничего страшного, Долгопупс и Пэнси

последовали их примеру. Но едва они опустошили свои бокалы, как взгляд Грейнджер словно омертвел. Она стала заметно покачиваться, а через несколько мгновений, пытаясь зацепиться за стоящего рядом Поттера, потеряла сознание.

Малфой успел за долю секунды подхватить её, прежде чем она замертво рухнула в его руки, не шевелясь...

Примечание к части

Вот мы и подбираемся к финалу работы. 22 глава - предпоследняя и я уже начинаю чувствовать насколько буду скучать. Но любой конец это своеобразное начало, не так ли? Пишите, как вам глава, что думаете о Сабрине? Как сцена в кабинете Драко?

Буду ждать ваши комментарии! Также приходите ко мне в канал <https://t.me/friendmalfoy> за свежими спойлерами! <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 23 «Последний союзник»

Мир точно издевался, если происходящее было наяву. Словно финал громоздкой истории, слезливого магловского фильма или едва позитивной книги. В момент, когда казалось, что всё встало на свои места, все ощутили себя счастливыми и поймали то самое мгновение полного уединения, нечто переломилось. И Драко не мог смириться, что этим стала Грейнджер, замертво упавшая перед всем Хогвартсом.

— Малфой, ты всё равно не поможешь ей, сидя здесь, — сказала Аббот, проводя палочкой над Гермионой. — Она жива. Просто спит.

— Когда люди *«просто спят»*, их можно разбудить, — выругался Драко, в упор смотря на Аббот.

Та поджала губы и, покачав головой, села за свой стол, стоящий немного поодаль. Драко опустил руку поверх ладони Гермионы, крепко её сжимая. Драко надеялся, что в эту секунду Гермиона очнётся. Скажет, что хотела поиздеваться, спровоцировать, посмотреть на его реакцию... Что угодно. Ему было всё равно, главное, чтобы в итоге она оказалась жива, здорова и в сознании.

— Драко, — успокаивающий шёпот Пэнси за спиной, и её ладонь, аккуратно поглаживающая его плечо, сжалась. — Гарри, в кабинете...

Драко сглотнул ком злости, подступивший к горлу, и коротко кивнул, оставляя Пэнси и молчащую Уизлетту рядом с Гермионой. У него было другое дело — убедить её спасти. Неважно, угрозами, магией, силой или манипуляциями, но заставить, чтобы перестраховщики, желающие добиться *«более весомых»* аргументов, наконец поняли, что упустили.

В голове вторили слова Кингсли, что важно потерпеть, и план Поттера, как Бронте нужно поймать с поличным. Оба ждали, пытались выманить её и заставить действовать, а по итогу вновь оказались в проигравших с жертвой на руках. И будь в больничной постели другая, неважная, Драко бы отшутился, намекая, что орденовские планы работают не лучше сломанной метлы. Но не сейчас, никакого юмора, подначиваний или дерзких ухмылок. Только злость, ненависть и желание скорее помочь.

Малфой бросил пароль и быстрее двинулся к винтовой лестнице, поднимаясь. В кабинете он увидел Кингсли и Поттера, разговаривающих между собой и рассматривающих треклятый кубок с символикой Гриффиндора, из которого и пила Гермиона.

Драко оставил прелюдии, не стал спрашивать, аккуратно интересоваться или пытаться вести дипломатическую беседу. Он резко взял Кингсли за воротник и с силой, ранее не познанной, прижал того к стене, смотря в глаза.

— Давайте дождёмся решительных действий, Малфой, — закричал он. — Бронте сама себя закопает. — Драко слегка ослабил хватку, а после сильнее прижал министра к стене. — Проявите терпение.

Краем глаза Драко заметил приближающегося Поттера, пытающегося

помочь Кингсли, но сразу осадил и его.

— Ещё шаг, Поттер, и я забуду, что ты её лучший друг, — огрызнулся Драко, неотрывно смотря на Кингсли. — Есть что сказать?

— Отпустите меня, пока это не стало чревато, — медленно и учтиво угрожал Кингсли.

— Если с ней что-то случится...

— Что-то случится с вами, если вы не сдержите свои эмоции, — громче добавил Кингсли. — И спасителей у мисс Грейнджер станет на одного меньше.

Драко несколько секунд в упор смотрел на Кингсли, борясь с желанием бросить проклятие и вытолкнуть из себя все копившиеся эмоции. Он хотел, чтобы Кингсли ощутил, каково сейчас Гермионе и насколько больно её близким. Но понимал, что ситуация этим не решится, а скорее напротив — только больше усугубится.

Как бы ни было отвратительно и паршиво, но это тот шаг, который нужно сделать назад и решать ситуацию на холодную голову. Это было правильно — так бы поступила Гермиона, будь она в сознании. Драко стоило проговорить это в мыслях, чтобы наконец-то отступить и дать Кингсли вдохнуть полной грудью.

— Предлагаю всем сейчас взять себя в руки...

— Прибереги демократию для речи в конце года, — фыркнул Драко, убирая ладони в карманы брюк и внимательно глядя на Кингсли.

Поттер замолчал, глазами упираясь в министра, который, подобно Драко, стоял с высоко поднятой головой и смотрел в упор.

— Лидия всё ещё в школе, — пояснил Кингсли. — Кормит представителей Визенгамота котлетами и перспективами закрытия Хогвартса.

— Мне всё равно на их несварение, — скрестив руки на груди, ответил Драко.

— Она всё ещё здесь, — строже пояснил Кингсли. — А значит, ждёт встречи с кем-то из школы. С тем, кто подмешал зелье в напиток мисс Грейнджер.

Казалось, что Кингсли закипал прямо на глазах, не выдерживая то ли поведения, то ли натиска Драко. Впрочем, что одно, что другое Драко вполне устраивало. Ведь должен министр, у которого второе имя «перестраховка», ощутить хотя бы малость тех неудобств, с которыми столкнулся Драко из-за него.

— И у этого человека наверняка есть антидот, — воодушевленно добавил Поттер. — Или хотя бы рецепт для его создания.

— То есть мы ищем сами не знаем кого, неизвестно где и непонятно, когда он исчезнет, — резюмировал Драко, загибая пальцы. — Я верно вас понял?

— Не совсем, — сдерживаясь, сказал Поттер, доставая один из пергаментов из стола.

Поттер протянул его Драко, тот смерил директора недовольный взглядом, но всё-таки выдернул лист, проверяя список имён. Он был не особо длинным, но состоял из лучших студентов в области зельеварения, преимущественно со старших курсов. Круг подозреваемых и в голове Драко медленно сужался до нескольких имён, на которые могла повлиять Бронте.

И единственное, которое казалось правильным Драко и сердцем, и аналитическим складом ума, абсолютно ему не нравилось. Потому что он не мог и вообразить, что эта студентка способна на такое.

— Я обвёл предполагаемого кандидата, — медленно сказал Поттер, кивая на пергамент.

— Сабрина не могла это сделать, — отрезал Драко, отбрасывая от себя лист.

— Она объявила тревогу по Касперу и, вполне возможно...

Драко выгнул бровь, непрерывно смотря на Поттера и Кингсли. У них не было аргументов против этой девочки, а сам Драко ни за что бы не признал в ней способную на подобное. Она бы не поступила так. Сабрина умная, исполнительная, целеустремлённая студентка с большими амбициями и идеальным резюме. Она бы не стала пачкать руки в крови...

— Назовите мне хотя бы одну причину, зачем ей это было нужно? — злился Драко.

— Кажется, с этим могу помочь я, — послышался голос сзади.

Все трое повернулись ко входу в кабинет, где с ноги на ногу переминался волнующийся Морган, чей взгляд был прикован к Драко.

— Я знаю, почему Сабрина это сделала...

Самая изящная ловушка сознания — отключение восприятия мира. Не слышно окружающих людей, гула голосов, шагов, дыхания, не ощущаются ароматы, не чувствуется привкус солёных слёз. А единственное, что воспринимается, это стук колотящегося сердца. Он выбивает из реальности, закрывая в самом себе и заколачивая дверь, способную выпустить обратно.

Сабрина неслась по коридору, постоянно озираясь по сторонам, чувствуя на себе несуществующие взгляды. Руки и ноги холодели, плечи содрогались, а внутри всё горело слабым пожаром, который больше пытал, чем уничтожал. Будто бы нечто тяжелое селилось в горле, не позволяя дышать, думать и воспринимать, оставляя только нарастающий страх.

Он душил, царапая сознание, сердце, грудь изнутри, чтобы невозможно было остановить, а только прочувствовать, как острые когти терзали душу. Разум кричал, требовал, ломаясь на две части, где одна утверждала, что всё в порядке, а вторая не выдерживала груза совести. Это было больно и тяжело, ноги не удерживали, становясь ватными.

Она слабо помнила, как дошла до злополучной двери и упёрла ладони в края раковины, смотря на себя в зеркало.

«Убийца», — вторило сознание.

«Это правильно», — кричала другая его часть.

Разум будто бы измывался над ней, не давая чёткого и верного ответа, в котором Сабрина так нуждалась. А перед глазами вместо реальности и собственного отражения всё ещё стояла картина с Ярмарки. Будто слишком долгая колдография, где Грейнджер замертво падала, все начинали кричать, пытаюсь помочь, и лишь двое смотрели на неё.

Знающие, чьих это рук дело.

Разница в том, что Бронте глядела с одобрением. Её яркие зелёные глаза, подобно змеиным, довольно рассматривали Сабрину, забираясь в душу и стягивая муки совести. Но Курт, внимание которого она ощутила на себе секундой ранее... Там было всё иначе. Непонимание, отрицание и разочарование — они плескались в его карих радужках, сменяясь одно другим, пробуждая понимание происходящего.

Сабрина пыталась убедить себя, что это правильно. У неё просто не было выбора. Она желала счастья, и Грейнджер, а точнее, её устранение, было единственным выходом. И Сабрина поступила так, как должна была, потому что никто другой не позаботится о её личной жизни так, как бы хотелось ей. А цель... Она всегда оправдывает средства, иначе и быть не может.

Но почему-то легче от этих попыток успокоить себя не становилось. Совесть, сожаление и гнетущий страх истерикой подкатывали к горлу. Уничтожая суть, забирая сознание, отравляя рассудок.

— Если я Плакса Миртл, это не значит, что сюда надо приходиться рыдать, — недовольно заявило летающее под потолком привидение.

Сабрина подняла глаза, где стояли слёзы, и схватилась за палочку, поджимая губы. Она уже отправила на больничную койку Грейнджер, чего стоит ещё и призрак? Одним больше, одним меньше — разницы нет. Сабрина ведь способна на это, она могла уничтожить неугодного, наступив на горло моральным ценностям?

— Сабрина, подожди.

И она замерла, стоя спиной к говорившему. Этот голос Сабрина узнала бы из сотни, им она грезила, о нём мечтала и ради него...

— Опусть палочку, — спокойно сказал Малфой.

Но Сабрина лишь крепче сжала древко и медленно повернулась, ощущая, как слёзы предательски катятся по щекам. Потому что в глазах Малфоя читалась правда — он знал, что она сделала, и пришёл именно поэтому. Не потому, что любил, она была ему нужна или он испытывал к ней чувства. А потому, что она почти убила девушку, которая дорога ему.

— Она мертва? — спросила Сабрина.

— Нет, — спокойно сказал он. — Но это может случиться, если мы не дадим ей противоядие.

Слёзы обильнее потекли по щекам, ноги не удержали, и Сабрина рукой опёрлась на стоящую позади раковину. Малфой, осторожно наблюдавший за ней, сделал шаг вперёд, но она тут же направила на него палочку.

— Не подходите, — прошептала Сабрина.

Голос дрожал, и она не сразу осознала, что он принадлежал именно ей.

Беспомощный, болезненный, едва не истерический.

— Сабрина, я всё знаю, — выдохнул Малфой, выставя руки перед собой. — И понимаю, что ты сейчас чувствуешь.

— Ужасная фраза, — спотыкаясь об истеричный смешок, сказала она. — Это они вас послали, да? С нужными словами, чтобы вытащить из меня признание, как из Каспера...

Она знала, что он хотел, понимала это. У неё не было другого пути: либо сдаться, либо сражаться. И оба варианта ей не подходили, поэтому она просто стояла, обороняясь и пытаясь продлить время, неизвестно зачем нужное.

— Вы не понимаете, что я чувствую, потому что не были на моём месте, профессор, — говорила она, глотая слёзы. — Всегда просчитываете ходы наперёд, ужасно умны, красивы и хитры...

И если она это не сделала вчера, то должна была сегодня. Терять уже нечего, но хотя бы она выскажется.

— Вы идеальный, — прошептала она. — Но почему-то не для меня.

— Мы обязательно поговорим с тобой об этом, но...

— Зачем? — горько улыбаясь, спросила она. — Я старалась делать всё, чтобы вы были мной довольны, а вы всё равно выбрали её. И это уже не исправить.

На последних словах она сорвалась на крик и развела руками, чем и воспользовался Малфой. За считанные секунды он преодолел расстояние между ними и забрал палочку, подкидывая её в потолок, где ту схватила Миртл. Сабрина попыталась оттолкнуть его, но он крепко прижал её голову к своей груди, обнимая и равномерно поглаживая спину.

— Почему так больно, — плакала она, подняв глаза на него. — Я не хотела её убивать, до последнего не хотела, но вчерашний вечер... Вы...

— Сабрина, посмотри на меня.

Малфой взял её лицо в свои ладони, не давая отвести заплаканный взгляд.

— Я не поверну время вспять, но мы можем ещё всё исправить, — тихо

сказал он. — Сварить противоядие, и с профессором Грейнджер всё будет в порядке.

Но Сабрина не отвечала, по её щекам продолжали течь слёзы. Она уже слабо понимала, из-за чего именно, задыхаясь в собственным эмоциях и переживаниях. Единственное, что она смогла ответить взволнованному Малфой, было:

— Я не убийца.

— Знаю, — ответил он ей. — И не будешь, если мы успеем.

Она затравленно смотрела на него, не понимая, какое решение принять и как быть. Происходящее разваливалось на глазах, уничтожая все возможные выходы.

— Тебе всего шестнадцать, — тише произнёс Малфой. — Не марай руки в крови.

И это стало решающей фразой, когда в её взгляде отпечаталось сожаление. Запустив руку в пояс юбки, Сабрина протянула ему рецепт, по которому изготавливала яд. Малфой забрал у неё пергамент, быстро просматривая содержимое.

— Морган, — тут же сказал он.

Из-за двери появился Курт, который подбежал к ним, забирая Сабрину из рук Малфоя и поддерживая, не давая упасть.

— Всё будет хорошо, — кивнул Малфой, глядя на неё. — Обещаю.

Курт крепко обнял её, прижимая к себе и пытаясь успокоить, но Сабрина смотрела только на удаляющуюся фигуру профессора, надеясь, что он успеет и всё правда закончится хорошо, что все останутся живы...

Линда Бронте быстрыми шагами шла по Хогвартсу, нервно озираясь по сторонам в поисках камина. Надежда его найти была глупой, учитывая, что ни одного открытого находиться здесь не должно. Но страх и понимание скорой расправы за совершённое не пропускал рациональное мышление.

Вид заплаканной Слизнорт говорил сам за себя, а значит, до момента потенциального поражения оставались считанные минуты. И Линда предпочитала провести их в настолько отдалённом месте, что не найдут в ближайшую вечность. План был хороший, отличный, но явно не в стенах треклятой школы.

— Тесси, а ну иди сюда! — слышался женский голос совсем рядом.

Обрадовавшись, что он не был знаком, Линда уже собиралась отчитать снующую студентку. Но, повернувшись на источник звука, увидела только большие голубые глаза несущегося на неё кота. Животное, словно Линда была любимым лакомством, накинулось на неё, отчего она мгновенно упала на пол,

закричав.

— Уберите его от меня! Сейчас же! — просила Линда, пока когти зверя впивались в её кожу.

— Прекрати, нельзя так, — возмутился всё тот же голос.

Линда не рисковала открыть глаза, но по ощущениям хозяйка схватила кота и потянула на себя. Однако боль от этого стала только сильнее, и Линда закричала ещё громче, привлекая внимание, кажется, всей школы.

— Остолбей!

Заклинание не попало в кота, а лишь спугнуло его, отчего тот прошёл грязными лапами прямо по лицу Линды, убегая.

— Профессор, аккуратнее, — закричала девочка, смотря вперёд.

Линда резко открыла глаза и подорвалась с пола, чувствуя, как саднили раны от кошачьих когтей. Стоявшая рядом девочка виновато поджала губы и уже хотела извиниться, когда рядом появился Нотт.

— Мекиса, не подходи, — тут же сказал он и жестом указал её следовать за животным.

— Мекиса, подожди, — ухмыльнувшись, выпалила Линда и схватила девочку за руку.

Притянув её спиной к своей груди, Линда тут же приставила палочку к горлу студентки. Едва не подошедший Нотт тут же замер, сведя брови к переносице и смотря то на Линду, то на древко у шеи Мекисы.

— Лучше тебе стоять на месте, — угрожающе сказала Линда, надавливая палочкой на горло, отчего Мекиса вздрогнула.

— А вам обратиться к магловским мозгомедикам, — отметил Нотт. — Нет, правда, что за пристрастие к детям?

Линда сцепила зубы, крепко сжимая запястье Мекисы в тот момент, когда слышалось заклинание.

— Экспеллиармус!

Палочка вылетела из рук Бронте, а Мекиса с силой наступила ей на ногу, отчего Линда сложилась пополам. Подбежав к Нотту, Мекиса спряталась за него, видя подходящего аврора вместе с Кингсли. Мгновение, и на всё ещё тяжело дышавшую Линду были надеты браслеты, не позволяющие использовать магию.

— Вы ещё об этом пожалеете, — прошипела она, исподлобья смотря на Кингсли.

Но тот проигнорировал её, кивая Нотту увести студентку подальше, пока Линда медленно шептала проклятия, пытаясь оттолкнуть заковавшего её Вуда.

Но тот лишь крепче стянул браслеты, борясь с желанием бросить в неё Оглушающее, чтобы избежать проблем.

Но Кингсли твёрдо запрещал это делать, она должна была рассказать им всё, что успела натворить за последние годы.

Гермиона не сразу смогла понять, что именно произошло, но резкая боль в горле и неприятный запах зелий заставили поморщиться до того, как она очнулась. Глаза закололо, в мышцах она ощутила слабость, но Гермиона всё-таки приподнялась на локтях, осматривая больничное крыло. За окном уже опустились сумерки, Ханна, что обычно дежурила здесь, не было, лишь тихое посапывание слышалось рядом.

Присев, Гермиона увидела Малфоя, заснувшего в кресле. На губах проступила улыбка, и в голову закралась мысль приблизиться к нему. Гермиона попыталась соскочить с кровати, но колени тут же подогнулись, и она упала вниз, рукой ударившись о тумбочку и зашипев. От шума Малфой сразу проснулся и поднялся, смотря на неё.

— Грейнджер, ты издеваешься, — выругался он.

Подойдя, он тут же подхватил её на руки. Тепло его тела заставило Гермиону вздрогнуть, но вместе с этим ощутить прилив тока по коже. Малфой опустил её обратно на кровать и сел рядом, поправляя подушку вместе с одеялом. От этой картины Гермиона тихо засмеялась, заставляя Малфоя злобно нахмуриться.

— Знаешь, у меня уже есть мама, — шепнула она ему, улыбаясь.

— Обязательно расскажу ей, как ты встала с постели после суточного сна, — хмыкнул Малфой.

— Может, договоримся? — подмигнула ему Гермиона и лишь после осознала сказанное. — Сутки? Что со мной случилось?

В разуме начали всплывать события, где они стояли на сцене перед открытием Ярмарки. Она всё время смотрела на Малфоя и даже не слушала слов Гарри, за что мысленно себя ругала, но прекратить не могла. После они чокнулись бокалами, она выпила тыквенный сок со странным вкусом и уже хотела поругать студентов, помогающих на кухне, но после... темнота.

— Бронте нашла новый способ закрыть Хогвартс, — пояснил Малфой, подсаживаясь ближе и касаясь палочкой стакана на тумбе.

Наполнив его, Малфой тут же протянул тот Гермионе, она сделала несколько жадных глотков. И только сейчас начала осознавать, как сильно хочет пить, а после с грохотом поставила сосуд обратно на тумбу, заинтересованно смотря на Малфоя.

— Она заставила Сабрину подлить яд в твой стакан, — пояснил Малфой, отводя взгляд. — Как Фоули.

Злость мгновенно накатила на Гермиону, и она уже была готова прямо сейчас отправиться в Министерство, чтобы высказать всё о делах Бронте и использовании в них детей, но Малфой тут же опустил ладонь на её живот, не позволяя встать.

— Её забрали авроры, всё хорошо, — обеспокоенно добавил Малфой.

— А что с Сабриной? — осторожно спросила Гермиона, понимая, откуда в нём столько волнения.

Он на секунду замешкался, словно не зная, как ответить. Вероятно, ситуация была куда сложнее, чем он осмеливался сказать.

— Они проверят воспоминания Сабрины. Должна обойтись записью в личном деле. А Бронте отправят в Азкабан, — кивнул Малфой. — Больше она не потревожит ни детей, ни Кингсли, ни школу.

Эта новость без сомнений радовала, но Гермиона видела поникшее настроение Малфоя и быстро подсела ближе к нему, обнимая и кладя голову на его плечо. Он положил свою ладонь поверх её, медленно поглаживая, пока непрерывно смотрел в одну точку. Гермиона не знала, что происходило в его мыслях в эти секунды, но спустя время на его лице появилась добродушная улыбка, и он вновь взглянул в её глаза.

— Как себя чувствуешь?

— Готова провести ещё пять уроков, — задорно сказала Гермиона.

— Будешь лежать в кровати, — покачал головой Малфой.

Гермиона хитро улыбнулась и прижалась к нему, наклоняясь к его губам.

— У меня есть очень весомые аргументы, — прошептала она и уже хотела его поцеловать, как дверь больничного крыла распахнулась.

— Малфой, я же сказала позвать меня! — закричала Ханна, тут же подлетая к Гермионе.

Ханна сразу оттолкнула Малфоя, заставив его вернуться в кресло, а сама села к Гермионе, светя Люмосом перед её носом.

— Что болит? Не тошнит? Галлюцинации есть?

— Вроде нет, — неуверенно сказала Гермиона и услышала звук шагов.

Через пару мгновений в крыле появились остальные, перекрикивая друг друга вопросами о её состоянии. Нотт ругался, что пытался провести уроки с её студентами и что в её трансфигурации даже развернуться негде.

Крыло быстро наполнилось смехом, возмущениями и многочисленными шутками. Гермиона не могла удержаться от улыбки, чувствуя, как Ханна едва не просвечивает её заклинанием. А чуть дальше сидел Драко, внимательно смотря на неё и заставляя дыхание сбиваться.

В это мгновение она поняла, что самым ужасным поступком, который она могла совершить, было уехать отсюда. Потому что эту школу, этих людей и события она бы ни за что не променяла ни на что другое.

Эпилог

— Мама сказала, что крик Бронте был слышен на всё Министерство, — с упоением вещал Розье, стоя перед ребятами. — Всё отрицала, обвиняла Брину в фальшивых воспоминаниях.

— Даже моей фантазии не хватит на такое, — хмыкнула Сабрина.

— Преуменьшаешь, — пропел Курт, кладя руку на её плечо.

Сабрина улыбнулась и на мгновение подняла взгляд на него, но не оттолкнула, лишь продолжила слушать красочный рассказ Розье о последнем заседании Визенгамота, где Линду Бронте приговорили к пяти годами заточения в Азкабана. С тремя допустимыми посещениями в месяц, которые будут сопровождаться слушателем.

Это решение Визенгамот с радостью одобрил, всё ещё злясь, как ловко она обводила их вокруг пальца несколько лет. В такие моменты понимаешь, что работать в Министерстве не лучшая идея. Хотя бы потому, что нажитые враги могут выносить твой будущий приговор.

— Причём ей почти удалось убедить их, — выдерживая театральную паузу, сказал Розье. — Но в эту же минуту в зале появился Каспер, выкладывая всё, о чём она его просила.

— Это я называю «получить по заслугам», — отметил Курт. — Как, кстати, Каспер?

Розье на секунду удивился вопросу, как и стоящие рядом ребята, но лишь Сабрина осознала, для кого он это спросил.

— Процветает, сблизился с братом и отцом, теперь вместе следят за матерью, с которой даже Поттер не захотел связываться, — улыбнулся Розье.

Все дружно засмеялись, радуясь, что эта история всё-таки завершилась отлично. За их плечами уже были сданные экзамены и последнее, что оставалось, — это собрать вещи и отправиться по домам, чтобы в сентябре встретиться на выпускном курсе. И если он хотя бы вполовину будет проще, чем этот, то, они были уверены, пролетит значительно быстрее и с меньшим количеством происшествий.

— Вот вы где, — подошёл к ним Майлз. — Просили передать.

Он протянул им толстый альбом в кожаной обложке и тут же ушёл. Причём настолько быстро, что они на мгновение засомневались, стоит ли это открывать. Но Курт быстро нарушил их волнение и начал беспорядочно листать страницы, видя колдографии остальных курсов. Но, оказавшись почти в конце, он остановился, смотря на разворот и улыбаясь.

Несколько снимков с их совместных приключений казались настолько тёплыми, родными и радостными, что улыбки появились у них всех. Они с замираем сердца рассматривали страницу с заголовком «Трудные студенты» и поражались всем запечатлённым моментам.

Будто бы вновь проживая этот непростой год, но уже зная, что он закончится на радостной ноте. Это вдохновляло и успокаивало, напоминая, что даже самые тёмные времена сменяются светом.

— А это кто написал? — удивлённо спросила Оливия, видя аккуратные строчки в разных частях страницы.

Розье перетянул альбом на себя и сразу озвучил одну из надписей:

— *«Только мужественные слизеринцы способны упустить выгоду ради верной дороги»*, — прочитал он текст, выведенный знакомым почерком профессора Грейнджер.

— Подвинься, — выругалась Оливия.

Её взгляд быстро нашёл другую запись, написанную тем же пером, которым ей выставляли замечания по зельям.

— *«Даже самый заядлый гриффиндорец рано или поздно удачно применяет слизеринскую тактику»*, — прочитала Оливия.

Все четверо широко улыбнулись, а после подняли взгляды на профессоров, прощающихся с первокурсниками. Малфой и Грейнджер, благодаря которым все они теперь стоят вместе, широко улыбались и выглядели счастливыми. Будто два непримиримых врага, которые однажды смогли договориться и им слишком понравилось это чувство, чтобы от него отказаться.

Это превращало, казалось бы, невозможный союз в вечный. И ни одна преграда, Линда Бронте или почти закрытая школа не остановит тех, кто хотел добиться желаемого и любит то, что делает.

В этом и заключался педагогический состав, который собрал Гарри Поттер. Профессора, пережившие ужас будучи детьми, не останутся равнодушны к проблемам студентов и никогда не отвернутся, насколько бы злыми ни казались. Они не просто деканы, преподающие дисциплины и выставляющие баллы.

Это наставники, помогающие не свернуть с верного пути.

Примечание к части

Педагогический состав был работой, которую я по началу не воспринимала всерьёз. После ангстового Призрака с его кровожадностью и серостью писать нечто смешное, доброе и позитивное было непривычно. На первых парах складывалось ощущение, словно это не настоящая работа, а так игра, которая никому не понравится. Но сейчас я принимаю, что Педагогический состав принёс мне не меньше удовлетворения, чем Призрак.

Да, здесь меньше громких слов, смертей и выборов на грани жизни и смерти. Но Педагоги полны радости, юмора, доброты, улыбок и открывают для нас ребят не как студентов или людей, перед которыми стоят важные задачи. Нет. В этой истории они перерастают период собственных интриг и становятся наставниками для других, при этом продолжая учиться у своих студентов уже

иному.

Они не слабые, они другие...

Надеюсь, что эта работа стала для вас таким же отголоском тепла, как и для меня. Уверена, у вас есть вопросы и не один (почему Сабрина не в Азкабана? Мы ждём этого с первой главы!), поэтому приглашаю вас к себе в тг-канал <https://t.me/friendmalfoy>. Разместим сегодня ссылку для анонимок и всё с вами обсудим)

Помимо этого, хочу напомнить, что скоро у нас стартует предзаказ на печатную версию Педагогического состава и это будет невероятно! Так что заглядывайте)

Но даже без этого...Спасибо, что прожили со мной эту историю.